

[Polaris]

А. ОССЕНДОВСКИЙ
БРИГ "УЖАС"

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
ТОМ II

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCXLIV

Salamandra P.V.V.

**Антоний
ОССЕНДОВСКИЙ**

**БРИГ
«УЖАС»**

Избранные сочинения
Том II

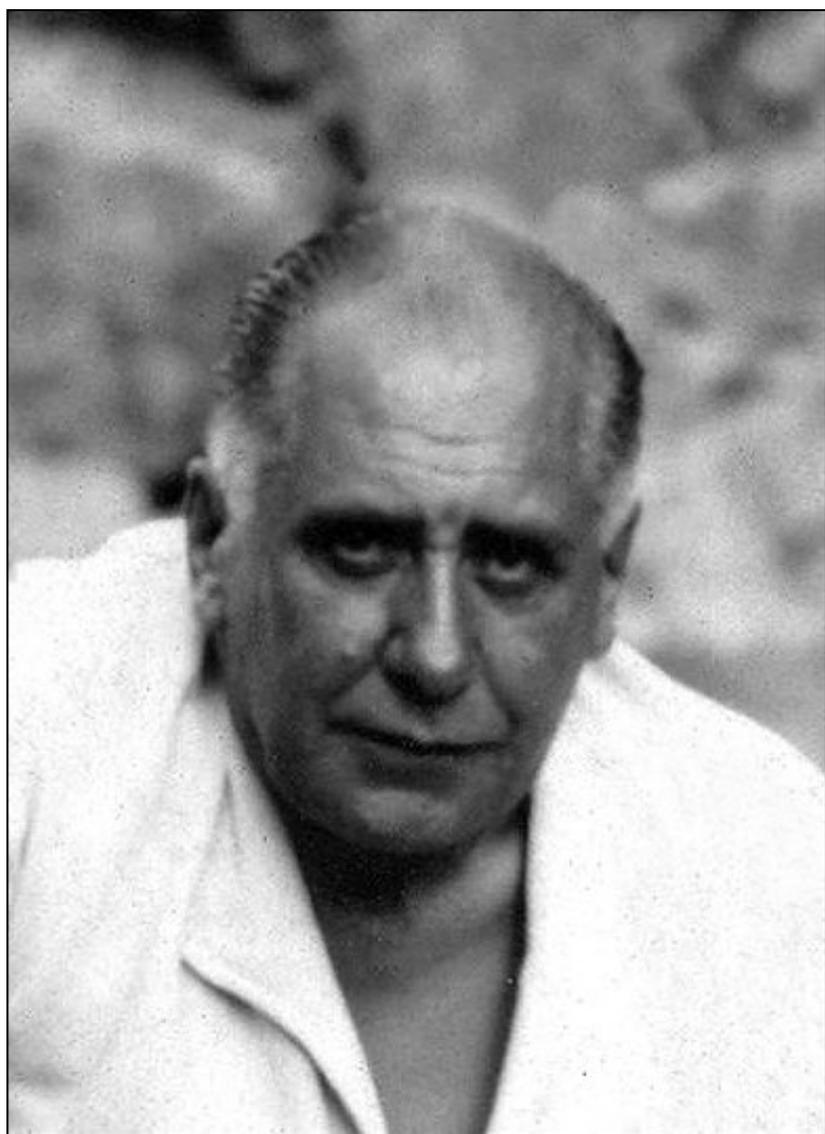
Salamandra P.V.V.

Оссендовский А. Ф.

Бриг «Ужас». Сост., подг. текста и прим. М. Фоменко и А. Шермана (Избранные сочинения. Том II). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 197 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXLIV).

Настоящее издание является первым на русском языке собранием избранных сочинений польско-русского писателя, ученого, путешественника и авантюриста Антония Фердинанда Оссендовского (1876-1945).

Во второй том собрания, «Бриг “Ужас”», вошли научно-фантастические повести «Бриг “Ужас”», «Женщины, восставшие и побежденные» и «Грядущая борьба».

**БРИГ
«УЖАС»**

БРИГ «УЖАС»

«На берегу Больше-Земельской тундры найден сгнивший остов парусного брига. На корме сохранились две буквы: «Уж...»

(Из газет).

I

Таинственные явления

Сначала Пулковская обсерватория, а за ней и другие наблюдали с самого начала года странные, никогда никем еще не описанные явления. Кроме ученых, следящих за бесконечным простором междупланетного океана в огромные телескопы, к небу издавна стремятся взоры всех людей. Неудивительно поэтому, что в деревнях и в селах люди пожилые, а в лесах охотники, привыкшие доверять звездному небу больше, чем часам и компасу, заметили на луне какие-то зеленоватые вспышки. Они следовали одна за другою через короткие промежутки, и было их всего девять.

Так как год был високосный, то старики и старухи, услышав об «огнях на месяце», решили, что быть неурожаем и пожарам во всей их округе. На этом и успокоились и, как положено от Бога, по заветам дедов и прадедов, терпеливо ждали всякой беды и напасти.

Те же вспышки наблюдались и в обсерваториях Европы, где их насчитали не девять, а целых двадцать, хотя пока не знали о них больше, чем охотники, принесшие такую новость в деревни, и древние старики, сделавшие свои мрачные предсказания.

Правда, что в обсерватории университета один студент, упражнявшийся в изучении состава небесных светил по выпускаемым ими лучам, совершенно случайно навел на полную луну объектив спектроскопа и при яркой вспышке на мертвом спутнике земли в составе его лучей обнаружил при-

сутствие железа.

На другой же день в газетах, куда проникли известия об открытии студента, появились сенсационные статьи под заглавием: «Обстрел луны», «Таинственные снаряды на луне», «Нападение селенитов» и другие заголовки, не менее заманчивые и крикливые. В этих статьях авторы пытались доказать два положения. Одни говорили, что, так как луна — светило, совершенно остывшее, и на нем не может быть вулканических извержений, то вспышки происходят от удара о поверхность луны железных снарядов, кем-то бросаемых на луну. Другие авторы склонны были допустить, что существа, живущие внутри коры мертвой планеты, где еще могли сохраниться следы теплоты, мечут при помощи каких-то орудий снаряды в сторону земли.

Поднялся ожесточенный спор, и полемическими статьями были наполнены все газеты.

Ученые молчали. Большинство из них не доверяли наблюдению студента, и открытие железа в таинственных вспышках на луне приписывали его неопытности и просто ошибке.

Однако около каждого телескопа с того времени был установлен и спектроскоп, но вспышки на луне прекратились, и ученые тщетно ожидали случая изучить природу этих таинственных явлений.

Пока астрономы, разбираясь в полученном наблюдателями материале, строили свои догадки и вырабатывали новую теорию, случились происшествия, заставившие общество позабыть о таинственных вспышках на луне.

В Архангельск с сильным креном на правый борт пришел лучший промысловый пароход «Двина» под командой опытного штурмана Семена Гавриловича Настюкова.

«Двина» лет пять тому назад прошла вокруг Европы из Англии, где ее строила знаменитая Гальстингская верфь. Пароход был двухтрубный, типа морских ледоколов, устойчивый и сильный, не боящийся даже значительных полярных льдов.

Стальной корпус «Двины» и ее могучий тупой нос много раз сталкивались с льдами, и всякий раз победа остава-

лась за пароходом, несшим в своих трюмах большой груз трески и ворвани.

Под стать отличному судну была и команда. Она была набрана самим Настюковым, а уж он за время своего плавания по Ледовитому океану узнал немало бесстрашных и опытных моряков и приглядел себе команду на диво.

Неудивительно поэтому, что, выходя в море, шкипер всегда улыбался и говорил:

— Нас всего пятнадцать человек, а мне так вот и кажется, что у нас на «Двине» сто пар дюжих рук!

Вот почему, когда в городе узнали, что к пристани, сильно дымя, тащится «Двина» с креном направо, весь город выбежал на берег.

Когда пароход ошвартовался, все заметили, что палуба судна обгорела, а на корме потрескалась и вспузырилась краска.

— Ну, помиловал Бог! — широко крестясь, сказал Семен Гаврилович. — Дошли! А дело было — табак! Большое бедствие терпели...

Но больше этого ни он и никто из команды «Двины» ни словом не обмолвился.

На все расспросы старший боцман, Трофим Нерпа, молодой, дюжий помор, скалил белые зубы и отвечал:

— Вот уж! Отрапортуется штурман в портовой контро, — тогда, может быть, что и порасскажет.

А Настюков в это время стоял перед портовыми чиновниками и, развернув карту Ледовитого океана, водил по ней пальцем и говорил:

— Зашли мы на этот раз далеко за Вайгач. Треска шла лавой и уходила к северу, мы ей и пошли наперерез. Улов был удачный. Всю посуду заняли, ворвани вытопили полный груз и, убравшись, тихим ходом, не спеша, шли домой. Только вышли мы из Югорского Шара, нам навстречу большой парусник попался. Давно я такого не видел. Не наш, видно. Он чего-то вертелся на горизонте, близко не подходил, а тут нас, как на беду, хватил шторм. Неладно от него, верно, паруснику было. Совсем исчез он из виду. Трепал нас шторм, должно быть, часов пятнадцать и унес в Хайпу-

дырскую губу, вот сюда...

Шкипер нагнулся над картой и, показав отмеченный черной точкой островок, продолжал:

— Думается мне, что верстах этак в 100-110 от Югорского Шара лежит этот остров. Низкий берег его едва поднимается над водой, и только вдоль островка идет каменная гряда. Все это я разглядел в бинокль, когда думал, не укрыться ли мне здесь от шторма. Но море здесь, видно, было мелкое, да и рифов я побоялся. Положил я руль на левый борт и вышел на прежний румб. Вот тогда впервые это и случилось...

Семен Гаврилович перевел дух, затянулся дымом трубки и начал опять говорить:

— Отошел я миль на семь от островка, как вдруг откуда-то донеслось сначала легкое, чуть слышное стрекотание, потом громкие, короткие стуки, а затем что-то со звоном ударило в палубу и затихло. Мы бросились туда, и на носу увидели большую круглую дыру.

«Снаряд?» — спросил меня боцман.

Я не знал, что ответить, так как не понимал, откуда мог очутиться здесь снаряд. Кругом на горизонте не было видно ни дыма, ни паруса. За все время нашего плавания мы встретили только большой парусник да двух парусных норвежцев, а от берега нас отделяло море более чем на 100 верст. Но изумляться и раздумывать долго не пришлось. Из машинного отделения прибежал кочегар и сказал, что в трюмах показалась вода, и слышно, как она течет снизу, у носовых шпангоутов. Пока мы чинили пробойну и прежним ходом шли из Хайпудырской губы, прилетел второй снаряд. Он пробил трубу, придясь наискосок, и упал в грузовой трюм, где с треском разорвался, разбив десять бочек ворвани и сделав брешь в правом борту. В трюме начался пожар. Мы не могли потушить ворвань, которая, загоревшись, текла дальше и дальше, грозя сжечь весь корабль. Спасло нас то, что в брешь, — когда мы вышли из губы, и нас начала настигать морская волна, — хлынула вода, и горящий жир всплыл на поверхность моря. Мы подвели брезентный пластырь, но выкачать воду так и не могли, и вот...

Подойдя к окну, шкипер указал рукой на покачивавшиеся вправо трубы и мачты «Двины».

— С большим креном шли и чуть-чуть добрались, — сказал Настюков. — Не в том беда, конечно. Войдем в док и починимся. Нехорошо то, что команда сильно напугана. Списываются с борта, не хотят в другой раз встречаться с чертовщиной.

Подумав немного, он закончил:

— А как же не назвать чертовщиной того, что случилось? Никак не объяснить этого! Что нас пробило? Почему мы не нашли осколков снаряда? Что могло так сразу поджечь ворвань? А тут еще этот профессор...

— Какой профессор? — спросил, подходя к шкиперу, один из чиновников.

— Досадно даже говорить! — вдруг рассердился Настюков. — Я сразу, тогда же знал, что нам не повезет в это плавание! Вышли мы в море из Архангельска, и вдруг навстречу нам попался парусный баркас. На руле и у парусов поморские рыбаки. Машут флагом. Дал я тихий ход. Поравнялись они и кричат: «Бумага вам из Петербурга!» Застопорили мы машину, опустили трап. Из баркаса к нам поднялся господин. Молодой еще, высокий и красивый. Показал нам свои бумаги. Оказалось — от академии его послали изучать Ледовитый океан. Он ушел на баркасе в море, а мы-то в это время и снялись. Он на берегу не успел с нами поговорить... Один человек — не помеха, даже веселее — все же новый человек, ну, и взяли мы его...

— Мы знаем о профессоре Самойлове, — сказал чиновник: — и очень беспокоились за него: думали, что утонул. Только через месяц рыбаки нам донесли, что на «Двине» он ушел.

— Вот профессор все молчал, а когда у нас начался пожар, покачал головой и сказал: «Я его нашел! Это он творит бессмысленное, безумное зло!» И больше ничего не говорил, только смотрел в бинокль и много-много писал...

Ответив на заданные ему вопросы и подписав свой рапорт, шкипер откланялся и ушел.

В тот же день в портовую контору был вызван и профессор Самойлов.

Между ним и портовыми властями произошел очень короткий и многозначительный разговор.

— Вы профессор Василий Власович Самойлов? — спросили его.

— Да! Я командирован в северные воды Академией Наук, — ответил, отказавшись от предложенного ему стула, ученый. — Надеюсь, что вам это доподлинно известно из телеграмм Академии и Географического общества. Вам угодно знать мое мнение об аварии «Двины»? У меня имеется определенное решение этого вопроса, но это послужит темой для моего доклада в Петербурге, куда я отправляюсь сегодня с вечерним поездом. Я могу добавить, что я совершил за последние пять лет несколько переходов по Ледовитому океану и что искал здесь причины многих явлений, обративших на себя внимание ученых. Это почти все, чем я пока могу поделиться с вами. В заключение, позволю себе дать вам совет объявить опасным для судоходства ту часть Хайпудырского залива, которая находится в 100 верстах от южной оконечности острова Вайгача и в 60 — от острова Долгого.

На все дальнейшие вопросы профессор отказывался отвечать, ссылаясь на предстоящий доклад Академии и Географическому обществу.

О случившейся необычайной аварии рыболовного судна «Двина» пошли донесения порта в разные учреждения, но до Петербурга известия о злоключениях парохода привез профессор Самойлов.

В первый же день своего приезда в Петербург Самойлов посетил почтенного академика, Павла Федоровича Туманова.

Туманов, его жена и сын-студент сидели за обедом, когда прислуга подала карточку Самойлова.

— Василий Власович! — бросился навстречу входящему академик. — Наконец-то!

Они крепко обнялись и расцеловались. Когда после первых приветствий все уселись за стол, вдруг наступило тяго-

стное, неловкое молчание. Все чувствовали, что настал жуткий момент вопроса и еще более страшное ожидание ответа.

Первой заговорила жена Туманова. Прерывающимся голосом, в котором дрожали слезы, она спросила:

— Есть ли хоть какая-нибудь надежда? Не нашли ли вы следов нашей несчастной Нины?

Самойлов в глубоком волнении встал из-за стола и сказал, отчетливо произнося и разделяя каждое слово:

— Я ничего не знаю о Нине... ничего... но я нашел *его*, и теперь ему не уйти от нас. Я видел своими глазами бриг «Ужас».

Все в изумлении уставились на говорившего.

— В Ледовитом океане, к югу от Югорского Шара, есть остров Безыменный, в 80-ти верстах от Больше-Земельской тундры. Туда скрылся Яков Силин...

— Он может жить повсюду, зная наш секрет! — вздохнул старик.

— Силин живет и творит свое неправо дело! — сказал Самойлов. — Он по-прежнему бессмысленно вредит людям. Но — вот, послушайте все по порядку.

И профессор рассказал Тумановым о своем плавании на «Двине», о встрече с парусным судном и о событиях в Хайпудырской губе.

Когда он окончил свой рассказ, старик пригласил его к себе в кабинет и, достав из ящика какое-то письмо, протянул его Самойлову.

Письмо было от друга Павла Федоровича, скандинавского ученого, ботаника Ларса Сванборга. Ученый просил Туманова помочь ему изучить одно явление, наблюдающееся в течение последних лет.

Деревянные рыбацьи шхуны, занимающиеся ловлей сельди, трески и китобойным промыслом между Шпицбергом и Беринговым морем, почти все погибли, придя в норвежские порты. Они сгнили, а их обшивка, палуба, мачты и даже паруса превратились в студенистое бурое вещество.

Исследованиями удалось установить, что шхуны привезли откуда-то плесень, съедающую дерево. Одна из шхун

остановилась в Варангер-фьорде, около деревни Тайноне, и вскоре все хижины деревушки и церковь были уничтожены плесневым грибом.

Ботаник писал дальше, что плесень эта напала на людей, и правительству пришлось отделить кордоном целый береговой округ, пораженный завезенной из страны вечных льдов ужасной неведомой болезнью.

— Я просил Сванборга прислать мне маршруты путей, по которым плыли эти шхуны, — сказал Туманов: — и я узнал, что все они шли через Югорский Шар. Не знаете ли вы что-нибудь об этой плесени? Если это наш гигантский пласмодий — тогда все понятно...

Самойлов, ничего не говоря, вышел в прихожую и принес маленький дорожный саквояж. Он вынул черную коробочку и, открыв ее, показал академику целый набор стеклянных трубочек, на стенках которых раскинулись пятна белой жирной плесени.

— Это — пласмодий! Мой пласмодий! — воскликнул Туманов, закрывая лицо рукавом.

— Терпение! — сказал Самойлов. — Теперь недолго уже. Час мести настал.

Он глубоко ушел в кресло и почти шепотом произнес:

— Как я его ненавижу! Там, среди льдов, под немолчный шум суровых, тяжелых волн я видел преступное лицо Силина. Когда все на пароходе замирало, я звал его! Я ждал, что увижу его плывущим навстречу мне... Я клянусь вам, что я бросился бы за борт, и тогда наступил бы час последнего решительного боя!.. Но я видел в течение нескольких минут лишь его судно...

Профессор замолчал, но тотчас же встал и начал ходить по кабинету, хватаясь за голову.

— Боже правый! — шептал он дрожащим от сдерживаемых рыданий голосом. — Ведь уж почти пять лет, как я не видел Нину. Пять лет! Жива ли она, любимая, желанная?!

Громкие рыдания прервали его слова, и Самойлов быстро покинул кабинет.

II

Экспедиция «Грифа»

Через полгода из Петербурга вышел отлично снаряженный пароход «Гриф», несший на мачтах и корме два флага — русский и норвежский. Все ученые общества обеих стран приняли участие в новой северной экспедиции. Целью ее было исследование причин замечаемых за последнее время болезни и вымирания рыб и промысловых морских животных Ледовитого океана.

Штурманы рыболовных шхун рассказывали, что около полуострова Ялмала были замечены стаи рыбы, быстро подвигающейся к востоку, несмотря на то, что в это время года рыба обыкновенно шла на запад к северным берегам Скандинавского полуострова. Другие, зашедшие еще восточнее, шхуновладельцы и рыбаки попали на меридиане «Островов Уединения» в полосу океана, покрытую трупами мертвой рыбы.

На льдинах виднелись слабые, очевидно, издыхающие тюлени и моржи, а стаи чаек и орланов носились над этим медленно плывущим кладбищем.

Экспедиции было поручено также обследовать острова, лежащие в Хайпудырской губе, составить карту и описание их природы.

На своем борту «Гриф» вез известных своими путешествиями и учеными трудами профессоров Туманова, Сванборга и Самойлова. Пароход экспедиции не был вооружен артиллерией, хотя brave командир крейсера, отставной морской офицер Любимов, заупрямился и не захотел расстаться со скорострельной пушкой Гочкиса, стоящей на капитанском мостике.

Переход от Петербурга до Архангельска сделали быстро. Заходили только в Тромзе, где у английской компании «Джон Смойл энд Берри» запаслись кардифским углем, нагрузив им все трюмы и боковые обшивочные камеры.

Последняя остановка «Грифа» была в Варде, где должны были принять на борт двух норвежских боцманов, знакомых с северными водами. В Варде в это время года на рейде обычно бывает совсем пустынно, так как шхуны, паровые баркасы и даже шлюпки, которые поустойчивее, уходят на лов, пользуясь тем, что сельдь появляется всего в десяти милях от материка.

Когда же «Гриф» от мыса Норд-Капа взял курс на Варде, начали попадаться сначала отдельные шхуны, а затем и целые флотилии мелких судов.

— Это только после отчаянного шторма шхуны сходятся, подсчитывая свои потери, — заметил командир парохода. — Но ни барометр, ни телеграф не указывали на такой шторм!

Когда же «Гриф» был уже в виду Варде, все так и ахнули.

— Да нам здесь и не протолкаться! — крикнул капитан Любимов.

И действительно, весь рейд был занят стоящими на якорях или у бочек шхунами, паровыми баркасами и широкими, как лохани, парусниками старого типа. В открытом море, цепляясь за брошенные якоря, трепались рыбацьи суда со свернутыми и покрытыми клеенкой парусами и одинокими фигурами вахтенных у штурвалов.

— Ума не приложу! — разводил руками командир. — Что-то стряслось у них, верно!..

Только Сванборг печально покачивал седой головой и, поворачиваясь к Туманову, сказал:

— Верно, опять эта болезнь напала на рыбу. Боже мой! Снова целые округа будут голодать!

Пока высказывались различные догадки, «Гриф» тихим ходом вошел на рейд и, бросив якорь у правого входного створа, подал сигнал сиреной.

Вскоре подошла шестивесельная шлюпка, и из нее поднялись на палубу шкиперы, старые морские волки.

На них набросились с расспросами о причине такого сбора судов в Варде.

— Беда! — сказали они. — Миллионы рыб всплыли на поверхность моря. Десятки миль водного пространства по-

крыты гниющей треской и сельдью. Никто не знает, что за причина, но бедствие ужасно, голод и крахи неминуемы. Уже две богатейшие фирмы прекратили вчера платежи. Хуже же всего то, что большинство рыбаков разорено навсегда. Их деревянные суда превратились в какую-то бурую, зловонную слизь. Они гниют, распадаются и заражают все кругом этой проклятой болезнью! Половина команд хворает — их свезли вот на то судно. Оно прислано правительством для карантина.

Рассказывающий об этом шкипер указал пальцем в юго-западный угол рейда, где виднелось большое белое судно с черным флагом на грот-мачте.

— Умирают уж люди!.. — добавил другой шкипер и вздохнул.

— Что за напасть такая? — воскликнул командир «Грифа». — Да ведь раньше я об этом никогда не слышал! Что-бы в одну кампанию судно могло сгнить — да где это видано?

Не сходя на берег, командир по беспроволочному телеграфу снесся с властями в Варде и, не получив от них никаких новостей, вышел в море.

В Архангельске простояли пять дней, грузили провизию, ездовых собак и скот и при свежем восточном ветре на всех парах пересекли Белое море по курсу на мыс св. Нос.

Около южной оконечности острова Колгуева, по приказанию Туманова, на «Грифе» были остановлены машины и спущены шлюпки с различными приборами. Все чаще и чаще попадались большие скопища уснувшей рыбы. Когда несколько штук было доставлено на палубу, Сванборг и Туманов осмотрели их. Трупы были покрыты беловатой слизью и легким, едва заметным пухом плесневого налета.

— Это пласмодий... — сказал Туманов, взглянув на своего ученого друга.

— Не думаю... — попробовал было возразить скандинавский ботаник.

Академик однако сразу же прервал его и заметил:

— Троньте рукой эту рыбу! Вы чувствуете — она горяча? Это только пласмодий с такой быстротой пожирает свою жертву и, переваривая ее, выделяет столько теплоты.

Экспедиция занялась вопросом, на какую глубину опускаются зародыши плесени, в какой степени развития они находятся и сколько их.

Делая промеры и производя многочисленные пробы, «Гриф» медленно подвигался в сторону Югорского Шара.

— Вы утверждаете, что это пласмодий? — спросил однажды вечером, подойдя к Туманову, Сванборг. — Но ведь пласмодий, это — простейшее существо, от которого путем дальнейшего развития появились и другие организмы, и давно уже в своей первоначальной форме вымерло на нашей планете?

— Так думали, — сказал академик. — Мне удалось найти его зародыши в трещинах самых старых каменных углей, добываемых с большой глубины. Там, в недрах земли, они притаились и пережили тысячелетия. Я их призвал к жизни, изучил их страшную силу, заставил размножаться с необычайной быстротой и мечтал...

— Мечтали? — спросил Сванборг. — О чем?

— О счастье человеческого... — вздохнув, ответил ученый. — О том, чтобы заставить пласмодий из врага превратиться в друга. Я хотел... Не пусть лучше расскажет вам об этом профессор Самойлов. Он так много работал с покоренным пласмодием.

Все собрались около молодого ученого.

— Если поместить в земле отбросы городов, трупы животных или растений, каменный уголь, опилки или валежник, — начал свой рассказ Самойлов, — и засеять в такой земле зародыши пласмодия, то он, пожирая эти остатки, согревает почву и удобряет ее. В северных широтах, благодаря работе пласмодия, могут расти и зреть такие растения, родина которых знойная Индия; можно снимать по три урожая в год, а одно зерно пшеницы даст колос в 350 зерен.

— Почему же ученые ничего об этом не знали? — с недоумением в голосе спросил Сванборг. — Ведь это — величайшее открытие века!

— Да, — согласился с ним Самойлов и, нагнувшись к самому уху скандинавского ученого, начал шептать: — Это ве-

личайшее открытие моего учителя, мечтавшего об облегчении суровой жизни на земле, сделалось кошмаром его жизни. Я боюсь рассказывать, боюсь, чтобы Туманов не услышал.

Сванборг взял молодого профессора под руку и увел его на ют. Здесь они оперлись о борт парохода, и Самойлов рассказал мрачную историю возрождения пласмодия и открытия способов его применения для земледелия.

— Когда Туманов добыл зародыши пласмодия и получил первые колонии этого полугриба, полуплесени, — мы устроили огород на небольшом академическом двореке, мы перерыли в одном углу землю, перемешали ее со всяким сором, опилками и обрывками коры, сложенными дворниками около поленниц дров. Когда затем были приготовлены грядки, мы засеяли на них зародыши пласмодия. Ожидали мы с большой тревогой, бегали на наш огород чуть ли не каждую минуту. А надо вам сказать, что на дворе был декабрь, и морозы стояли ужасные. Один из ассистентов, Яков Силин, вбежал однажды к нам и крикнул:

«Пар идет от гряд!»

Мы бросились на двор и увидели, что от гряд действительно поднимается густой пар и опадает на землю тяжелой изморосью. Мы измерили температуру земли: она оказалась нагретой до 30 градусов. Туманов нам сказал тогда:

«Я не ошибся. В наших руках находится пласмодий, ужасный гриб, пожравший в прежние геологические эпохи гигантские леса, покрывавшие почти всю нашу планету. Это он подтачивал стволы плаунов и гигантских древовидных папоротников, а они падали в реки и озера, сносились водой в глубокие долины и, покрываясь слоем песка и глины, медленно сгорали, превращаясь в каменный уголь. Теперь мы посеем на наших грядах рожь и горох!»

Мы очень удивились, так как думали, что посеянные зерна немедленно будут съедены пласмодием. Однако Туманов велел нам перерыть еще всю землю и, бросив щепотку какой-то соли, полил гряды водой.

«Теперь, — сказал он, — пласмодий впадет в состояние бездеятельности. Он будет лишь переваривать поглощенную

им пищу, удобрять и нагревать землю».

Так и случилось! — воскликнул Самойлов. — Через десять дней в 25-градусный мороз из земли поползла трава. Ее бил и сушил мороз, но зеленые части растений неудержимо тянулись кверху. Тогда мы покрыли наши гряды рогожами, и этого было достаточно для того, чтобы рожь заколосилась, горошек быстро отцвел и дал стручки...

Самойлов вздохнул и умолк.

— Что же дальше? — спросил Сванборг.

— Особенно много занимался открытием Туманова его ассистент Силин. Как раз во время этих работ он сделал предложение Нине, дочери Тумановых. Она сначала согласилась, но потом отказала Силину, и он, считая меня виновником своей неудачи, заразил меня плазмодием. Сделал он это тогда, когда я спал и не мог сразу принять меры к борьбе. Он скрылся потом, захватив с собой несколько трубок с плазмодием, и с той поры мы Якова Силина не видали.

— Что было с вами? — спросил слышавший рассказ профессора командир.

— Я хворал три года и два раза за это время был на краю гибели, — ответил Самойлов. — Меня спасла поездка в Египет, где я целое лето лежал под знойным солнцем Африки.

Однако голос молодого профессора звучал грустно, а норвежец, тихо прикоснувшись к его руке, спросил:

— Извините за любопытство! Вы женаты?

Самойлов быстро отошел от перил и несколько раз прошелся по палубе.

— Нет, господин Сванборг! Я не женат...

На этом разговор их прекратился; норвежский ученый не решался задать еще один вопрос, а Самойлов угрюмо смотрел на небо и следил за черной тучей с белыми разорванными краями, ползущей по небу. Оба чувствовали себя неловко. Из этого затруднения вывел их резкий порыв ветра, заставивший вздрогнуть весь корпус судна.

— О, какой свежий ветер! — воскликнул Сванборг. — Полярные воды долго не остаются спокойными...

Новый порыв заглушил его слова, а вслед за этим раз-

дались сверху пронзительный свисток и громкий голос одного из боцманов:

— Крепить снасти! Подтянуть тали у шлюпок!

На палубе слышались топот ног, новые свистки и глухой гудок парохода.

Ветер был с кормы. Море уже почернело, и на вершушках поднявшихся волн зловещими пятнами забелели пеннистые гребни. Они догоняли судно и, ударяясь о корму, словно зубами впивались в его черную железную обшивку. Пароход вздрагивал и с жалобным скрипом резкими прыжками подвигался вперед, то взбираясь на самые вершины волн, то стремительно скатываясь вниз.

Все попрыгались в нижние помещения; по палубе гуляли волны, перекатываясь с кормы до самого носа. На капитанском мостике стоял в непромокаемом плаще командир, всегда шумный и возбужденный, и, смотря в бинокль, говорил находившемуся тут же Туманову:

— Слева от нас должен быть огонь! Там — Колгуев и деревня Иоланга, где находится старый, еще не упраздненный маяк. Но я не вижу огня... Что это значит?

Он приказал дежурному матросу позвать норвежских боцманов. Они подтвердили, что в Иоланге всегда горит огонь и что теперь они его тоже не видят. Надвигая на глаза свои кожаные шапки, они с недоумением всматривались в туман и на едва заметный на севере высокий, изрезанный берег большого острова.

Они пожимали плечами, изредка перекидываясь короткими замечаниями.

— Шлюпка на море! — крикнул штурвальный.

Действительно, черная точка с левой стороны от «Грифа» то появлялась, то исчезала среди водяных гор. Всякий раз, когда лодка стремительно проваливалась в пучину, всем наблюдавшим за нею казалось, что она уже не выплывет, но черная точка снова выносилась на гребень волны и, мелькнув на одно мгновение, опять исчезала.

Хотя уже смеркалось, люди, сидящие в лодке, не могли не заметить парохода. Он густо гудел и завывал сиреной, оставляя в воздухе длинную и черную полосу дыма.

В бинокль можно было разглядеть, что в шлюпке было трое людей. Сидевший на руле оглянулся на идущий сзади пароход, и тотчас же на шлюпке подняли косой парус. Лодка, как чайка, понеслась по волнам, перелетая с гребня на гребень и зарываясь носом в пену. Помогая ветру, торопливо взмахивали весла.

— Они убегают от нас! — с недоумением сказал один из норвежцев.

— Это совсем непонятно! — пожал плечами командир «Грифа».

— В этих широтах нет контрабандистов. Не пираты же они, в самом деле! Ведь нападать на промысловые суда в такой посудине — глупо.

Подумав немного, он решил что-то и скомандовал в машинное отделение:

— Полный ход! Все по местам! Готовься к маневру!

— Курс по шлюпке! — сказал он, повернувшись к штурвальным.

— Есть! Курс по шлюпке! — повторили те.

С каждым поворотом винта пароход настигал убегающую лодку.

«Гриф», взяв под ветер, обошел ее и вдруг застопорил машину.

Командир в рупор крикнул, перегнувшись через парапет мостика:

— Убери парус и лови конец!

Заслышав приказание, трое людей, сидевших в шлюпке, спустили парус и, переложив руль на правый борт, подошли к «Грифу» и ловко поймали брошенный им линек.

III

Встреча с бригадом «Ужас»

На «Грифе» в кают-компании за столом сидели командир судна, Туманов, Сванборг, Самойлов и оба норвежских боцмана.

Взятые на борт люди не внушали к себе доверия и не возбуждали симпатий. Злобные лица их, искаженные дурной усмешкой, и косящие, бегающие глаза заставляли догадываться, что в жизни этих загорелых, коренастых людей было много мрачных страниц.

— Вы кто такие? — спросил командир.

Они быстро переглянулись, и один из них, казавшийся более пожилым, ответил, сильно картавя:

— Морские люди мы, мореходы, значит...

— Чем промышляете? — допрашивал командир.

— Рыбу промышляем, нарвала гоняем, моржа бьем, господин.

— Как тебя звать?

— Никифор...

— Ведь не на этой же шлюпке мотаетесь вы по океану? — спросил старший боцман.

— Знамо, нет! — ответил, ухмыляясь, допрашиваемый.

— Вы с какого судна? — продолжал выведывать командир.

— С большого... — нагло смеясь, сказал Никифор.

— Лясы не точи, дело докладывай, если линьков с десяток не хочешь! — крикнул, ударяя кулаком по столу, командир. — Н-ну!

— Нам, господин, ничего не велено сказывать! — глухим голосом ответил Никифор. — Скажем только: ежели касатку встретишь, — знай, и кит тут где-нибудь поблизости... Мы что? Мы — касатки.

— Ладно! — угрюмо произнес командир. — Ни разу не бивал я у себя на борту людей. А ты попробуешь, видно.

Заговоришь тогда, да, гляди, не поздно бы было!

— Как вашей милости будет угодно, — пробормотал тот.
— А только мы ни при чем...

— Посмотрим! — прервал его командир. — А зачем от Колгуева шли? Там теперь рыбы нет!

— Живой груз возили... Человека на берег доставили.

— Человека? Какого человека? — спросил Туманов.

— Женщину... — неохотно ответил Никифор. — А как доставили, на маяке смотритель огонь погасить велели. Вас заприметили. Боялись — в Иолангу пойдете! Вас заприметили. Боялись — в Иолангу пойдете!

Самойлов поднялся и подошел к говорившему:

— А сколько дней из Хайпудырской губы шли вы сюда на «Ужасе»?

Никифор умолк и потупился:

— Нам ничего не известно...

— Линьков! — скомандовал командир, и матросы схватили Никифора и его товарищей, рослых парней с лицами, до самых глаз заросшими включенными бородами.

Никифор молчал, а остальные бормотали что-то и брызгали слюной, стараясь освободиться из дюжих рук матросов.

— Что они говорят? — спросил Самойлов.

— Они оба немые, господин! — пояснил, мрачно вскидывая на профессора глаза, Никифор. — Языки у них отрезаны...

Допрос длился еще долго, так как от наказания взятых на борт людей решено было отказаться.

Никифор не проронил более ни слова. Он уставил глаза в палубу и молчал. Двое немых бессвязно бормотали глухими, гортанными голосами, дрожа и кланяясь.

— Отпустите их! — сказал Туманов. — Все равно от них ничего не добьетесь!

— Черт с вами! Убирайтесь вы к своему киту и скажите, чтобы он не встречался с Федором Любимовым, а не то попробует он моего Гочкиса.

Неуловимая усмешка мелькнула по лицу Никифора, и он, низко поклонившись, пошел к борту, махнув рукой своим товарищам.

Когда все вышли на палубу, море тонуло в густом мраке, и, невидимые уже, метались и ревели волны. Где-то на горизонте мигнул огонь. Зеленоватая вспышка его едва была заметна. Через несколько мгновений все услышали, что над «Грифом» с визгом и шипением пронеслась ракета, оставляя за собою огненный след. Другая и третья ракеты пронизали мрак, и одна из них с треском разорвалась за кормой парохода.

— По судну стреляют! — воскликнул капитан Любимов. — Погасить баковые огни и огонь на фок-мачте! Сидорчук, к пушке! Господа, — обратился он к членам экспедиции, — я попрошу вас удалиться в каюты.

В приготовлениях к возможному бою никто не заметил, как шлюпка Никифора, подняв парус, отошла от «Грифа» и как ее тотчас же поглотил мрак.

Выстрелы больше не повторялись, и море кругом было совсем пустынно.

«Гриф» шел без огней. Сидорчук, опытный и меткий канонир, оставался у пушки; у штурвального колеса сменялись норвежцы, а командир не сходил с мостика.

Когда к нему поднялся Самойлов, капитан Любимов с большим неудовольствием отнял бинокль от глаз и повернулся в сторону ученого.

— Профессор, — сказал он строго, — я ведь вас просил оставаться в каютах. Здесь бой, — и здесь уж наше дело!

— На море никого нет, — возразил Самойлов. — Ваш невидимый враг ушел!

— Нет, — покачал головой Любимов. — Я — старый моряк, и у меня есть чутье. Оно мне подсказывает, что опасность очень близка от «Грифа», и я чувствую ее приближение...

— Капитан, — сказал Самойлов, — все члены нашей экспедиции поручили мне просить вас взять курс на Колгуев. Мы хотим знать, кто был свезен отпущенными нами людьми на остров. Это может многое объяснить нам.

Лицо Любимова, обычно такое веселое и добродушное, сделалось темным и злым.

— Простите! — произнес он глухим голосом. — Мое судно было обстреляно, и я должен найти и наказать виновного.

— Он, вероятно, гораздо сильнее «Грифа»... — заметил Самойлов.

— Если вам угодно, я дам вам восьмивесельный вельбот, и вы можете покинуть судно. Но я знаю, что мне делать...

— Вы погибнете... — попробовал подействовать на решение командира профессор.

— Милостивый государь! — сказал, отчеканивая каждое свое слово, Любимов. — Прошу вас не вмешиваться в распоряжения командира судна и немедленно отправляться в свое помещение!

Самойлов, видя всю бесполезность убеждений, повернулся и начал сходить с мостика. Он был уже на половине лестницы, как вдруг вверху раздались быстрые шаги Любимова и его тихий окрик:

— Готовь пушку! Курс на запад!

— Есть! Курс на запад! — так же тихо, словно эхо, повторил приказ штурвальный.

Самойлов сбегал на палубу и, прижавшись к стене кают-компании, начал наблюдать.

Над морем повис тяжелый, непроницаемый мрак. Даже седые гребни ударяющих в борта «Грифа» волн не выделялись из темноты. На небе не было ни одной звезды.

Однако сквозь плеск волн и свист ветра до слуха Самойлова доносились какой-то шум и гудение. Порой ему казалось, что в темноте что-то маячит, большое и призрачное, и мчится вперед прямо на него.

— Он опять скрылся... — послышался тихий голос Любимова, и капитан начал по-норвежски объяснять шкиперу: — Я его видел слева на меридиане Иоланги. Большой трехмачтовый парусник... Все паруса были поставлены, и шел он бешеным ходом... А теперь пропал, словно в воду канул...

— Может быть... пират? — заметил норвежец. — Хотя о таких крупных разбойниках здесь никогда не было слышно.

— Черт его знает, кто он! — выругался Любимов. — Только пусть он лучше бросится на меня, а не пропадает так... сразу.

Ветер понемногу стихал, и небо начинало светлеть. Тучи мчались еще, но там, где они прорывались, виднелся уже туманный, дрожащий свет луны.

Когда лучи ее упали на море в миле к северо-западу, Самойлов увидел на фоне светлого неба черные паруса и узкий корпус судна, накренившегося на левый борт и быстро режущего воду.

— Парусник идет на нас! — крикнул он, поднимая кверху голову.

— Есть! — ответил вахтенный матрос, и все стихло.

Черное судно быстро приближалось. Уже видна была высокая волна, вскидываемая его острым носом, и длинный кормовой флаг, полощущийся в воде. Судно шло без огней, и по ходу его нетрудно было догадаться, что оно намерено пересечь путь «Грифа».

— Полный ход! — скомандовал вдруг громким и уверенным голосом командир. — Руль прямо! Готово?

— Есть! — ответил голос Сидорчука. — Готово!

— Пли!

Один за другим три гулких выстрела грянули над палубой и озарили мгновенными вспышками борт и бьющиеся за ним волны.

Набежали тучи, и опять густой мрак окутал все. Судно исчезло, и не слышно было игры ветра в его парусах и плеска воды у носа.

— Стоп! — раздалась команда, и «Гриф», постепенно уменяя ход, начал вздрагивать под ударами волн, бьющих в корму.

После выстрелов все выбежали на палубу, но не увидели уже парусника. Начались расспросы, но их тотчас же прервал посланный капитаном вахтенный матрос, передавший приказание командира немедленно отправиться в каюты.

Приказ был исполнен, и только спрятавшийся в тени Самойлов остался на своем прежнем месте, почти у самого борта.

На капитанском мостике Любимов вполголоса совещался норвежцами.

Слова не доносились до Самойлова, и он, не видя ни зги

вперед, задумался, опершись о тумбу для причалов.

Очнулся он от ветра, пахнувшего ему в лицо, и странного шума, раздавшегося рядом с бортом.

Гигантская черная тень, чернее мрака, медленно надвинулась и остановилась.

Профессор поднял голову и высоко над собой увидел паруса и верхушки трех мачт.

Несколько черных теней, казавшихся призраками в туманной ночи, забежали вдоль ставшего рядом с «Грифом» большого парусника, и железные крючья багров, как когти хищной птицы, вонзились в борт парохода.

Самойлов услышал резкий, тревожный свисток и взволнованный голос Любимова, вызывающего всю команду на палубу.

Одновременно с этим приказанием откуда-то из темноты раздался властный окрик:

— Ни с места, если не хотите пойти ко дну! По какому праву напали вы на моих людей и стреляли по мне? Я — командир брига «Ужас».

На высоком мостике, помещенном почти на самом носу брига, сразу вспыхнули факелы.

Четверо матросов в желтых непромокаемых плащах и надвинутых на глаза капюшонах освещали стоящего у самых перил человека. Он был без плаща и стоял с непокрытой головой.

Длинные с сильной проседью волосы обрамляли красивое бледное лицо. Глаза незнакомца были мрачны и неподвижно смотрели прямо перед собой. Казалось, что эти глаза были мертвы. Тонкие руки стоящего на мостике человека впились в перила с какой-то жестокостью, а может быть, отчаянием.

— Я — командир брига «Ужас», — повторил он и вдруг улыбнулся горькой, жалобной улыбкой.

— Вы — Яков Силин? — сказал, подходя вплотную к борту, Самойлов.

— Силин?.. — будто недоумевая, не глядя на профессора, спросил он. — Да, так, кажется, меня когда-то звали. Но теперь я — командир «Ужаса», и сам я — ужас... ужас зем-

ли. Я — титан, полубог!

Он поднял вверх руку и обвел ею широкий круг.

— Я кинул огонь и разрушающую силу взрыва на мертвую подругу нашей планеты — луну, — продолжал он. — Я отравил живым ядом океан и людей и сделаю все моря, все воды мертвыми, как мертва моя душа. Замерзший камень я могу превратить в цветущий сад и полную кипучей жизни пучину океана — в огромное кладбище!

— Яков Силин! — крикнул ему Самойлов. — Что сделали вы с Ниной Тумановой? Если она мертва — кара неба не минует вас!

Наступило молчание. Слышно было, как падали угольки факелов, и шелестели развеваемые ветром плащи матросов.

Силин заговорил. Голос его был нежен, как напев, и вздрагивал от волнения:

— Нина... Нина... Нет! нет!.. Она жива... Если бы она умерла, я уничтожил бы все человечество! Проклятые, мерзкие черви, трусливые и злобные! Но я все делал, что она хотела... Я был, как бог, могущественный, не знающий преграды.. И она не любила меня! Ни разу не приблизила она меня к себе, ни разу не узнал я ее мыслей и надежд... Пусть же теперь она идет туда, к этим паукам, червям и змеям! Пусть! пусть! Не пожалела она меня, не пожалела человечества. Между ним и мною теперь смертельный, последний бой. Командир брига «Ужас» объявил войну!..

Он резко свистнул, и тотчас же погасли факелы, и в густом мраке лишь маячили паруса и мачты брига, похожего на гигантский, кошмарный призрак.

Неслышно сняли невидимые люди крючья с борта «Грифа», и парусник, рванувшись, быстро пошел вперед, черный, без огней, и легкий, как видение.

— Курс на Хайпудырскую губу! — скомандовал Любимов, и пароход двинулся следом за бригом, уже скрывшимся в темноте.

Ночью Силин два раза позволил «Грифу» настигнуть себя. Бриг останавливался, а потом медленно и молчаливо обходил пароход, словно дразня и вызывая его на бой, и

опять уносился в даль, оставляя за собою тревогу и смутное предчувствие беды.

Вся команда с ружьями и топорами была спрятана за бортом парохода, так как командир ожидал нападения, и только тогда все успокоились, когда из-за туч блеснули первые, еще неяркие, лучи солнца. На море нельзя было разглядеть ни мачт, ни парусов брига.

— Будто привидение стояло сегодня возле нас и кружилось около «Грифа», — заметил, понуря голову, утомленный капитан. — Если еще это повторится — на корабле возникнет паника.

— Парус с правого борта! — раздался крик матроса с мачты.

Часа через два навстречу «Грифу» попался парусный китобойный баркас «Альма». Посигнализовав судну, Любимов выяснил, что «Альма», под командой шкипера-датчанина, идет в Европу и зайдет за водой и дровами в Иолангу.

— Попросите судно остановиться и принять пассажира до Колгуева! — сказал Самойлов.

— Вам угодно покинуть «Гриф»? — спросил с презрением в голосе командир.

— Да! Я отправляюсь в Иолангу, капитан! — сухо ответил профессор.

Любимов, не взглянув на Самойлова, крикнул:

— Шлюпку на воду!

С парохода видели, как «Альма» приняла на борт профессора и, когда шлюпка вернулась, «Гриф» двинулся на восток.

IV

Мрачные следы брига

Бриг Силина исчез, но за ним шел мрачный след. К вечеру «Гриф» вошел в полосу мертвой рыбы. Острый нос парохода резал тысячи уснувшей трески, а под ударами винта тела погибшей рыбы превращались в зловонное месиво. Среди погибшей трески и гниющей сельди попадались трупы нарвалов и тюленей.

— Взгляните туда! — воскликнул, указывая на запад, Туманов.

Насколько хватал взгляд, море превратилось в пловучее кладбище и казалось покрытым снегом.

— Рыба успела уже замерзнуть, — сказал командир. — Это неудивительно! Ночь была свежая.

— Это — пласмодий! — возразил академик. — Это он белой, серебристой плесенью, как пухом, покрыл погибших животных, а над ними теперь поднимается легкий пар. Пласмодий быстро и жадно пожирает свои жертвы.

— Здесь гниет груз доброй полусотни паровых барж, — заметил Любимов. — Норвегия и Швеция будут голодать!

— Хуже всего то, что вся эта рыба, — воскликнул академик, — будет разнесена волнами по океану, выкинута на берег и станет заражать все, что попадет на ее пути. Надо убить пласмодий... убить во что бы то ни стало!

— Но как это сделать? — спросил Сванборг.

— Капитан, — обратился Туманов к командиру, — на «Гриффе» есть запас нефти?

— Есть, на случай недостатка угля или вообще твердого топлива, — ответил Любимов.

— Велите поднять бочки на палубу и вылить за борт, — распорядился старый ученый.

Вскоре по волнам побежали радужные пятна и расходились все дальше и дальше.

Когда мертвая рыба осталась позади и «Гриф» шел полным ходом, раздался тревожный сигнал сирены.

В кают-компании в это время обедали, а потому тревога вызвала переполох и суматоху.

Первым выбежал на палубу и вихрем взлетел на мостик сам командир.

— Что? Опять подходит? — спросил он, тревожно оглядывая безбрежный водяной простор.

— Никак нет! — ответил матрос. — Только вот там чернеются в море люди. Я спервоначала думал — нерпы плывут, а потом головы разглядел человечьи.

Любимов долго смотрел в бинокль, а потом сказал:

— Мертвые тела за бортом! Подойдем — увидим, кто такие?

Когда «Гриф» поравнялся с ними, застопорили машину, и трое матросов вошли в спущенную шлюпку. Они баграми и крючьями зацепили и подвели к борту «Грифа» три трупа.

— Зарезанные они! — пояснили матросы.

Когда трупы были подняты на палубу, все переглянулись. Они узнали Никифора и двух его немых спутников. Воротники их рубашек были расстегнуты, а в нижней части шеи, там, где она переходила в грудь, виднелись треугольные отверстия. Глаза убитых были открыты, и в них застыл страх, последний в их жизни, смертельный страх. Когда откинули плотно надвинутые на головы капюшоны плащей, даже Любимов не мог сдержать крика.

Волосы несчастных были сбриты, и на темени каждого, на вздувшейся и распухшей коже виднелись зловещие черные пятна.

— Это — клейма! — крикнул, отшатнувшись от трупов, старший боцман.

Действительно, на сожженной и потрескавшейся коже виднелась кроваво-черная надпись:

«Бриг “Ужас”».

Все стояли, подавленные виденным, и не произнесли ни слова, только взгляды всех невольно искали на тускнеющем уже море новых следов зловещего брига. Лица бледнели при мысли, что вдруг из сумерек вынырнут паруса и мачты судна, управляемого злобным, ненавидящим все живое,

человеком. Все думали о том, что ожидает их при встрече с бригам, и с напряжением искали выхода из опасного положения.

Только командир и норвежцы казались спокойными.

Они тихо совещались о чем-то и изредка указывали на море.

— Федор Павлович! — сказал, подходя к Любимову, Туманов. — Мы не скроем от вас, что нас страшит возможная встреча с Силиным. Мы вас просим доставить нас в Колгуев, откуда мы будем в состоянии вызвать для нашей охраны более надежное судно, чем «Гриф».

— Господа! — прервал его командир. — Я вас прошу прийти в кают-компанию. Я сейчас спущусь туда и надеюсь, что вы согласитесь со мной и пойдете на мои условия.

Через несколько минут он сошел с капитанского мостика и, подойдя к трапу, ведущему в кают-компанию, подозвал матроса и приказал ему никого не выпускать из пассажирского помещения.

— Есть! — ответил матрос, глядя вслед спускающейся вниз могучей и грузной фигуре командира.

Любимов застал всех в сборе.

— Господа! — сказал он без обычной улыбки. — Не скрою, что моему судну грозит большая опасность. Скажу больше: «Гриф», вероятно, идет на верную смерть. Поэтому понятно, что я должен быть решительным. Я не буду медлить — мне некогда! Долг мой, как всякого моряка, встретившего пирата, — поймать его и выдать в руки правосудия. Так сделаю и я! «Гриф» идет в Хайпудырскую губу и дойдет туда! Если я не захвачу командира парусника — я или погибну, или же узнаю его постоянную стоянку, куда приведу потом военное судно. Таков мой курс, господа, и если вы позволите себе сопротивляться мне или при команде говорить о страхах и прочем вздоре, я выброшу вас в море. Господа, я считаю, что вы отныне получили предостережение, и буду поступать так, как мне предписывают закон и обстоятельства.

Приложив руку к козырьку фуражки, Любимов спокойно вышел.

В Хайпудырской губе

Командир «Грифа» проявлял необычайную энергию и неутомимость. Он почти не спал, оставаясь все время на палубе, совещааясь с норвежцами и делая какие-то приготовления.

Когда «Гриф» прошел уже мыс «Русский заворот» и был на меридиане «Гуляевских кошек», Любимов заметил на горизонте парус.

Он встревожился, вызвал на палубу норвежских боцманов и двух старых матросов. Они вынесли на палубу какие-то мешки и опустили их в воду, прикрепив на баграх к борту парохода.

Тревога, однако, была ложной. Белевшийся вдали предмет оказался не парусом, а ледяной горой. «Гриф» вошел в ту часть Ледовитого океана, где в это время года встреча с айсбергами не была редкостью.

Борясь со льдами и лавируя среди ледяных пиков и сплошных полей, «Гриф» медленно подвигался в сторону острова Долгого.

Обогнув его в 25 милях от берега, Любимов вошел в Хайпудырскую губу и застопорил машину.

— Вам, быть может, угодно сойти на берег? — спросил он у проходившего по палубе Туманова. — Я бы, возвращаясь с «Безыменного острова», зашел за вами.

— Я спрошу Сванборга, — ответил ученый и, вернувшись, заявил: — Профессор Сванборг и я намерены плыть на «Гриф» до окончания им рейса.

— Отлично! — коротко сказал Любимов и крикнул в машину: — Полный ход вперед!

Пароход быстро входил в закрытый и сравнительно с бурным морем спокойный залив.

Когда вода изменила цвет и из синевато-зеленой сделалась буро-желтой, что обозначало начало мели, «Гриф» тихим ходом подползал к поднимающемуся из-за горизон-

та острову.

Мель, однако, неожиданно исчезла, и брошенный в темную пучину залива лот с 100-саженным линьком до дна не дошел.

«Безыменный остров» был как на ладони. Вдали виднелась изрезанная зубцами цепь гор, а на плоский берег взбегали волны.

— Вперед! — скомандовал Любимов. — Через час мы будем на острове.

«Гриф», однако, не двигался, хотя из трубы его валил клубами черный дым.

— Механик! — крикнул командир в машинное отделение. — Полный ход вперед!

— Машина не работает, капитан! — сказал, выходя на палубу, механик. — Все золотники, парораспределение, цилиндры и поршни, словом — все в порядке, а машина не действует.

— Ничего не понимаю! — крикнул командир. — Вы пьяны или смеетесь надо мной?

— Никак нет, капитан! — возразил механик. — Машина действительно остановилась, и я принужден выпустить пар, так как боюсь, что он разорвет котел. Остановилась не только машина, но часы и манометр, капитан!

Любимов бросился к компасу. Стрелка была неподвижно устремлена на юго-восток и даже не вздрагивала от легкого покачивания судна на волнах.

Взглянув на свои часы, командир сказал:

— Да... да... догадываюсь... С проклятого острова на нас направили электрические волны. Они намагнитили стальные части машин, и мы не можем двинуться вперед, если не захотим взорвать на воздух весь пароход... Или, может быть, это случайное явление? Механик! — приказал он. — Мы повернем в море... Будьте наготове! Поднять кливер!

Матросы закопошились у бушприта, завизжали блоки, и вскоре на носу взвился косой парус. «Гриф», подхваченный спереди ветром, быстро повертывался кормой к острову и, когда маневр был окончен, Любимов приказал пустить в ход машину.

Мерно застучал вал, и пароход начал двигаться в сторону выхода из бухты.

— Руль на правый борт! Полный поворот на прежний курс! — скомандовал капитан; но лишь только нос «Грифа» стал поворачиваться, машина смолкла, жалобно засвистел пар и заскрежетали поршни в наполненных паром цилиндрах.

Из машинного отделения и пароотводных труб повалили клубы пара, а судно остановилось, изредка покачиваясь на волнах.

Никто не решался подойти к командиру.

Любимов, всегда такой веселый и приветливый, был мрачен. Он не выпускал из руки револьвера, готовый, в случае неповиновения или опасности, броситься навстречу врагу.

Командир ходил по мостику и злобным взглядом осматривал видневшийся вдали остров.

Когда Любимов принял какое-то решение, он сошел вниз и, созвав на ют всю команду, объявил:

— Скоро ночь, и нельзя идти вперед, потому что мы не знаем этого моря. Однако, черт меня возьми, если я не дойду до этой проклятой землишки! Ночью ставить вахты почаще! Смотреть в оба и, как только что заметят, бить тревогу немедленно!

Сказав это, Любимов впервые за последние дни пошел в свою каюту и, не раздеваясь, бросился на койку.

Около полуночи тревожные свистки на палубе, топот ног и крик у двери его каюты разбудили его.

— Что там такое? — крикнул он вестовому, натягивая на себя теплую куртку.

— Стреляют... стреляют... — стуча зубами, ответил матрос. — Беда...

— Дурак! Трус! Подлая собака! — загремел Любимов и, оттолкнув насмерть перетрусившего вестового, бросился на палубу.

Море было темно, и густой мрак висел над водой.

— С ума они посходили, что ли? — пробормотал сквозь зубы Любимов.

Где-то далеко, как будто слабый отблеск зарницы, по небу скользнуло светлое пятно и погасло. Одновременно с этим командир услышал ворчание и громкое уханье. Не оставалось сомнения, что приближается снаряд. И он действительно пронесся между мачтами, оставляя за собой длинную полосу светящегося и удушливого дыма. В полуверсте от «Грифа» снаряд разорвался со страшной силой. Высокий столб внезапно вскинувшейся под нависшие облака воды и огня взметнулся кверху и встал из густого мрака, как зловещий огненный призрак. Издалека примчалась волна, подняла судно на своем пенистом гребне, стремительно бросила его куда-то вниз и ушла, маяча и клубясь в темноте.

Еще и еще, снаряд за снарядом проносились над «Грифом».

Каждый из них ложился все ближе и ближе. Уже брызги рассыпающихся при взрывах водяных столбов окатывали палубу судна, и Любимов, приказав приготовить шлюпки, ожидал снаряда по «Грифу». Но невидимый бомбардир, очевидно, играл с неосторожным и назойливым противником. Он обрушивал на палубу парохода целые потоки студеной и соленой воды, забрасывая его рвущимися и грохочущими снарядами со всех сторон.

После двух, а, может быть, и трех часов обстрела «Грифа» снаряды начали летать с грозным уханьем и каким-то лязгом во все стороны. Они уносились в темноте, поднимались к небу, оставляя за собой, словно улетающие с земли, давно упавшие на нее звезды, длинный, ярко очерченный след, и пропадали.

Когда над далеким островом погасли злобные вспышки зарниц, поднялся ветер и погнал перед собой волны. Пошел снег большими хлопьями, свирепела буря, и впереди не было ни зги.

Стоящие на вахте матросы не выпускали сигнальных рожков из рук и напрасно протирали залепляемые снегом глаза, стараясь что-нибудь разглядеть. Мачты, палуба и море — все исчезло, все слилось с мраком, в котором что-то металось и мчалось, грозя и пугая.

— Капитан, — сказал, подходя к Любимову, механик, — мои кочегары и машинисты требуют повернуть нос парохода в открытое море и дать полный ход отсюда, где нас ждет гибель...

— Вы не имеете права делать такие заявления командиру судна! — оборвал его Любимов. — Потрудитесь спуститься в машинное отделение и ждать приказаний.

— Слушаю... — пробормотал механик, быстро сбегая по ступенькам, ведущим с капитанского мостика.

Через несколько минут перед капитаном выросла грузная, коренастая фигура старшего кочегара. Это был мрачный, черный и всегда злой матрос, неизвестного происхождения и национальности, но опытный и чрезвычайно выносливый моряк.

— Меня послали мои товарищи к вам, капитан, сказать... — начал он и осекся, когда к нему подошел Любимов.

— Ну? — спросил он и пригнулся, как бы готовясь к прыжку.

— Мы, вы знаете сами, капитан, от работы не бегаем, — продолжал кочегар, — но мы боимся и этого острова и здешних вод. Мы требуем сейчас же уходить отсюда, если же вы не согласитесь, мы сами сделаем это...

Сдавленный крик вырвался из горла кочегара.

Командир, схватив его одной рукой за шею, другой обнял его и, тряхнув, со всего размаха толкнул от себя. Грузное тело, колыхнувшись, поднялось на воздух, ударилось о край висящего над водой мостика и рухнуло в бьющиеся у бортов «Грифа» волны.

Только вахтенные и штурвальные видели это и с ужасом сторонились, когда мимо них проходил угрюмый, сразу постаревший и сторбившийся Любимов.

Он долго ходил по мостику. Тяжелые думы, такие обидные и назойливые, мучили его. Никогда в жизни он не предполагал, что ему придется встретиться в этих пустынных морях с неизвестным противником, побеждающим его, оставаясь невидимым и недосягаемым. Он, исколесивший весь мир, избородивший весь грозный, полный непредугадываемых опасностей Ледовитый океан, старый и опыт-

ный моряк, чувствовал себя совершенно побежденным и обессиленным. И перед ним там, на неизвестной отмели, был враг, а он с своим «Грифом» стоял на одном месте, словно скованный по рукам и ногам человек.

Это был кошмар, злой сон, безжалостное наказание, жестокая мука.

И вдруг Любимов закричал тонким, пронзительным голосом, в котором звучала бессильная злоба и какое-то надрывное отчаяние:

— Люди к орудию! Люди к орудию! Огонь по острову!

— Есть! — отозвался вахтенный и свистнул.

Боцман повторил сигнал, и около пушки выросли три быстрые тени. Они копошились, перебежали с места на место, гремели затвором орудия и железными носилками для снарядов.

— Готово! — послышался голос от пушки.

— Беглый огонь! — тем же надрывным голосом скомандовал Любимов и, озаряемый багровыми вспышками выстрелов, стоял, всматриваясь расширенными глазами в густой мрак, и кричал, взмахивая, как крыльями, широкими полами плаща.

Он напоминал печальную черную птицу, и голос его был тревожным криком летящих поздней осенью журавлей.

При вспышках выстрелов на мгновение освещались гребни волн и седое, вспененное море.

Любимов, смотря туда, где был неизвестный остров, не видел, как, вскинутые на верхушки валов, одна за другой скрылись в темноте две шляпки.

Он долго стоял, перегнувшись через мостик, и кричал:

— Огонь! Беглый огонь!

Любимов не слышал того, что орудие давно уже смолкло, а когда оглянулся, то не увидел ни вахтенных, ни штурвальных.

Он с изумлением протер глаза и крикнул в пространство:

— Свистеть боцмана!

Ему ответил порыв ветра, заставивший качнуться весь корпус «Грифа». Целый дождь тяжелых и крупных капель холодной воды брызнул на него, волна ударилась о корму

и, перевалившись через борт, побежала по палубе и сквозь якорные амбразуры вылилась в море. Шуму воды и свисту ветра откуда-то, будто из глубины океана, вторил крик людей. Полный отчаяния, смертельной тревоги и безнадежного призыва, он казался страшным, и даже Любимов не мог его слышать без содрогания. Он заткнул пальцами уши и стоял бледный, потерявший способность соображать и действовать.

Он ждал, что сейчас из-за борта выползут из холодной пучины злые, отвратительные чудища, обхватят его цепкими и мокрыми руками, утащат вглубь проклятой бухты и замучат среди неведомых никому камней и пустынных отмелей.

VI

Плен

Любимов вздрогнул и хотел бежать, когда рядом с ним появилась черная тень.

— Останьтесь! — послышался угрюмый, дрожащий от волнения голос. — Теперь поздно бежать. Вы не хотели уходить тогда, когда я требовал этого. Теперь же вы в моих руках!

— Кто вы? — спросил его, цепenea от невольного страха, Любимов.

— Властитель моря льдов! — торжественным голосом протянула тень. — Властитель земли и всего мира, если бы только я пожелал. Но мне противна ничтожная земля, и постыл мне однообразный, глупо мягущийся и нелепо ползущий куда-то к неведомому концу мир! Я бы мог уничтожить всех и все, но я устал... Ненавидеть, только ненавидеть тяжело... А любви нет... нет...

— Вы... — начал Любимов, но тень прервала его и страстно зашептала:

— Я вам все скажу, все... Я велик и могуч!.. Все мне подвластно: бури, грозы и море... Жизнь и смерть несет мой мозг. И было бы на земле великое счастье, когда я отдал бы людям все, чем полна моя душа, чем жил мой ум! Но для этого надо было дать радость сердцу, озарить жизнь мою светом счастья. А где они? Первые вспышки чувства, юношеская любовь моя были осмеяны, осквернены... Для той, которую избрала любовь моя, я был посмешищем, презренным негодяем. И я мстил, я буду мстить!

Человек, стоящий рядом с Любимовым, говорил это странным голосом. Казалось, что говорит не он, но кто-то стоящий позади его.

— Вы — командир брига «Ужас»? — прошептал Любимов.

— Я сам — ужас... — словно сообщая важную тайну, также зашептал тот. — Ужас отчаяния перед ненужной жизнью, ужас злобы и ненависти, ужас презрения...

Он замолчал и стоял мрачный, готовый к неожиданным, внезапным решениям и могучим порывам.

Силин думал о чем-то и, видимо, колебался. Потом он поднял голову и сказал:

— Вас покинула команда. На двух шлюпках они плыли, борясь с волнами, на север, но я перерезал им путь... и...

— Что дальше? — спросил, впиваясь в него глазами, Любимов.

— Они пошли ко дну... — мрачно закончил Силин и пронзительно свистнул.

В разных местах вспыхнули огни, и из мрака выступили фигуры матросов в желтых плащах, освещенные трепетными огнями факелов.

— Вы арестованы! — сказал командир брига «Ужас» и прикоснулся к плечу Любимова. — Почему вы не застрелите меня? — неожиданно спросил он, наклоняясь и заглядывая ему в глаза.

— Не могу! — ответил Любимов. — Не знаю, почему, но не могу!.. Может быть, я боюсь вас...

Силин пожал плечами и крикнул вниз:

— Кто остался на пароходе? Привести всех на бак!

Вскоре на баке стояли Любимов, профессор Туманов, Сванборг и старый боцман. Матросы с брига «Ужас» зорко следили за каждым их движением.

— Господа, вы — мои пленники! — сказал Силин, нервно передернув плечами. — Вы меня можете спросить, почему я не пустил вас ко дну, хотя ежеминутно имел эту возможность? Я не скрою от вас, что у меня самого несколько раз зрело решение утопить вас с вашим пароходом, но в конце концов я пришел к другому заключению. Вы совершите на «Ужасе» переход из Хайпудырской губы до Шпицбергена и будете свидетелями того, что сделали люди с таким человеком, как я!

Он, крепко ступая по палубе, прошелся вдоль бака и вдруг, круто повернувшись на каблуках, вплотную подошел к Туманову:

— Стыдитесь, вы... человек науки! Стыдитесь! Разве я не видел вашей подозрительности, вашей трусости передо

мною, всегда вникавшим в природу вещей и явлений? Вы опасались конкуренции, и как вы были рады, когда я увлекся вашей дочерью и забросил для нее науку! Когда же вы окончили свою работу, вы, только вы подсказали ей, что я опасен и способен на все дурное. Я не знаю, что вы еще наклеветали на меня, но вы вселили в любимой мною девушке отвращение ко мне!..

Он отошел от академика и, остановившись в нескольких шагах, смерил его с ног до головы холодным, полным ненависти взглядом. Потом он низко опустил голову и что-то обдумывал, но через мгновение поднял плечи и выпрямился, словно сбрасывая с себя большую тяжесть, и уже на ходу отдал приказ:

— Вести за мной!

По спущенному трапу все перешли на стоящую у самого борта большую моторную лодку. Она была окрашена в серо-голубой цвет и даже вблизи была похожа на глыбу тающего, потемневшего полярного льда.

Когда все разместились, Силин порывистым движением повернул рычаг — и над головой сидящих захлопнулся железный свод. Тотчас же послышался стук работающей машины, и от быстрого движения винта содрогалось все судно.

— Стой! — скомандовал кому-то невидимому в темноте Силин, и лодка остановилась.

Когда был убран железный свод, глазам присутствующих представилась грозная картина.

Вдали, вскидываемый волнами, плыл «Гриф». Огонь уже вырывался из иллюминаторов и лизал мокрые мачты и снасти, а когда он, высушив их, побежал по реям и стенам, из трубы с глухим гулом вырвались клубы освещенного огнем дыма, и все сразу стихло и погасло.

По пустынному заливу бежали лишь холодные волны и бились и шипели кругом.

VII

На бриге «Ужас»

Еще ночной мрак не рассеялся, и только на востоке прорезалась едва заметная полоса зари, да облака понизу стали светлее и быстрее мчались бесконечными вереницами, когда лодка опять остановилась.

Когда мрак перешел в сумерки, Любимов с носа судна внимательно осмотрел море. Там, где два часа тому назад стоял «Гриф», виднелись широкие паруса брига. Пароход исчез, а парусник уничтожал последние следы его.

Заглушенные расстоянием, слышались далекие, раскатистые взрывы, и кое-где вздымались столбы воды и клубы пара и дыма.

За работой брига следил и Силин. Он приказал зажечь прожектор и, когда яркий белый сноп света побежал по темному еще морю и вдруг нащупал и осветил белые, как крылья лебедя, паруса, на «Ужасе» произвели маневр, и он плавно понесся на сигнал.

В этот миг на носу прогремел выстрел и раздался гор-танный, непонятный крик стоящего здесь матроса.

Сбежавшиеся увидели Любимова. Он лежал ничком, собрав в бесформенный ком свое большое и сильное тело, и зажимал рукой кровь, бившую из сквозной раны в шее.

Когда над ним нагнулся Туманов, моряк печально взглянул на пустынное море и едва различимым свистящим шепотом сказал:

— Погубил судно и сам пропадаю...

Это были его последние слова. Он рванулся вперед, уперся обеими руками в палубу и вдруг вытянулся и замер.

Силин подошел к нему, заглянул в угасшие уже глаза и махнул рукой.

С плеском ударилось тело Любимова об воду и скрылось под водой.

Пересадка пленников и команды на подошедший бриг была произведена очень скоро, а лодка, прикрывшись же-

лезным сводом, ныряя и выскакивая на поверхность воды, неслась в сторону острова, едва заметного вдаль.

Через несколько часов бриг «Ужас» мчался из Хайпудырской губы в открытый океан.

Дул свежий ветер в корму, и бриг поднял все паруса.

Ларс Сванборг вышел из отведенной ему каюты на палубу. Как всякий норвежец, он понимал толк в судах и потому, взглянув на невиданную им парусную оснастку «Ужаса», даже вскрикнул от удивления.

Длинные, прямые и косые паруса странной формы были наполнены ветром и глухо гудели, словно сердились на подхватывающий их по временам шквал. В туманном воздухе паруса напоминали распростертые крылья гигантской белой птицы, налетевшей на судно.

К удивленному ученому подошел Силин.

— Профессор Ларс Сванборг? — спросил он по-английски, прикасаясь рукой к полам кожаной шляпы. — Вы, конечно, норвежец?

— Да! Я занимаю кафедру биологических наук в Гальтерфосте, — ответил ученый.

— Пройдете ко мне в каюту, профессор! — предложил Силин. — Я буду просить вас об одной услуге.

По лесенке, устланной желтой кожей вместо ковра, они спустились в носовое помещение и вошли в каюту командира.

Большая, неправильной формы комната, со стенами из матового черного дерева, с тяжелыми резными фризами, была украшена великолепными портретами молодой женщины.

Ее задумчивое лицо с грустными темными глазами и упрямыми, решительными губами смотрело со всех стен. Кисть великого художника занесла эти тонкие черты лица на холст, — в этом не сомневался Ларс Сванборг.

Точно угадывая его мысли, Силин обвел печальным взглядом портреты и тихим голосом произнес:

— Это — дочь профессора Туманова, женщина, отвергнувшая мою любовь и поверившая клевете на меня! Видите, сколько портретов. Их писал гениальный художник. Он

был сослан почти к устью Оби и бежал оттуда на челноке туземца. Я случайно крейсировал в то время в лимане этой реки и взял его на борт.

— Где же теперь этот художник? — не мог удержаться от вопроса Сванборг.

— Он... умер! — помедлив, ответил Силин и продолжал: — Я хочу, чтобы вы были свидетелем моего разрыва с прошлым, моего вызова всему миру. Я отдал людям любимую женщину, и любовь моя перешла в ненависть. Я уничтожаю теперь все воспоминания о ней, все изображения ее, все письма, которые она, не желая говорить со мною, писала мне. Я уничтожаю все, все... и если раньше я хотел гибели человечества лишь в порыве отчаяния, под гнетом тяжелой и несправедливой обиды, то теперь мне подсказывает это свободный от оков чувства холодный и ясный ум.

Говоря это, Силин, согнувшись и выставив вперед голову, медленно, как хищный зверь, готовящийся к прыжку, подвинулся в сторону самого большого портрета.

Прежде, чем Ларс Сванборг мог понять его намерение, Силин со злым криком широко размахнулся и ударил ножом в середину холста. Он с треском разорвался, а нож с каким-то скрежетом резал его и колол.

Силин метался от одной стены к другой, и скоро остались лишь рамы с сохранившимися кое-где лоскутами холста. Обрывки портретов и куски разбитых рам валялись на полу, и по ним ходил Силин с бледным и искаженным внутренней мукой лицом.

Он нажал кнопку, и почти мгновенно вырос на пороге матрос.

— Убрать этот мусор! — крикнул он, но, спохватившись, повторил этот приказ движениями пальцев и рта, как это делают при объяснениях с глухонемыми.

Пока матрос убирал каюту, Сванборг подошел к командиру брига и спросил его:

— Я заметил, что вся команда у вас набрана из глухонемых. Почему это?

Силин одно мгновение колебался, но потом решительным и холодным голосом ответил:

— Раньше этого не было. Я набирал команду для «Ужаса» и людей для моего поселка на острове из беглых каторжан. Но когда она, — Силин указал головой на пустые рамы, — подговорила художника бежать и сообщить, где она находится, я его... словом — художник умер, а людям, за исключением троих, я отрезал языки и проколол барабанные перепонки, чтобы этого не повторилось...

Сказав это, Силин взял большую железную шкатулку, вынес ее на палубу и, подойдя к борту, сказал:

— Здесь глубоко, а дно вязко...

Он поднял над головой шкатулку и швырнул ее в воду.

— Теперь, — воскликнул он, — я свободен!

Силин быстро взбежал на капитанский мостик и отдал какое-то приказание двум немым штурвальным.

— Пойдемте, профессор! — сказал, вернувшись к Сванборгу, Силин. — Теперь у меня к вам просьба!

В каюте он вручил ученому большой портфель и сказал:

— Что бы ни случилось со мной, к вам явится один человек и скажет, что командир брига «Ужас» просит вернуть портфель. Вы сделаете это. Но я не хочу, чтобы вы исполнили мою просьбу бессознательно. В портфеле находятся бумаги с описанием моей жизни, всей жизни, без лжи, без прикрас! Описание жизни человека великого ума, трагического злодея, преступника, опасного всему человечеству; в этих же бумагах находится изложение моих изобретений: получения золота из морской воды, передачи электричества на пространство, приготовления убивающих все живое грибов и водорослей и новых, необыкновенной силы, взрывчатых веществ. С их помощью я послал смерть на луну и раскидал ее ядовитые семена по лицу ненавистной земли. Все это я хочу передать другому человеку, а он продолжит начатую мной борьбу с обществом, с его гнилой, убившей душу и чувства людей, культурой. И вы, зная это, вы, Ларс Сванборг, исполните просьбу командира брига «Ужас»!

С капитанского мостика прозвучал удар колокола.

— Начинается открытая борьба моя со всеми народами мира! — воскликнул Силин. — Видите тот остров? Это —

Самоедский Чум. Русское имя, но здесь расположена богатая фактория американской компании, занимающейся китобойным промыслом. На нее первую обрушится мой безграничный гнев!

Он взошел на мостик, и его одинокая фигура, с мрачным, горящим местью взором, казалась живой угрозой человечеству. Он долго смотрел на далекий берег, где поднимались облачка дыма и, подойдя к стоящему на мостике столу, начал измерять расстояние до фактории. Покончив с этим, он нажал несколько кнопок, и тотчас же загорелись разноцветные световые сигналы.

Из трюма выбежали матросы и стали в разных местах.

Прежние сигналы сменились другими, и вскоре с разных мест правого борта с знакомым уже Сванборгу уханьем и грохотом понеслись таинственные снаряды в сторону Самоедского Чума.

Через несколько минут над всем берегом маленького островка стоял черный дым, прорезываемый по временам жадными всплесками пламени.

Фактория горела, а бриг «Ужас», переставляя паруса, брал курс на Иолангу.

В милях ста от этого поселения поздней ночью Силли заметил баковые огни какого-то судна. Бриг тотчас же лег в дрейф, и Силин долго и внимательно слушал. Но стука машины он не уловил и решил, что идет парусное судно.

Бриг начал медленно приближаться к судну. Вскоре можно было уже разглядеть, что это — большой парусник, несущий в трюме полный груз и медленно плывущий на запад.

«Ужас» нагнал его очень скоро и встал с ним борт к борту.

На грузовике на вахте стоял лишь штурвальный, а сигнальный матрос, вероятно, спал. Когда из темноты вынырнул высокий нос брига, и когда борт его коснулся борта грузового судна, тревожный окрик раздался с мостика.

— Кто идет? — крикнул штурвальный по-английски.

Вместо ответа на палубу вбежала команда брига. Раздались выстрелы, глухие удары топоров, стоны падающих людей и одинокий сигнальный свисток, сменившийся тяжелым падением человека за борт.

Матросы Силина наглухо заперли все люки и выходы на палубу и оставили несчастное судно.

Последним ушел с него сам командир брига.

Он подошел к Сванборгу и сказал ему:

— Я заразил судно пласмодием и велел поставить паруса так, что судно уйдет обратно на восток. Когда оно выкинется где-нибудь на мель или его перехватит случайный пароход, забавное зрелище найдут там люди. Бурая гниющая масса из трупов людей и рыбы, из тлеющего и мокнущего дерева будет заключена в разрушающемся корпусе парусника. Пойдут догадки и предположения, создадутся теории о новой болезни или другие бредни в этом же роде... Ха-ха-ха!

Силин долго и злобно смеялся, а потом сказал:

— Профессор! Через несколько часов бриг будет в виду Иоланги. Предупредите ваших спутников, что вместе с вами они будут доставлены на Колгуев. А затем прощайте, мы больше не увидимся. Я же уверен, что Ларс Сванборг — честный человек и исполнит мою просьбу!

Под вечер, чуть только вдали показались вершушки гор над Иолангой и далекий огонь маяка, бриг спустил паруса и лег в дрейф. Восьмивесельный бог с тремя пассажирами и пятью глухонемыми матросами с брига быстро шел к видневшемуся на севере берегу.

На мостике и на всей палубе брига было пустынно, и только на корме развевался белый флаг, окаймленный широкой черной лентой.

Сванборгу показалось, что какой-то бесконечно-грустный, без тени надежды привет был в прощальных колебаниях этого печального флага. Он поделился своими впечатлениями с Тумановым.

Старый академик опустил голову на грудь и тихо шепнул:

— Великое несчастье... Гениальный безумец поднял руку на человечество!

Отчаяние и тревога Туманова сообщились и Сванборгу. Он молчал и с благоговейным страхом и жгучей тоской смотрел на скрывающиеся за отраженными поверхностью моря лучами заката очертания брига «Ужас».

VIII

Последний бой

Через несколько дней гребной баркас смотрителя маяка с шестью рыбаками на веслах плыл от Иоланги к большому пароходу, стоявшему в трех верстах от берега.

В баркасе находились Туманов с Сванборгом и профессор Самойлов. Все молчали и с тяжелым чувством смотрели на молодую женщину с увядшим лицом и неподвижным, мертвым взглядом печальных и испуганных глаз.

По временам женщина тревожно озиралась и, заметив вдали белый гребень волны, вздрагивала и хватала за руку Самойлова.

— Парус... там парус? Это он... — шептала она бледными губами.

Стоявший на руле старый боцман с погибшего «Грифа» старался успокоить ее.

— Не парус это, барыня! — объяснял он. — Волна там барашком идет. Ночью ведь шквал пролетел знатный. Поди, на море много нынче беды понаделал.

В это время они подходили к далеко выдвинувшемуся в море скалистому мысу.

— Там пучина начнется, — сказал один из рыбаков, — а только вы в море дальше рулите, не то запрокинет нас здесь... Вишь, какие буруны бьются!

Действительно, у самого мыса вскидывались и лизали изъеденную водой скалу пенистые, бешено ревущие волны.

Боцман направил баркас в море, прямо на юг от мыса.

Когда они сравнялись со скалой и пароход был уже близко, женщина, схватившись обеими руками за голову, поднялась во весь рост и с криком упала на дно баркаса.

— Что с тобой?!.. — бросился к дочери Туманов.

Но слова замерли на губах старика.

Из-за мыса, распустив два больших паруса, прямо на них неслась яхта. На белом полотне парусов чернелись слова: «Бриг “Ужас”» и широкая траурная кайма.

— Гребите! гребите! — крикнул Самойлов рыбакам и вынул из кармана револьвер.

— Наддай! — повторил его приказание боцман, и рыбаки, мерно сгибаясь и разгибаясь, начали быстрее вскидывать весла.

Баркас рванулся вперед.

Парусная яхта, маневрируя по ветру, старалась пересечь путь убегающим, но до парохода было уже недалеко.

Всем стало ясно, что баркас спасен и что яхте не настигнуть их.

Внезапно налетел ветер. Его порывы сделались сильнее и чаще. Пользуясь этим, на яхте подняли новые паруса. Их было так много, что скрылись мачты и снасти. Казалось, что какое-то неведомое морское существо, белое от пены волн, встало и несется над водою.

Яхта не плыла — она летела. Свежий ветер, встретив сопротивление парусов, подхватил судно и понес его. Все чаще и чаще видны были острый киль яхты и далеко выдвинутый руль.

Судно уходило в сторону от баркаса, и только тогда, когда до парохода оставалось не более полуверсты, оно непостижимым маневром сразу перекинулось на другой курс и стало рядом с беглецами.

— Не тревожьтесь! — раздался утрюмый голос Силина, и он вышел на нос яхты. — Я не причиню вам никакого вреда. Я только хочу взглянуть на Нину в последний раз и передать, что я вызываю на бой того, кто оклеветал меня... Самойлова. Я буду ждать.

Новым маневром Силин отбросил свою яхту от баркаса на несколько саженей и, остановившись, убрал паруса и отдался волнам, которые бросали судно, как легкую, беспомощную щепку.

На баркасе воцарилось глухое молчание. Даже рыбаки перестали грести и тревожно поглядывали на господ.

Самойлов был бледен. Он провел рукой по высокому лбу, и глаза его загорелись. Он опустился на колени на дно баркаса и нагнулся над Тумановой.

Она лежала, бледная и безжизненная, в глубоком обмо-

роке, и на ресницах ее блестели слезы.

Тоска и ужас были на ее лице, измученном и истрадавшемся.

Самойлов молча взял ее руку и прижал к губам.

Потом он поднялся, обвел всех каким-то вопрошающим и словно недоуменным взглядом. Неожиданно, быстрым прыжком вскочив на скамейку, он бросился в воду и поплыл к яхте.

И тотчас же другой человек кинулся ему навстречу.

Это был Силин.

Он далеко закидывал руки и, рванувшись, бросками поплыл к Самойлову.

Встреча их была коротка, как вспышка молнии, и так же бесследно пропали в морской глубине эти схватившиеся друг с другом враги, как исчезает на темном небе прорезавшая его огненная стрела...

Лишь воронки заплесали и закружились на поверхности океана, да всплыло и сразу же исчезло большое багровое пятно...

Недавно случайно попавшие на остров Долгий промышленники нашли занесенные песком и истлевшими водорослями обломки разрушенного корабля.

На почерневшей и расколотой доске они прочли надпись:

«Бриг “Ужас”»...

**ЖЕНЩИНЫ,
ВОССТАВШИЕ И ПОБЕЖДЕННЫЕ**

Фантастическая повесть

А. ОССЕНДОВСКИЙ.

ЖЕНЩИНЫ,

ВОЗСТАВШІЯ И ПОБЪЖДЕННЫЯ

РОМАНЪ

1915

I

ДЕНЬ ОТЧАЯНИЯ

Кроваво-красное, трепетное небо нависло над землей, откуда рвалось кверху с шипением, свистом и оглушительным гулом пламя. Оно охватывало великолепные дворцы знати и хранилища искусств, перекидывалось на церкви, общественные здания, вокзалы и кварталы бедняков, вызывало взрывы и новые разрушения, неся ужас и безграничное смятение.

В один день и в один час во всех больших городах мира вспыхнули пожары и залили потоками огня улицы и площади и зловещим заревом, какого никогда еще не видела земля, озарили небо.

Крики и стоны стояли в городах, глухо, в безумном ужасе завывала бегущая из городов толпа людей, лаяли собаки, с тревожными криками и громким лопотом крыльев носились и падали в пламя обезумевшие птицы, с зловещим смехом перебегали из дома в дом шайки грабителей и озлобленной черни.

Иногда весь этот хаос звуков покрывался грохотом обрушившегося здания или гулом взрыва, и тогда видно было, как неслись по воздуху и кружились в дыму и длинных языках пламени люди, камни и глыбы вскинутой под облака земли и горящего асфальта и железа.

С жалобным звоном лопались стекла в домах и храмах, с сухим треском срывались с пьедестала статуи и падали, давя своей тяжестью десятки обезумевших от огня и ужаса людей.

Пока местные власти выработали план борьбы с огнем, большая часть населения городов погибла или убежала в поля и в окрестные парки.

Здесь избегнувшие смертельной опасности беглецы начали передавать друг другу свои впечатления, делиться своими неожиданными и случайными наблюдениями.

И как это ни странно, но в чопорной Европе, в пестрой Калькутте и в деловом Фриско эти впечатления и наблюдения были удивительно похожи.

Повсюду замечены были женщины и совсем юные под-ростки-девочки, перебегающие от дома к дому, от дворца к дворцу и копошащиеся у стен и подъездов. И как только удалялись эти женщины от домов, тотчас же вспыхивал пожар, зажигаемый чьей-то могущественной и мстительной рукой.

Когда, наконец, власти принялись за спасение городов, — в их руки попали несколько женщин и девочек. Они были задержаны в то время, когда разбрасывали маленькие шарики, воспламенявшиеся ярко-синим огнем и поджигающие дома, так как железо и медь немедленно вспыхивали от них и горели, разбрасывая кругом целые снопы искр, распространявших пожар все дальше и дальше.

Некоторые из арестованных поджигательниц раскидывали повсюду листки, в которых говорилось о поджоге городов всего мира женщинами, тщетно пытавшимися достигнуть равного с мужчинами положения.

«Мы насчитываем в своих рядах,— говорилось в этих листках, — равное с вами, мужчины, число гениальных и энергичных людей. Почему же вы все еще предоставляете нам роль рабынь или ничтожных помощников ваших? Мы уже два месяца боремся с вами, и теперь мы решились. Огонь и кровь, — вот отныне наш лозунг...»

Листки говорили правду.

Огнем восставшие женщины залили все культурные очаги трех континентов, а смятенная, охваченная безграничным, животным страхом толпа, давя, терзая и силой стараясь спасти жизнь, обильно проливала свою кровь, оставляя на горящих улицах, среди пожарища целые горы трупов.

Пламя, подхваченное налетевшим ветром, знойным, как самум, накаленным в пожарах, властно охвативших города и бегущих уже по деревьям парков и фабричным поселкам вглубь страны, протягивало жадные, красные руки к тихим деревьям и селениям.

Огонь истреблял лучшие здания и необходимые сооружения; пламя уже перекидывалось на дворцы искусств, где, пощаженные веками и самыми жестокими завоевателями, хранились величайшие творения гения человечества.

Были мобилизованы войска, городские милиции и полицейские отряды. Города разделили на такие районы, гибель которых была неизбежна, и на такие, отстоять которые представлялось еще возможным.

Горящие кварталы были взорваны саперами и, когда дома, храмы и огромные корпуса фабрик и заводов превратились в груды тлеющих развалин, приступили к борьбе с огнем и к защите от пламени еще не охваченных кварталов.

Упорная борьба длилась десять дней.

В Москве — на Воробьевых горах, а в Мадриде у Эскуриала на Сьерра-де-Гредос, а в других городах — на окружающих высотах наскоро соорудили огромные водоемы и запруды и по трубам направили воду в города, где она по крышам разливалась по площадям и бурными потоками мчалась по улицам.

В конце концов то, что пощадил огонь, испортила и разрушила вода.

Но не прошло и трех месяцев с того дня, когда погас пожар, и в городах все восстановилось. Выросли, как по волшебству, железобетонные многоэтажные дома, появились асфальтовые мостовые и тротуары, ярко вспыхнули электрические солнца и, глухо гудя, побежали веселые, пестрые трамваи.

Люди, — эти части одного огромного и сложного механизма, называемого обществом, — сразу же принялись за свою обычную деятельность, и сразу же загудели, загремели фабрики, запыхтели пароходы и засвистели паровозы, увозя и привозя людей и товары в город, где недавно свирепствовал огонь.

В министерствах и конторах трещали машинки и щелкали арифмометры и костяшки счетов, шелестела бумага и неисчерпаемым потоком растекалась по миру.

Когда же все пошло по-прежнему, — наступил день расплаты.

Главные руководительницы всемирного клуба борющихся женщин были арестованы, сыщики отыскивали одну за другой поджигательниц и заключали их в тюрьмы. Были найдены все улики против тех, кто уничтожил почти все до основания богатые города, гордые своей вековой культурой.

Под Петербургом в небольшом особняке, стоящем на дальней окраине, где уж начинаются огороды и редкие лачуги поденщиков, была обнаружена лаборатория суфражисток.

Здесь был найден большой запас каких-то серебристых шариков, хранившихся в герметически закрытых сосудах. При испытании этих шариков оказалось, что они были приготовлены из какого-то неизвестного сернистого металла, напоминающего натрий, но гораздо легче его. Шарики эти были покрыты тонким слоем магния. Эта оболочка, окисляясь, давала доступ воздуху к веществу шарика, и он вспыхивал, выделяя столько теплоты, что из камней выплавлялись металлы и начинали гореть, и вспыхивали, как солома, толстые железные балки и массивные медные и бронзовые предметы.

Пока ученые эксперты разбирались в сложном составе вещества, поджегшего города, а полиция собирала все улики против суфражисток, — суд вынес свой приговор.

Хотя поджигательницы по законам того времени должны были быть казненными, но соединенный международный суд пришел к иному решению, изменив соответствующую статью закона.

Суфражистки были признаны типами явного вырождения, опасными для культурного общества и одержимыми заразной формой психоза.

На этом основании было решено избавить общество от борющихся женщин и поселить их на одном из островов, входящих в состав Антарктической области, снабдив их всем необходимым для существования, и предоставить сосланных их собственной судьбе на пятилетний срок.

В описываемое время путешественники побывали уже на Южном полюсе, описали вулкан Гефеста, являющийся

самой южной точкой нашей планеты, но признали весь Антарктический материк бесплодным, мертвым, для культуры непригодным.

— Антарктические земли, — писали современные географы, — это призрак смерти, угрожающий земле, это — начало смерти, переход нашей планеты в тот вид, какой издавна приобрела мертвая луна.

Так писали ученые, и вот в эту-то область стужи и смерти культурное общество ссылало на неизбежную гибель своих матерей, жен и сестер за то, что их нравственные и умственные запросы требовали широкой деятельности и не могли мириться с подчиненной ролью в общей работе на пользу всего человечества, великодушно принимающего от них плоды их гениальности и необычайной энергии.

II

ЭКСПЕДИЦИЯ РУССКОГО ПАРОХОДА «ОКЕАН»

Большое, в 10.000 тонн водоизмещения, русское быстроходное судно «Океан» уже 14 дней было в море.

До назначенного срока оставалось уже немного, но командир «Океана», молодой опытный штурман дальнего плавания Илья Максимович Седельников, был спокоен и знал, что вовремя дойдет до мыса Доброй Надежды, где был сборный пункт.

Седельников был очень недоволен, когда в Петербургском порту он получил предписание от своего правления принять на борт 540 арестантов и содержать их в тюрьме до мыса Доброй Надежды, где он получит новый приказ.

Узнав, что ему придется взять на «Океан» женщин, командир немедленно отправился в правление и просил освободить его от этого неприятного и унижительного, как он выразился, поручения.

— Почему унижительно это поручение, Илья Максимович? — удивленным голосом спросил его директор, откинувшись на спинку мягкого кресла.

Седельников нахмурил свои густые брови, отчего его загорелое, бронзовое лицо сделалось суровым, и сказал:

— Я узнал, что повезу в ссылку суфражисток, тех женщин, которые, как они говорили на суде, с отчаяния пустили красного петуха по городам. Я не видел этой забавы, так как в то время путался с грузом австралийского мяса в Саргассовом море, но читал об этой штуке много интересного. Быть может, все это очень худо и преступно, — не спорю, но ведь на такое дело с радости люди не ходят. Видно, была большая обида... так я думаю... А вот теперь я должен вести больше пятисот женщин на смерть. Среди них учительницы, а из них одна, может быть, учила и моих меньших сестер, чьи-нибудь матери... врачи, смело идущие на

смерть ради спасения страждущих, ученые... Эх! Лучше избавьте вы меня от этого дела... Совестно мне что-то...

Илья Максимович энергично махнул рукой и повторил:

— Лучше избавьте меня!..

— Никак нельзя, дорогой капитан, — пожал плечами директор, — никак нельзя! Все опытные штурманы в плавании, а неопытному обществу не может доверить такое отличное судно, как «Океан». С другой же стороны, нужно помнить, что общество наше за этот рейс получает прекрасную премию, пренебрегать которой мы не можем...

И директор начал уговаривать капитана, причем словно невзначай упомянул, что командиру «Океана» никто не мешает по возможности облегчить подневольным пассажирам долгий морской переход. Илья Максимович подумал немного и согласился.

III

ЖИВОЙ ГРУЗ

За час до выхода из порта командиру, в последний раз обходившему судно, доложили, что его желает видеть дама.

Крайне удивленный, Седельников вышел на набережную.

Здесь он встретил молодую девушку, одетую в широкое дорожное пальто, с желтой сумкой через плечо.

— Мне необходимо переговорить с вами, капитан, — заявила девушка и вскинула на него смелые, яркие глаза.

— Слушаю! — произнес, приподнимая фуражку, Илья Максимович. — Но только я должен предупредить вас, сударыня, что мой корабль менее чем через час выйдет в море.

— Да, я знаю это! — сказала девушка, направляясь вместе с капитаном по трапу на борт «Океана».

Усадив свою неожиданную посетительницу в кают-компанию, Илья Максимович внимательно взглянул на нее. Он разглядел свежее, молодое лицо, глубокие синие глаза и энергичный подбородок. Из-под шляпы выбивалась прядь непокорных каштановых волос.

Девушка нетерпеливым движением прекрасных узких рук, с длинными и тонкими пальцами, поправляла волосы и все более и более смущалась под восхищенным взглядом моряка.

Зардевшись до самой шеи, девушка неестественно суровым голосом сказала:

— Я Ольга Разина, дочь одной из ваших пленниц, капитан...

— Как? — всплеснул он руками. — Вы дочь той, о которой рассказывают столько ужасного? Ведь это она изобрела вещество для поджога?

— Никто из нас этого не будет отрицать! — гордо подняв голову, сказала Разина. — Да, это — моя мать! Но я должна приступить к делу...

Девушка сжала руки и сильнее заволновалась.

— Капитан! — продолжала она. — Вы уходите сейчас в море. Возьмите меня в качестве трюмного пассажира! Я должна последовать за своей матерью: она больная, старая женщина... У вас, капитан, ведь тоже была, а может быть, еще жива мать... Вы поймете, как тяжело и горько мне!

— Я могу предоставить вам место на моем корабле, сударыня, — произнес после долгого раздумья Илья Максимович. — Но вы поплывете в качестве классного пассажира, и предупреждаю, что мне, вероятно, придется доставить арестованных в область антарктических островов.

— Я там останусь, — просто сказала девушка.

Через полчаса после этого разговора в уютной каюте девушка раскладывала свой багаж, а на палубе гремела лебедка, вытаскивая якорь и, по временам конфузливо закрывая рукою рот, ругался Седельников, распорядясь отходом от пристани и выходом в Морской канал.

В море Илья Максимович так скучал, как никогда. Объяснялось это очень просто. Во время обыкновенных рейсов на пароходе бывало шумно и весело. Пассажиры развлекались во время долгих переходов, и присутствие людей скрашивало однообразие плавания.

В этот раз все было по-иному. На палубе виднелись только дежурные матросы, уныло смотревшие за борт и изредка выкрикивающие:

— Военный корабль с правого борта!

— Парусник за кормой!

Седельникову казалось, что он везет с собой груз мертвецов.

Тихо и спокойно было в трюмных помещениях, и даже ночью, когда все звуки становятся резче и явственнее, командир тщетно напрягал слух, но ни одного громкого слова не улавливал он.

Илья Максимович напрасно искал встречи с Ольгой Константиновной Разиной. Она все время проводила вместе с арестованными, редко даже на ночь возвращаясь в свою каюту.

И только тогда, когда «Океан» начал склоняться к тропику Рака, на параллели острова Лансароте, около 30-й параллели, рано утром он застал девушку на юте.

Солнце стояло еще низко над горизонтом, но море отражало его знойные лучи, накалявшие палубу и натянутый над ней брезент. Девушка сидела грустная и безучастно следила за большой фелюгой с парусами из пестрых циновок, сплетенных из листьев пальм.

На этих узких, с высокими гребнями на носах барках ходили и пели заунывными голосами чернокожие рыбаки в красных повязках вокруг бедер и на головах. Из воды высывали черные, гладкие головы акулы и, повертываясь, сверкали белыми животами и показывали противные пасти, усеянные несколькими рядами зубов.

При виде их свертывали свои пестрые паруса нежные аргонавты и медленно погружались в море бесформенными, серыми комочками.

Илья Максимович долго смотрел на девушку, наконец, сняв фуражку, подошел к ней и поздоровался.

— Опять зной,— сказал он, — а я, признаться, возлагал большие надежды на северо-восточный пассат. Он иногда дует в это время и тогда несет с собой немного дождей и свежести. Но теперь я вижу, что плыть нам до другого тропика, до мыса Фрио, в зной!

Девушка слушала его рассеянно, а потом вдруг закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Что с вами? — обеспокоился Седельников и с участием в голосе спросил: — Скажите, в чем дело? Быть может, я сумею помочь вам!

— Случилось то, чего я опасалась! — шепнула девушка. — Они начали хворать. И моя мать... она тоже...

— Почему же вы не сказали мне об этом?! — воскликнул командир. — Ведь у нас есть врач на борту и аптека.

— Они не хотят! — ответила Ольга Константиновна. — Они знают, что едут умирать, умирать в больших мучениях, и потому предпочитают более легкую смерть здесь, на борту парохода.

— Я не могу допустить этого! — привычно строгим голосом заявил Седельников. — Сейчас же прикажу разместить всех арестованных в каютах второго и первого классов...

— Они не хотят этого, — повторила девушка, — и я не знаю, что мне делать!..

— Простите, сударыня! — уже тоном приказания сказал командир. — Я знаю, что мне следует делать. Я обязан доставить на мыс Доброй Надежды порученных мне людей в отличном состоянии и доставлю.

С этими словами движением руки он подозвал вахтенного матроса и приказал:

— Вызвать запасную смену на палубу! Убрать все каюты, приготовить все на полный комплект пассажиров! Да живо!

— Есть! — крикнул, вытягиваясь, матрос и побежал в помещение боцманов.

Вскоре на носу и на корме залились свистки и затопали бегающие матросы. Работа кипела.

Когда все было готово, командир пригласил к себе судового врача и приказал ему перевести всех арестованных из тюрьмы в палубные помещения.

И когда арестованных переводили наверх, когда перетаскивали их имущество, Илья Максимович отсутствовал. Он заперся в своей каюте и не показывался, предоставив старшему офицеру наблюдать за работой.

Седельников намеревался провести у себя в каюте и на баке дня три, пока все тревожения улягутся и неизбежное чувство благодарности притушится у арестованных.

Но судьба расстроила его планы. К вечеру того же дня ему доложили, что сразу захворали трое механиков, и из них только один мог кое-как оставаться при машинах, чтобы не поручать их заботам слесарей и малообразованных кочегаров. Однако, к ночи всем троим сделалось хуже, и машины по приказанию командира были застопорены, так как Седельников не решился доверить их низшей машинной команде.

Была уже ночь. Полная луна заливала спокойное море серебристым светом. Созвездия, чуждые северному челове-

ку, дрожа и переливаясь различными огнями, горели на черном небе, казавшемся куполом с висящей под ним гигантской лампой — луной.

Изредка рябили зеркальную поверхность сонного моря высоко выпрыгивающие рыбки, а за ними, как стрела, взлетала на воздух морская щука, — хищная рыба с упругим и длинным, словно у змеи, телом.

Рыбы падали в воду, и там уже продолжалась погоня и последняя борьба. О ней можно было судить по фосфорическому блеску, расходящемуся длинными струйками или постепенно потухающими кругами.

Иногда под самым бортом «Океана» проплывала фелюга араба, потомка средневековых завоевателей-мавров. Ее хозяин сидел неподвижно, как изваяние, на корме, зажав под мышкой кривую рукоятку руля, а наемные матросы, дюжие, нагие сенегальцы и либерийцы медленно гребли скрипящими в ременных петлях бесконечно длинными, неуклюжими веслами.

Видя стоящий в открытом море пароход, араб вставал и, подняв кверху руку, кричал на своем гортанном наречии:

— Ай-ага! Имым адрар?*

Не получив ответа, он раздражался проклятиями и медленно растворялся вместе с своей фелюгой за завесой лунного света, отраженного водой.

Командир быстро ходил по капитанскому мостику и иногда останавливался и склонялся над морским атласом, соображая, куда ему пойти, чтобы нанять надежного механика.

Он уже решил как-нибудь добраться на немногочисленных парусах до английской фактории Батурет и хотел спуститься в свою каюту, когда его снизу окликнули.

— Кто там? — спросил Седельников, перегнувшись через перила мостика и стараясь разглядеть темную фигуру, стоящую в тени, бросаемой лестницей.

* Эй, командир! Что случилось? (Здесь и далее прим. авт.).

— Это я! Разина! — ответили снизу. — Разрешите подняться к вам?

— Пожалуйста, Ольга Константиновна! Буду очень счастлив, — обрадовался Илья Максимович. — Чем могу быть вам полезным?

— Я к вам по вашему, на этот раз, делу! — серьезным голосом сказала девушка. — Конечно, вы, как и все мужчины, будете смеяться над моим предложением, но у вас, кажется, нет выбора, а потому оно для вас выгодно.

— В ваших словах, — улыбнулся Седельников, — я слышу пока лишь насмешку, но это — все! Больше я ничего не понимаю.

— Видите ли, — смутилась Разина, — я хочу предложить вам свои услуги в качестве механика. Я — дипломированный инженер-механик и машины знаю отлично. Кроме меня, в числе ваших подневольных пассажиров наберется еще несколько инженеров, так что ваша машинная команда будет, если вы принимаете мое предложение, с избытком полнена.

— Я не умею красно говорить, — сказал, протягивая девушке руку, Илья Максимович, — это не мое дело, но я от всей души благодарен вам и, конечно, с радостью принимаю предложение! Что же касается моей благодарности...

— Не будем об этом говорить! — прервала его Разина. — Что бы мы ни сделали для вас, — мы всегда останемся перед вами в неоплатном долгу! Особенно же... я...

Теперь смутился Седельников и, стоя перед красивой девушкой, подбирал в голове разные приличествующие случаю выражения, но не успел, так как Разина деловым тоном заявила:

— Я сейчас же организую вахты, и мы немедленно тронемся в путь.

Она быстро сошла с капитанского мостика, а через полчаса командир был вызван к телефону из машинного отделения.

Разина тем же деловым, привыкшим к дисциплине голосом доложила:

— На «Океане» имеются четыре инженерных машинных вахты; от 1 до 7 ч. нахожусь в машинном трюме я, инженер Ольга Разина; а следующие вахты займут по очереди мои товарищи, фамилии которых будут внесены в вахтенный журнал. Разрешите, капитан, поднять пары?

— Прошу тотчас же дать полный ход! Мы запаздываем...

Через два часа после этого разговора «Океан», оставляя за собой длинную полосу черного дыма, величественно рассекал воды Атлантического океана, держа курс на острова Вознесения.

С этого дня все шло благополучно. Больные суфражистки и механики поправлялись, и только одному из механиков пришлось сделать вскрытие образовавшегося на печени нарыва, последствия тропической лихорадки, так называемой на Канарских островах — «кайтаме».

Добродушный судовой доктор, привыкший лечить команду касторовым маслом и хинином, а пассажиров — содой, валерьяновыми каплями и лимоном, был в ужасе, когда понял, что нужна серьезная операция.

Его выручила одна из ссылаемых — Инна Михайловна Гаврилова, хирург, работы которой пользовались всемирной известностью.

При таких условиях, хотя срок прибытия на мыс Доброй Надежды близился, Илья Максимович был совершенно спокоен за то, что его «Океан» в назначенный день бросит якорь на Маттуэр-банке, на рейде Капштадта.

Но ему было неприятно думать об этом. Он за время плавания проникся глубоким уважением к этим энергичным, спокойным женщинам, а чувство восторга вспыхивало в нем, когда он взглядывал на черные и огрубевшие, но все еще прекрасные руки Ольги Константиновны.

Однажды, когда «Океан», пройдя о. Св. Елены, находился уже на параллели английской колонии Шепмансдорф, на западе земли готтентотов, теснимых с севера и юга немцами из Дамары и Намакуа, Седельников подошел к прогуливающейся на баке девушке и тихим голосом сказал:

— Позвольте мне надеяться, что я доставлю вас обрат-

но в Россию?

— Скажите, Илья Максимыч, — так же тихо ответила девушка, — вы бы не последовали за вашим отцом?

Долго молчал командир, борясь со своими мыслями, наконец, махнул рукой и сказал:

— Я бы за ним пошел в таком деле повсюду!

И, повернувшись на каблуках, с низко опущенной головой, он быстро пошел прочь и заперся в своей каюте.

А «Океан», бесстрастный и могучий, быстро подвигался к югу и нес невольных пассажиров к неизбежной гибели, а молодого капитана — к мукам неизбывного горя...

IV

НА МЫСЕ «ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ»

Когда на горизонте западного берега Африки начали вырисовываться синие зубцы Ньюфельдских гор, «Океан» начал быстрее идти к югу и, сравнявшись с мысом Кестль, обогнал испанский грузовик «Santa Cruz». На корме черного, грязного парохода был полуопущен флаг, как на всех судах, везущих каторжников в испанские колонии Африки, «на галеры», а вдоль борта стояли часовые с примкнутыми к ружьям штыками.

— У нас куда проще! — язвительно заметил старший помощник капитана, человек пожилой и желчный.

— Из моряков тюремщиков понаделали! — презрительно пожал плечами Седельников и начал быстро спускаться на палубу, чтобы отдать последние распоряжения, так как на другой день «Океан» должен был быть в виду мыса «Доброй Надежды».

На судне шла работа. Мыли и скребли палубу, чистили медные и бронзовые части, убирали закоптелый тент и натягивали новые желтые чехлы на свернутые паруса, туго притянутые к реям.

Илья Максимович несколько раз в этот день видел Ольгу Константиновну. Глаза их с тихой, дружеской лаской встречались, но ни словом не обмолвились о своих переживаниях девушка и привыкший скрывать свои чувства моряк. Самое главное было сказано.

Девушка в деловом вопросе командира поняла его чувство, прочное, как вся природа этого закаленного, сильного человека.

И Седельникову казалось, что в глазах Разиной он читает ответ на свое чувство, и в нем росла уверенность, и зажигалась радостная надежда, дающая ему счастье.

Какое-то решение назревало в голове Седельникова.

Он всю ночь проходил по кают-компаниям и ждал чего-то.

Ему казалось, что Ольга Константиновна придет сюда, и он скажет ей то, о чем думал он весь день и всю мучительную долгую ночь под стук машины и плеск поднявшейся от Карро волны.

Илья Максимович не ошибся. Девушка пришла в кают-компанию. Она была одета так же, как и тогда, в петербургском порту, когда пришла к нему просить взять ее на борт парохода.

— Я вас искала на мостике, капитан, — сказала Ольга Константиновна, — но не нашла вас там. Мне вахтенный сказал, что вы здесь. Я пришла поблагодарить вас за благородное, человеческое отношение к тем, которые едут на смерть. Мне, как и всем нам, осталось жить недолго, но если бы нам было суждено иное, мы всю свою жизнь помнили бы вас!

Девушка крепко пожала ему руку.

— Спасибо! — сказала она.

— Все это пустяки, мелочь! — раздражительным голосом заговорил Седельников. — Так сделал бы всякий честный человек, и в этом нет ничего благородного или сколько-нибудь примечательного! И не стоит говорить об этом, так как, если уж на то пошло, так еще большой вопрос, кто кому должен быть благодарен: вы мне или я вам? Без вашей помощи мне не добраться бы к сроку до мыса Доброй Надежды, чтобы ее черт побрал, эту Надежду... Извините ради Бога, Ольга Константиновна. А не дойди «Океан» вовремя, общество уплатило бы большую неустойку правительству, а я был бы обременен тяжелыми штрафами. Да все это вздор, пустяки! Я не о том хотел говорить с вами... Я вас полюбил, Ольга Константиновна, полюбил так, как может полюбить женщину мужчина, когда он узнал и понял ее душу, когда он почувствовал в любимой женщине сильного, крепкого, как скала, человека... Я не могу даже поверить, что эта соединенная эскадра культурных наций, которая соберется там, около Капштадта, повезет и вас на южный полярный круг, и оставит, лицемерно снабдив вас всем, что нужно для жизни... для жизни, которая там оборвется сразу, лишь только наступит период циклона. Нет! Нет!

Бога ради, выслушайте меня! Никто не может быть против того, что я предложу: ни вы сама, ни матушка ваша, ни те несчастные, которых я везу на смерть. Мы с вами вернемся в Европу и обдумаем способ спасти сосланных в область вечных льдов. Пусть они продержатся лишь год, лишь год один, а в апреле будущего года мы отыщем их и спасем!.. Я вам клянусь, что мы это сделаем, только вернитесь, только не оставайтесь там, в этом ужасном изгнании!..

Седельников в порыве своей страстной просьбы сорвал с головы фуражку и стоял перед девушкой, не сводя с нее умоляющих, горящих глаз.

Девушка долго молчала. По ее серьезному лицу и нахмуренным бровям можно было судить об ее мыслях. Когда она подняла на капитана глаза, то они были затуманены и грустны.

— Я с радостью услышала то, о чем вы говорили мне, — сказала она тихим, задушевым голосом. — Я счастлива тем, что вы меня... полюбили. Но я должна остаться с ними. Я буду ждать вас на будущий год и в это время употреблю все свои силы на то, чтобы победить все опасности, какими угрожает нам наша ссылка!

В каюту быстро вошел вахтенный начальник, младший офицер «Океана», и доложил:

— Илья Максимыч, нам навстречу идет английский миноносец и сигнализирует, чтобы мы прибавили ходу!

— Просигнализируйте англичанину, что мы идем под русским флагом, и что на нашем судне командиром состоит Седельников и все приказания в море исходят только от него!

Разина весело засмеялась.

— Ответ отличный! — воскликнула она. — Я верю, что на будущий год мы с вами встретимся... там!

И она указала на юг...

V

ПЛАВАНИЕ СОЕДИНЕННОЙ ЭСКАДРЫ

Когда «Океан» вошел на рейд перед мысом Доброй Надежды, он очутился в виду целой эскадры. Преобладали великобританские флаги, так как из Англии в ссылку отправляли около 10.000 женщин. В течение дня прибыли еще несколько пароходов, а на другой день стоянки с юга пришел английский крейсер «King Adalbert» под командой адмирала Джона Гренгмута, правнука знаменитого полярного путешественника Тоультона Гренгмута, прошедшего зиму на южном полюсе и погибшего там при весьма таинственных обстоятельствах.

Он шел на лыжах навстречу прибывшим за ним соотечественникам, его видели быстро скользящим со снежной горы и вдруг скрывшимся за бледным пламенем, словно вырвавшимся из-под его ног. Потом путешественники заметили черное, распластанное на снегу тело Гренгмута. Когда они подошли к нему, то убедились, что он был мертв, а его ноги были оторваны вместе с частью бедер и желудочной области, хотя ни обрывков тела, ни следов крови нигде не было найдено.

Смерть осталась загадочной, и никто не узнал ее тайну, хотя в дневнике Тоультона Гренгмута было найдено несколько очень странных записей.

Так, между прочим, этот отважнейший из исследователей полярных стран пишет:

«...в ночь на 12 декабря при 50 и 60° С вся видимая к югу область начала излучать голубовато-зеленый свет, под влиянием которого начали быстро таять льды и снега и в воздухе слышалось журчанье и плеск бегущей воды. Внизу подо мной начиналось наводнение, и я лишний раз поблагодарил природу за данную мне предусмотрительность, заставившую построить мой резиновый дом на вершине Стробеуса».

В другом месте путешественник пишет:

«Сегодня я увидел на север от пика Гратамос движущуюся точку. Она необыкновенно быстро росла и вскоре превратилась в нечто, напоминающее автомобиль. Он пронесся в расстоянии двух километров от меня, и я лишь заметил клубы снега, вздымаемого вырывающимся газом из пронесшегося экипажа. Я всю ночь жег от своих аккумуляторов фонарь над домом, пускал сигнальные ракеты и стрелял, но промелькнувший, как видение, автомобиль не возвратился».

Так писал этот холодный, никогда не увлекающийся ученый исследователь и, казалось бы, эти отрывки из его дневника должны были поднять интерес к южным полярным странам. Однако, изучение Гренгмутом южного материка доказало почти полное отсутствие на нем фауны и флоры, за исключением нескольких видов, очень тщательно описанных погибшим ученым.

Географические общества признали изучение Антарктиды оконченным и явления свечения земли и таяния снегов приписали случайному прорыву лавы под толстый слой льдов, подобно тому, как это еще в XIX столетии наблюдал американец Смильсен при извержении антарктического вулкана Террора на земле Виктории.

Что же касается появления странного мотора, не оставившегося на сигналы Тоультона Гренгмута, то международный съезд географов объяснил это прибытием к нему, к пику Гратамос, какой-нибудь экспедиции, не заметившей сигналов англичанина.

Лишь только вернулся на рейд Капштадта «King Adalbert», на его ряях повисли разноцветные сигналы, предписывающие судам с ссылаемыми женщинами быть готовыми к отплытию через 16 часов.

Начались спешка и лихорадочная работа по нагрузке и снаряжению пароходов, приемка запаса свежего провианта, ремонт машин и укрепление носовых частей судов на случай встречи с полярными льдами.

К вечеру того же дня командир «Океана» получил пакет с приказом международного судебного трибунала следовать за английской эскадрой, идущей к острову Гарвея

курсом на о. Эндерби.

Во главе эскадры должен был идти «King Adalbert», только что нашедший для изгнанниц верную могилу на всеми позабытом о. Гарвея.

В назначенный час, всегда исполнительный Илья Максимович приказал поднять на мачте флаг и был готов к плаванию. Когда «King Adalbert», глухо загудев, двинулся к югу, то в кильватере десяти английских грузовых пароходов шел чистенький, стройный «Океан», словно не имеющий ничего общего с черными и мрачными великанами, переделанными в строгие тюрьмы.

После однообразного и скучного плавания в почти необитаемом океане, где лишь короткоклювые киты и морские леопарды, гоняясь за идущими кораблями, несколько развлекали пленниц и команду судов, эскадра бросила якорь в виду о. Эндерби.

Здесь впервые почувствовали пассажиры ледяное дыхание южного полюса.

Студеный южный ветер вздыбил огромные волны, они со злобным шипением ударялись о железные борта пароходов и, казалось, были передовыми воинами властителя огромного необитаемого южно-полярного материка.

Когда же пароходы, укрепившись на якорях, спокойно сопротивлялись натиску ветра и волн, приплыли полчища пловучих льдов. Тогда вся эскадра укрылась за северо-восточными отрогами скалистого мыса Парри и, ничем не тревожимая, простояла до утра.

От острова Эндерби до острова Гарвея переход среди некрепкого пловучего льда, шедшего небольшими площадями, был хотя и не труден, но неприятен и медлителен, а потому в течение тех трех суток, которые провел почти бесшумно Илья Максимович на мостике, плавание показалось ему бесконечным, и он, укрываясь от резкого южного ветра, ворчал:

— Да! Доберешься сюда в другой раз! Как же?!

И он готов был в отчаянии плакать, а порой дикое бешенство нападало на него, и тогда он без всякой причины накидывался на людей и даже раз, чего с ним за все время

его службы в море не случилось, ударил не исполнившего его приказание боцмана.

Но, наконец, ночью с «King Adalbert'a» взвилась сигнальная ракета, а затем просемафорили, что можно вставать на якоря и что глубина рейда 21 фут. «Океан», обойдя идущий впереди корабль, встал справа от него и опустил кормовой флаг.

До самой зари Седельников не сходил с мостика и смотрел, как где-то среди снегов и льдов таинственного юга вспыхивали какие-то огни, то потухая, то вновь загораясь и озаряя слабым светом мертвенно-бледное, замерзшее небо.

Командиру почудилось, что кровожадные духи ледяной пустыни жадно ждут своих жертв и тревожно бегают и ищут их следы. В вое ветра, гудящего среди такелажа парохода, Илья Максимович ясно различал угрожающие, злобные голоса, порой стоны и вопли или дикую, торжественную песню смерти.

И когда он взглянул на длинную вереницу сигнальных огней на судах и вспомнил о том, какое дело собирались они делать здесь, у этого пустынного острова, чувство стыда и досады заставило его закрыть лицо руками.

— Уйти отсюда, нарушить приказ и плыть обратно...— мелькали в голове капитана тревожные, лихорадочные мысли, и он, сознавая их полную бесполезность, терзался и бросался по всему судну, как дикий, обезумевший зверь. В бессильном отчаянии он упал головой па перила мостика, а его сильное коренастое тело содрогалось от тяжелых, мучительных рыданий.

Когда кто-то коснулся его плеча, Седельников даже не поднял голову и спросил:

— Что надо?

— Это я, Разина! — услышал он голос Ольги Константиновны.

Девушка стояла перед ним с взволнованным лицом и протягивала к нему свои прекрасные, тонкие руки.

— До свиданья! До свиданья! Я знаю, что мы увидимся! — прошептала она.

Илья Максимович с надрывным криком припал к ее рукам, а она взяла его голову и прижала к своей груди. И, не сказав более ни слова, она быстро спустилась вниз, где уже пленницы приготавливались к высадке.

Ранним утром, лишь только забрезжил свет, моторные катера начали перевозить с пароходов на отлогий берег припасы, тюки с инструментами и необходимой утварью, ящики со стеклом и железными листами, сваливать строительный лес и бочки с цементом, рулоны толя, войлока, картона, огромные кипы ваты, шерсти, бумаги и шкур.

Генеральное судилище, казалось, озаботилось всем, и государства, принявшие участие в приговоре над суфражистками, снабдили сосланных всем необходимым для их существования на пустынном острове Гарвея, куда лишь изредка заплывают пингвины, полярные гагарки и устраивают кратковременные лежбища мелкие ластоногие.

Наконец, настал день выгрузки людей.

Те же катера свозили на берег острова сосланных женщин.

Молчаливые, гордые перед лицом неминуемой смерти, эти старухи, молодые женщины, девушки и подростки, почти дети, принявшие участие в поджоге городов, спокойно смотрели в даль, где над свинцовыми, холодными волнами выступала невысокая гряда серых, неприветливых скал.

Не оглядываясь на свои пловучие тюрьмы, плыли женщины на остров, и только с четырех катеров, идущих под русским флагом, всякий раз, когда отплывала новая партия ссыльных, махали платками одинокой коренастой фигуре, стоявшей на капитанском мостике «Океана».

Это был Илья Максимович Седельников, который сухими, горящими глазами смотрел на уплывающих, а когда отошел последний катер с Ольгой Константиновной и ее матерью и оттуда донесся громкий крик:

— До свидания! — когда вновь затрепетали вдоль борта катера белые платки, командир снял фуражку, поднял ее высоко над головой, а потом остался стоять с непокрытой головой, неподвижный и осунувшийся.

Сколько времени оставался в таком полузабытье Седельников, — он не знал. Холодный ветер рвал на нем плащ и трепал волосы, снегом занесло ему глаза и усы, но очнулся он только тогда, когда старший помощник, войдя на мостик, доложил:

— Илья Максимович! Выгрузку закончили благополучно. Все катера уже на таях. Пришел приказ от начальника эскадры.

Седельников, как автомат, равнодушно взглянул на своего помощника, заочневшими руками взял у него пакет и прочитал:

«Военным торговым судам всех флагов в течение 5 лет не разрешается подходить к берегу острова Гарвея ближе, чем на 100 английских миль, причем высадка людей на берег ни под каким предлогом не допускается. О настоящем постановлении командира международной эскадры предписывается командирам судов сделать соответствующие объявления в портах и морских журналах.

Адмирал Джон Гренгмут, командир крейсера
“King Adalbert”».

Другой приказ адмирала сообщал об окончании выгрузки изгнанниц и разрешал всем судам возвращаться в те порты, к которым они приписаны, или взять курс по любому направлению, по усмотрению своих командиров.

Седельников решил переждать ночь и на заре сняться с якоря. Он отдал все распоряжения вахтенному начальнику и перед отходом приказал разбудить себя.

VI

ГИБЕЛЬ ПАРУСНИКА «ВАН ГААГЕН»

Когда «Океан», описывая большую дугу, повертывался кормой к острову Гарвея, Седельников в последний раз осматривал неприветливый берег в сильный морской бинокль.

На берегу на высокой скале был поставлен столб с большой вывеской, написанной на английском языке:

— Остров Гарвея — место ссылки суфражисток всех народов мира.

Илья Максимович приказал в знак прощания трижды опустить марсовый флаг. Ему ответили тем же остающиеся еще на рейде суда, но не за ними наблюдал командир «Океана».

Он искал сигнала с берега.

И почудилось ли ему, или действительно так было, — это утверждать не мог бы и сам Седельников, но ему показалось, что у столба с вывеской появилась человеческая фигура и трижды махнула в сторону моря.

Чувствуя, что он сходит с ума и что отчаяние железными клещами щемит ему сердце, Седельников быстро сбегал в кают-компанию и крикнул дежурному помощнику:

— Полный ход по курсу мыс Доброй Надежды.

Повернувшись к буфетчику, он приказал, падая на диван и закрывая лицо руками:

— Пить!

Два дня и две ночи, не переставая, пил Седельников.

Офицеры не решались входить в кают-компанию и, наконец, призвали доктора и посоветовали ему попытаться уговорить Седельникова лечь спать.

С большой нерешительностью доктор вошел в кают-компанию и, будто ничего особенного не случилось, сказал:

— Ты бы, Илья Максимович, соснул у себя в каюте! Вредно ведь пить и не спать...

Командир медленно обвел комнату мрачным, отяжелевшим взором и устался на доктора.

— Совесть мучает!.. — сказал он хриплым голосом. — Спать нельзя!..

— При чем тут совесть? — начал было доктор. — Сделал, что было приказано, и только!..

Седельников встал на ноги с такой легкостью, словно ничего в рот не брал, и одним прыжком был возле доктора.

Он опустил ему руки на шею.

— А-а, так? — прошипел он. — Так? Хорошо же! Слушай! У тебя в госпитале лежит кочегар Маринчук. Ты знаешь, что его обожгло паром и что он умрет?

— Да, он почти уже кончается! — ничего не понимая еще, ответил доктор.

— Ну так вот, слушай! — продолжал командир и сильнее нажал шею доктора. — Я, — командир твоего корабля, приказываю тебе, судовому врачу, немедленно умертвить морфием напрасно страдающего кочегара Маринчука, который уже кончается. Живо!

— Медицинская этика не позволяет врачу исполнить такое приказание! — воскликнул доктор. — За это мне грозил бы жестокий судебный приговор!

— Так ты думаешь, жалкий лекаришка, — загремел Седельников, ударом ноги опрокидывая стол и отталкивая от себя доктора, — ты думаешь, что твоя медицинская этика выше моей совести? Черти! Висельники! Собаки!

После этого случая командир «Океана» заперся в своей каюте и вовсе не выходил на палубу.

Помощники капитана, механики и врач не знали, что делать с Седельниковым и со дня на день откладывали решение этого сложного вопроса. Неизвестно, сколько времени длилось бы такое положение, если бы не выручил случай.

На параллели Фалькландских островов юго-восточный пассат начался как-то совершенно неожиданно. Океан сразу почернел и прежде, чем по барометру можно было предсказать погоду, — налетел бешеный шквал, подняв волнение, и начал швырять идущий без пассажиров и груза пароход, как легкую шляпку.

При первых ударах тяжелых волн в правый борт «Океа-

на» Седельников поднял голову, открыл запухшие глаза и насторожился.

Его опытный слух различил шипение пены на гребнях волн и свист ветра. Он выглянул в иллюминатор.

Море было совсем черное, и по нему бежали ослепительно-белые полосы «барашков». По небу, как безумные, мчались облака и то разрывались в отдельные клочки, то сбились в плотные серые кучи.

Командир надел фуражку, прошелся несколько раз по просторной каюте, расправляя отекавшие руки и ноющую грудь, а затем поднялся на палубу.

— Крепи тали, подтрави шкоты! — загремел его голос с привычной властностью. — Боцман, свистеть на аврал!

На капитанском мостике появление командира было встречено с радостью и одновременно с изумлением, так как никто не надеялся, что после такого продолжительного пьянства Илья Максимович будет в состоянии прийти в чувство.

А Седельников, между тем, совершенно спокойно рассматривал у компаса карты и слушал доклад вахтенного начальника.

— Нас отнесло на запад, — сказал Илья Максимович, — и несет по ветру к островам Бувэ. Штурвальные, переложите на другой борт!

— Есть! — откликнулись рулевые от штурвала. — На другой борт!

— Мы склонимся к острову Кергулену и на него возьмем курс. Волной и ветром нас будет по-прежнему сбивать к западу и, таким образом, мы не отклонимся от мыса Доброй Надежды. Занесите наш курс в шканцевый журнал!

Седельников был спокоен. Хмель сразу сошел с него, словно свежий ветер сорвал его, как приставшую к платью соломинку. С каким-то щекочущим чувством радости он смотрел на кипевшую кругом работу. Слушал свистки боцманов, приказания штурманов и улыбался, замечая любопытные взгляды, бросаемые на него командой.

— Стараться, стараться! — радостным голосом крикнул командир. — Горячее дело будет! Ветер свежеет....

Слова его, подхваченные ветром, разносились по всему кораблю, и матросы, подтягивая канаты и крепя шлюпки, бормотали:

— Ну, отошел командир! Такой все выдержит! Здоров человек!

И они с почтением смотрели на уверенно шагающую по мостику коренастую фигуру капитана. А Седельников улыбался и чувствовал, как беспричинная, непонятная радость охватывает все его существо и уничтожает все следы отчаяния, так мучительно терзавшего его.

Он пошел на ют и здесь, опершись на швартовочные тумбы и круги канатов и цепей, впился глазами в море, уходящее к югу, к острову Гарвея, где осталась случайно встреченная им и так крепко любимая настоящей любовью девушка.

Над той частью моря нависли черные, тяжелые тучи. Казалось, они теснят и давят воду и ту необитаемую студеную землю, где мороз правит свой безумный, безжалостный бал.

Тоскливо сжалось сердце моряка и даже слезы навернулись на глазах, но в душе его не угас вдруг вспыхнувший огонь надежды. Седельников был уверен, что должно случиться событие, которое изменит к лучшему и направит на новый путь его так неожиданно изменившуюся жизнь. Как это произойдет и отчего, — этого он не знал, но не сомневался в этом.

Был третий час дня, когда командир, сделав последние распоряжения, спустился к себе в каюту и приказал подавать обед.

Это был первый раз за эти четыре дня. Буфетчик и веселые вздохнули свободнее, и радостнее сделались лица помощников, механиков, штурманов и доктора.

— Наконец-то, — говорил он, потирая руки, — кают-компания опять наладилась. А то какое-то осадное положение было!

Во время обеда ветер посвежел на три балла, и корпус «Океана» дрожал под напором волн, с бешеной силой несшихся по ветру. Иногда казалось, что судно переломилось:

так вздрагивало и трещало оно, скользя с верхушки вала в пучину водяной пропасти.

К концу обеда в кают-компанию вбежал закутанный в теплый непромокаемый плащ матрос:

— Вахтенный начальник приказал доложить командиру, что с норд-оста виден парусник и что он терпит бедствие. На фок-мачте у него сигнал «подай помощь», а грот, видно, снесло в море. Какой флаг — не различить!

— Ступай наверх, — приказал матросу Седельников, — и скажи вахтенному, чтобы держался ближе к паруснику и, как будет на виду, доложить!

— Есть! — ответил, поворачиваясь, матрос и быстро вышел из кают-компания.

— Да-с! — заметил старший помощник командира. — Несладко в такой пассат под парусами трепаться в здешней пустыне...

— Однажды, — сказал Илья Максимович, — как только я окончил училище, мне предложил один богатый финн свезти в Пернамбуко груз облицовочного камня и соснового волокна для бумажных фабрик, а обратно захватить бразильского красного и черного дерева. Шел я из Ганге на паруснике в 300 тонн и трепнул меня этот же юго-восточный пассат почти на самом экваторе. Не думал я уйти живым. Потерял оба марсея и кливер, но, к счастью, мачт не поломал. Снесло меня тогда южнее тропика, почти на параллель порта Ротаро, на 600 верст без малого южнее Пернамбуко. Помню я этот город отлично и с той поры всегда жалею тех, кто под парусами плывет в этих местах.

Сверху протелефонировали в кают-компанию.

— С левого борта голландский парусник. Крен градусов пятьдесят. Гибнет. На корме вижу надпись «Ван Гааген», — докладывал младший помощник командира. — Что делать?

— Застопорить машину и лечь в дрейф! — приказал Седельников и встал из-за стола.

— Господа! — сказал он. — Перед нами сейчас сложная и ответственная задача: спасти терпящих бедствие на паруснике. Мы — моряки и все мы знаем, что это — наша священ-

ная обязанность. Прошу по местам, господа!

И сам впереди всех он быстро покинул уютную кают-компанию.

На море был ад.

Волны сшибались в какой-то безумной схватке, змеями взливались кверху и, оплетая друг друга своими пенистыми телами, ныряли в пучину. Шипя и ревя, обрушивались в бездну высокие водяные горы и целым потоком соленых и холодных брызг и клубами тумана рассыпались в воздухе, смятленном и взволнованном от ревущего и свистящего дикого вихря, беснующегося в водяной безграничной пустыне. В грохоте волн, ударяющих в железный корпус парохода, и в завывании ветра слышались чьи-то тревожные или злобные голоса, звуки труб и гул далеких выстрелов. Казалось, что волны приносили с собой отголоски далекого боя и, распадаясь здесь и волнуя море, рассказывали страшную повесть разрушения и смерти.

Но Седельникову некогда было вслушиваться в ужасающую музыку моря и бури.

Парусник, подняв высоко корму и обнажив весь руль и кормовую часть киля, вдруг ткнулся носом в воду и с каждым мгновением быстрее и глубже зарывался в волны.

— Шпангоуты у барка* сдали! — крикнул старший механик. — Теперь уж рифов не возьмет. Шабаш!

— Да! — сказал Седельников. — Теперь конец! Течь идет быстро...

— Уже фор-стенга-стаксель погрузился в воду... Полный ход вперед! — крикнул он по телефону в машинное отделение. — Если спустят шлюпку, может быть, перехватим...

Пока «Океан», борясь с встречной волной и ветром, медленно подвигался, парусник все более и более накренился и уже краями разрезных фор-бом-брамселя и грот-триселя** полоскался по верхушкам воли и только на бизань-мачте, сорванный с юферсов и с бык-горден-боутов, хлопал и

* Барк — трехмачтовое парусное судно.

** Названия парусов.

трепался крюйсель. Фока-рей и фор-марса-рей упали, разрушая часть правого борта и открывая доступ волнам, и тогда только с кормы начали быстро спускать на воду большой восьмивесельный вельбот.

Его долго колотило об обшивку «Ван Гаагена», пока, наконец, ловким маневром рулевому не удалось сразу же отбросить вельбот на гребень уходящей волны, перекатившейся через всю палубу тонущего парусника.

— Молодец, штурман! — в восхищении крикнул Седельников и тотчас же свистнул в авральный свисток.

Подбежавшему боцману он прокричал в самое ухо:

— Готовь линек и круги! Поставь на юте и на баке ловких метальщиков! Скажи, что по 25 рублей за всякий хороший удар дам. Живо!

Волны несли бот с пятнадцатью людьми, то вскидывая его на самую вершину так, что весь киль был на виду, то низвергая его вниз, в пучину гигантских воронок и провалов.

Медленно приближался к нему «Океан», а море боролось с ним, словно зная, что он отнимет у него его жертвы.

Штурман, находившийся на корме парохода, приложив ладони к губам, крикнул:

— **Allo! Kord!****

Рыжий, дюжий, как медведь, матрос Горленко широко замахнулся и завертел гирькой линька.

Откинувшись назад, он вдруг сразу броском подался вперед, и сквозь вой ветра и шум воды слышно было, как, шелестя и тонко свистя, взвилась крепкая веревка.

— Держи коне-ец! — раздалась новые голоса, и еще два линька унеслись в туман, стоящий над морем, где в волнах маячил вельбот с мерно нагибающимися и откидывающимися людьми, изо всех сил выгребавшими к пароходу.

На корме стоял молодой, высокий человек с открытым, отважным лицом.

Ветер сорвал с него шапку и развевал и трепал его светлые волосы, но он, крепко упираясь ногами в дно, не вы-

** Окрик, когда бросают спасательный линек.

пускал из сильных рук руля и уверенными движениями направлял бот к пароходу.

При окрике с парохода на шлюпке все насторожились и приготовились принять спасательный линек.

Но две гири, не долетев, исчезли в воде, и матросы с парохода начали травить концы.

Только гиря Горленко ударилась в дно баркаса, и линек повис на борту. Торопливые, ловкие руки схватили его и вскоре привязанный к линьку надежный трос, как черная змея, поплыл от парохода к вельботу.

Долго возилась еще команда «Океана», пока удалось ей подвести вельбот к борту и спустить трап, но к вечеру пятнадцать новых пассажиров прибавились на пароходе, и все, от командира до последнего смазчика, считали этот день самым радостным за все время плавания «Океана» к острову Гарвея.

Человек, так искусно управлявший баркасом, был владелец погибшего парусника, голландский горный инженер Питер ван Гааген.

После горячих излияний благодарности за спасение он, не теряя времени, приступил к расспросам, куда идет «Океан» и что он делал в этих пустынных водах.

Узнав, что корабль идет свободным курсом в Петербург и не имеет назначенных сроков прибытия в попутные порты, ван Гааген предложил Седельникову законтрактовать «Океан» на месяц.

— Мне необходимо, — сказал голландец, — попасть на 63 градуса между 52 и 53 параллелями южной широты. Случайно побывавшие в этих местах наши голландские шкиперы донесли мне о появившемся там новом вулканическом острове... Я не скрою от вас, капитан, и того, что возбудило во мне интерес к этому случайно появившемуся клочку земли. Шкиперы привезли мне в Амстердам куски трахитов и базальтов, отбитых ими от скал этого острова. В их пустотах я нашел алмазы и думаю, что богатая железная лава, пройдя через слой угля, отложившегося на дне океана, растворила его, а, охладившись в твердые породы, выделила его в виде кристаллов алмаза. Наша фирма за-

нимается вот уже 600 лет шлифовкой драгоценных камней. Дом ван Гаагенов шлифовал «Ко-и-ноор», «Луну Востока», знаменитый «Кулинан»* и другие бесценные и редкие экземпляры алмазов и цветных драгоценных камней. Я предпринял экспедицию, но не нашел в Капштадте свободного парохода и был вынужден купить парусное судно, — и вот видите, какая участь постигла нас...

Седельников согласился на очень выгодные для его общества условия голландца, и вскоре «Океан» плыл в ту часть Индийского океана, где появился новый остров.

* Названия крупнейших в мире бриллиантов.

VII

НА ОСТРОВЕ АЛМАЗОВ

Илья Максимович много слышал о южной части Индийского океана, где с особенной силой проявляется подводная вулканическая деятельность. Он не сомневался, что ван Гааген говорит именно об этой области, тем более что и географическое положение неизвестного острова вполне совпадало с предположением капитана.

Недолго думая, Седельников направил свое судно на север и к утру следующего дня уже вышел из сферы юго-восточного пассата, от которого осталось лишь небольшое волнение, почти не ощущаемое «Океаном».

Доплыв до Туасова моря, как называют моряки вулканическую часть Индийского океана, Седельников два дня крейсерил здесь, отыскивая следы вновь появившегося острова. Он, наконец, послал матроса на фор-марс осмотреть горизонт, и тот заметил на юго-востоке узкую полоску земли.

«Океан» осторожно подходил к незнакомому берегу, опасаясь подводных рифов и, приблизившись на расстояние трех кабельтовых, выслал вперед шлюпку для промеров. Однако, лот нигде не нащупал дна, а потом «Океан» медленно подошел к самому берегу острова, который, как гигантский столб, поднимался со дна моря.

Остров тянулся мили на три с севера на юг и в ширину около двух миль, медленно повышаясь от берегов к середине. Это была совершенно пустынная груда нагроможденных базальтов и серых трахитов. Ни травы, ни заносимых обычно ветром и волнами южного багульника и кактусов не было на его поверхности, и только огромные крабы при приближении людей неуклюже шараянулись в разные стороны и юркнули в воду.

Путешественники обошли весь остров и нигде не нашли следов пребывания человека.

Поверхность острова была покрыта серым песком, состоящим из мелких кристаллов полевого шпата, яшмы, роговой обманки, кварца, слюды и аметиста.

Ван Гааген, положив на руку щепотку этого песка, с видом знатока рассматривал его, по временам одобрительно покачивая головой. Наконец, он зачерпнул воды в захваченный с собой стакан и бросил в него несколько крупных кусков поднятой с земли породы.

— Смотрите! — радостно воскликнул он и поманил к себе проходящего вблизи Седельникова. — Вот, видите, — это алмазы.

Илья Максимович увидел среди темных песчинок и обломков разноцветных кристаллов несколько блестящих камешков.

— Это алмазы! — опять воскликнул ван Гааген. — Какая таинственная игра света, какой немеркнущий блеск! За работу! За работу немедленно же! Я обязуюсь купить все добытое на этом острове.

В багаже, спасенном с парусника, у ван Гаагена оказались патроны с динамитом и твердые стальные сверла для бурения в камне длинных ходов, куда закладываются патроны для раздробления скал.

Пыл голландца, а отчасти его заманчивое предложение скупить у всех добытые алмазы заставили горячо приняться за работу.

Начали с того, что далеко завезли якоря «Океана» и укрепили его на случай ветра и волнения.

Судовые механики устроили большие ступы для толчения обломков скал. Из трюмов вытащили доски и бревна, разобрали деревянные нары третьего класса и над глубокими ямами поставили крепкие деревянные стойки, с которых падали вниз тяжелые куски железа, движущиеся на обломках при помощи цепей от лебедок парохода.

Команда наскоро строила длинные желоба и ставила насосы для подачи воды на промывальные столы с поперечными брусками.

Когда все было готово, все сооружения построены, — в южной части острова ван Гааген со своей командой, состоя-

щей из опытных минеров из Йоганнесбурга, приступил к опасным работам.

Весь день слышались оглушительные взрывы в возвышенной части острова. Клубы дыма и пара, высокие столбы каменной пыли и мелких осколков взвивались кверху, и весь остров дрожал и, казалось, колебался на своей подводной основе.

Три дня тянулась эта тяжелая работа, после чего приступили к толчению раздробленной динамитом породы в ступах и к промыванию полученного мелкого песка на столах.

Все были заняты работой, — и только Седельников не принимал в ней участия, считая такое безудержное стремление к наживе несовместимым с высоким званием моряка и командира судна.

Он бродил по острову и изредка подходил к промывным столам, где то и дело слышались радостные возгласы.

Действительно, около планок, идущих поперек столов и задерживающих самые тяжелые части сносимой текущей струей воды породы, часто загорались сильным блеском круглые и продолговатые обломки алмазных кристаллов.

Илье Максимовичу стоило большого труда удержать на пароходе обычную строгую дисциплину и уследить за правильной сменой и работой вахт, потому что все люди его команды рвались на работу.

Казалось, что эти сто человек задались целью снести весь остров, превратить его в пыль и рассеять ее по необозримой равнине океана.

Когда до конца контракта с ван Гаагеном осталось всего два дня, голландец подошел к командиру и сказал:

— Ваши помощники и вся ваша команда из Антверпена вернутся домой богатыми людьми, и только вы один не принимаете участия в этом обогащении. Не угодно ли вам продлить наш договор и остаться с «Океаном» еще две недели? Я удвою мою контрактную ставку, капитан, я лично вам уплачу по прибытии в Голландию значительную премию!

— Простите меня, по я должен отказать вам в этом! — сказал Седельников. — По пути сюда я снесся по беспрово-

лочному телеграфу с Грахамстоуном, откуда будет передано по кабелю мое извещение правлению общества, в котором я имею честь служить. В Петербурге меня будут ждать в строго определенное время, г-н ван Гааген, и вы, конечно, согласитесь, что изменить свое решение при этих условиях я не могу. Что же касается премии лично мне, то она будет уплачена мне не вами, а моим правлением из суммы, полученной от вас за фрахтование «Океана». Итак, — через два дня мы снимемся с якоря!..

Ван Гааген не ожидал другого ответа от такого моряка, каким был Седельников, а потому не удивился, а только печально вздохнул и пошел к работающим.

Илья Максимович, обойдя все закоулки своего парохода, по трапу сошел на берег и отправился в обычную прогулку вдоль берега, с улыбкой следя за неуклюже убегающими крабами и огромными морскими червями, выползающими на острые прибрежные камни.

Мысли же капитана были в другом месте — там, где свинцовые, холодные волны с злым шипением лизали обледенелый берег низменного острова, где ждали смерти сосланные свободолюбивые и гордые женщины. Там, среди этих голых скал и льдов, осталась та, которую так полюбил он, скитающийся по белому свету, одинокий, не знавший ласки человек. Любовь пришла лишь для того, чтобы причинить ему страдание и заставить его, быть может, всю жизнь оплакивать девушку, им же самим доставленную на проклятый остров.

Но, думая об этом, моряк тотчас же поймал себя на том, что он не так боится за любимую девушку, как подсказывает ему это холодный рассудок. Вспомнил он и то, что за все последнее время он, хотя и часто, но как-то вскользь вспоминал о Разиной, словно разлука с ней мимолетна и что близко время встречи.

Седельников с недоумением пожал плечами и тщетно искал объяснение для своих ощущений. И опять знакомое и необъяснимое чувство внезапной и глубокой радости поднялось в его сердце, вызвало краску на его лице и улыбку на губах.

— Завоюю я свое счастье! — почти крикнул он, озаренный яркой надеждой. — Спасу тебя, любимую, дорогую...

И в порыве радости он протянул руки к югу, и перед его духовным взором предстало прекрасное, полное ума и большой внутренней силы лицо девушки. Он увидел ее во главе целого населения печального острова. Она шла впереди всех, и перед ней рушились все преграды, нагроможденные природой, не знавшей власти человека. Он увидел целые селения из маленьких домиков, над которыми вился дым, увидел трубы кузниц и мастерских и услышал отголоски кипучей деятельности и разумной трудолюбивой жизни изгнанниц.

Уверенность в спасении, вера в силу ума и воли тех, которых генеральное судилище изгнало из общества, росли в душе Седельникова, и он все более и более успокаивался, обдумывая план своих действий,

Он уже почти решил тотчас же по прибытии в Петербург постараться добыть денег на покупку собственного парохода и с грузом товаров отправиться вдоль западного берега Африки до мыса Доброй Надежды, откуда пройти к о. Гарвея и попытаться увезти оттуда на один из более северных, редко посещаемых островов, лежащих южнее Ауклендского архипелага, любимую девушку и всех, кого она пожелает взять с собой.

Конечно, моряк не льстил себя надеждой, что этот план легко осуществим. Он сознавал, что собрать капитал, нужный для приобретения дорогостоящего, современного судна, — очень трудная и сложная задача, но все-таки такое решение вопроса казалось ему наиболее разумным и выполнимым.

Размышляя о своем плане, Седельников незаметно дошел до противоположного берега острова, где недавно ван Гааген производил взрывные работы.

Вся местность была разрыта и исковеркана. Глубокие ямы и рытвины указывали на разрушающую силу динамита. Огромные глыбы базальтов и ноздреватого трахита, оторванные от массива острова, валялись повсюду, вся же мелочь, песок и небольшие куски были свезены к столам и

поступили уже в промывку.

Бродя среди этих глыб, напоминающих циклопические камни древнейших построек человечества, капитан сел на одну из них, и, вынув нож, начал выковыривать из темной пузыристой массы трахита включенный в нее кусок слюды.

Но это Седельникову не удалось, так как от всей глыбы отвалился вместе с засевшей в ней слюдой большой кусок, открывая пустоту с тремя огромными прозрачными кристаллами.

Кровь бросилась в голову Илье Максимовичу.

— Неужели? — мелькнула у него мысль. — Неужели это тоже алмазы?..

И Седельников начал осторожно, кусок за куском, песчинка за песчинкой, отделять кристаллы от удерживающего их трахита. Работа была нелегкая, и моряк сломал оба лезвия своего ножа, но все-таки кристаллы отвалились, и Илья Максимович, бережно опустив их в карман, быстрыми шагами направился к пароходу.

У себя в каюте он опустил кристаллы в стакан с водой, как учил всех узнавать алмазы голландец, и они заблестели тем живым блеском, какой не дан другим минералам.

Радостный крик вырвался из груди капитана, и он бежал на брег искать ван Гагена.

— Слушайте! — сказал он голландцу. — Как вы думаете: могут ли быть в этой породе крупные алмазы?

— Непременно! — ответил ван Гаген, с изумлением смотря на взволнованного капитана. — Теория кристаллизации алмазов из лавы предвидит образование самых крупных кристаллов, и я дойду до дна океана, но найду такие крупные алмазы, о которых еще не слыхало человечество.

— Я думаю, что и я случайно нашел довольно крупные образцы алмазов! — нерешительным голосом сказал Седельников и протянул голландцу свою находку.

Тот лишь взглянул на них, замахал руками и начал кричать:

— Таких алмазов нет ни у одного государства! Каждый из них в три раза больше «Кулинана!» Это сокровище!

И долго после этого ходили по рукам эти прозрачные

кристаллы и, преломляя солнечные лучи, вспыхивали горячими разноцветными огнями.

Когда, спустя два дня после этого случая, «Океан» быстро шел вдоль восточного берега Африки, к Красному морю, командир парохода мог уже считать себя очень богатым человеком и смело смотреть в будущее, сулившее ему так много борьбы и труда.

VIII

«КАПИТАН СЕДЕЛЬНИКОВ»

Через полгода после плавания «Океана» с изгнанниками из Гамбурга вышел в дальний рейс огромный торговый пароход, на корме которого виднелась белая надпись: «Капитан Седельников».

Сам Илья Максимович вел свой пароход.

После доставки ван Гаагена в Голландию, капитан через три месяца получил известие, что группа капиталистов покупает его алмазы. Полученная им сумма представляла огромное состояние, позволившее Илье Максимовичу приобрести отличный пароход новейшего типа, нагрузить его разнообразными товарами, нанять опытную команду из людей, знавших все моря нашей планеты.

Выход «Капитана Седельникова» из гамбургского порта был целым событием. Толпы народа высыпали на набережную следить за быстрым ходом красивого судна, строившегося лучшими знатоками кораблестроения в Германии и находящегося теперь под командой Седельникова, — счастливца, случайно сделавшегося обладателем огромного состояния, равного капиталам нескольких мировых фирм, накопивших свои богатства веками предприимчивости и трудолюбия.

Илья же Максимович, стоя наверху высокого капитанского мостика, спокойным и уверенным взглядом смотрел на богатый город и целый лес пароходных труб и мачт на рейде. На фор-марсе у «Капитана Седельникова» висел темно-зеленый флаг с двумя ломаными линиями, — сигнал большого перехода.

На борту парохода, несшего в трюмах полный груз, кроме команды и офицерского состава, находилось около 400 человек пассажиров, отправившихся в северо-западные африканские порты, и двое гостей командира.

Один из них был старинный друг семьи Седельникова, старый профессор Залесов, известный химик и медик, взяв-

ший на себя обязанности судового врача.

Его уговорил ехать с собой Илья Максимович, соблазнив старика новыми и еще неизведанными ощущениями, а втайне моряк страстно желал иметь возле себя во время тяжелой экспедиции к о. Гарвея этого преданного ему и всегда трезво мыслящего человека.

Другой — был молодой журналист, человек смелый, веселый и бесшабашный. Назывался он Григорием Михайловичем Жуковым. Имя его недавно прогремело по миру, так как этот безумно смелый человек совершил путешествие по образовавшейся в Северном Урале трещине.

Путешествие это отняло у молодого журналиста около двух недель, в течение которых он углубился на пять верст внутрь земли и попутно открыл нефтяное море с неиссякаемыми запасами нефти и горного воска.

С Седельниковым он был знаком давно, так как плавал с ним однажды в Бразилию, где оба они на шлюпке поднимались вверх по Амазонке, подвергаясь всем опасностям, подстерегающим людей в девственных лесах Бразилии.

Узнав о настоящей цели плавания «Капитана Седельникова», Жуков примчался к Илье Максимовичу и, шумно выражая свой восторг, умолял его взять с собой.

Для моряка такой товарищ представлял настоящий клад. Выносливый, безудержно смелый, находчивый и страстно любящий всякие опасности и приключения, Жуков мог пригодиться при разных обстоятельствах.

Илья Максимович в течение долгого плавания не переставал волноваться, и чем ближе был его пароход к южной оконечности Африки, тем сильнее становилось волнение и более жгучим и мучительным чувство нетерпения.

А между тем, торопиться не приходилось. В Южном Ледовитом океане за полярным кругом еще свирепствовала зима и сплошные ледяные поля, безмолвные и пустынные, начинаясь на параллели островов Грагама, преграждали доступ к несчастным изгнанникам, отданным во власть полярной зимы. Порой от этих полей и ледяных плоскогорий отрывались огромные айсберги и, подхваченные те-

чением, величаво плыли к северу, как бледные призраки из логовища смерти, и медленно таяли у мыса Горн или у группы островов Бувэ.

Переживая это время вынужденного бездействия, «Капитан Седельников» бросал якорь у наименее посещаемых западноевропейских портов и вел торговлю с туземцами и заброшенными сюда судьбой и политикой европейцами. Пароход останавливался на о. Бисагосе, в либерийском порту Монровии, против устья Нигера, где от чернокожих племени гванду Жуков приобрел целый ящик, наполненный глиняными сосудами с ядами змей, пауков и тропических растений.

Заходил Илья Максимович на португальские острова До-Принчипе и Св. Фомы, распродал много тканей и эмалированной посуды итальянцам на Фернандо-По и Анно-Бон, был на берегу опасной своими невысыхающими болотами Лоанги, где змеи встречаются чаще, чем напуганные ими и истощаемые злой лихорадкой люди; посетил Бенгуэлу и Моссамедес, где распродал остатки своего груза, и решил дожидаться полярной весны в английском портовом городке Шепмансдорфе, лежащем почти на самом тропике Козерога.

Дойдя до этого порта и объявившись местным властям, Илья Максимович сдал команду своему старшему помощнику, а сам вместе с профессором Залесовым и Жуковым, взяв с собой трех матросов и проводника, решил совершить путешествие по Дамарскому хребту, отделяющему от Атлантического океана бесплодную землю готтентотов.

В описываемое время это племя почти уже было уничтожено. Причиной исчезновения этого некогда многочисленного и воинственного народа были болезни и тяжелые работы в угольных рудниках, расположенных в северной Намаке и принадлежащих германской фирме «Иоганн Коль и Генрих Маусс» — крупнейшему в мире в мире каменно-угольному предприятию. Земля готтентотов, разоренная и истощенная, не привлекла более культурных предпринимателей, а потому представляла совершенно неустроенную страну, где даже прежние колесные дороги и верховые тро-

пы пришли в упадок, заросли кустами, высокими колючими кактусами и цепкой, вьющейся травой.

Все земли вымершего племени принадлежали теперь трем родам, ведущим свое начало от двух правящих династий вождей и от касты жрецов.

У Седельникова было намерение познакомиться с Дамарой, так как в эти пустынные места, в случае удачи, можно было доставить сосланных на о. Гарвея женщин.

Купив лошадей и взяв проводника-охотника из Гольдессы, Илья Максимович со своими спутниками двинулся от Шепмансдорфа на восток с тем, чтобы немедленно углубиться в Дамарские горы.

Путешествие по равнине, медленно, но неуклонно повышающейся и переходящей постепенно в каменистый хребет, не было интересным. Среди кактусов и кустов агав с твердыми, как кожа, листьями, попадались лишь змеи. Это были по большей части «тайты», родичи питона, неподвижные, ленивые змеи около четырех метров длиной с черными кольцами на серой, лоснящейся коже. Изредка в зарослях слышалось глухое, ворчливое грохотание, и тогда проводник пугливо жался к европейцам и шептал:

— «Пимхай» — гремучая змея... Сейчас выйдет!

Но змеи не выходили из зарослей и таились в них, напуганные шумом и разговором нескольких людей.

До самого Отиимбигуе путники не встретили ни одного селения некогда многочисленных и воинственных готтентотов. Зато картина разрушения была полная. Местами приходилось ехать в тесных ущельях среди гор, вся поверхность которых была превращена в сплошные холмы земли, перемешанной с угольной пылью или отработанной рудой. Кое-где зияли входы в давно заброшенные шахты. В них росли уже кактусы, плели сети красные пауки «Гайи» и гнездились большие зеленые ящерицы и маленькие, юркие змейки.

Вся местность носила следы напряженной, хищнической деятельности человека, была опустошена и обезображена. И тут же рядом с разрушившимися и сожженными прежними сооружениями, как бы искупительная жертва,

виднелись длинные ряды холмов. Над некоторыми из них сохранились еще каменные и чугунные плиты или железные памятники. На уцелевших кое-где железных дощечках можно было прочесть имена погребенных под ними людей, умерших около ста лет тому назад. Здесь встречались, наряду с немецкими, французские, итальянские, испанские и английские имена.

Седельников думал, что эти люди приходили сюда, в страну бедных, темных туземцев, приносили с собой вырождение и смерть и, изрыв поверхность некогда цветущей страны, вынудив из нее все ее сокровища, умирали от сонной болезни, злой лихорадки, от укусов ядовитых насекомых и змей или от отравленных стрел и ножей доведенных до отчаяния дикарей.

Золото, как всегда, требовало жертв...

IX

ПОДВОДНЫЕ ПИРАТЫ

Убедившись, что страна пустынна и не посещается европейцами, что было очень важно для планов Седельникова, путники, еще раз перевалив через Дамарские горы, через Гибсон и землю Людерица без всяких приключений вышли к берегу Атлантического океана и в Ангра-Пекена нашли уже «Капитана Седельникова», исполнившего приказ своего командира и спустившегося к югу.

Пройдя до порта Ноллоса, пароход делал здесь последние приготовления, снаряжаясь для полярного путешествия.

После недельной стоянки в этом малопосещаемом порту «Капитан Седельников» снялся с якоря и поплыл к мысу Доброй Надежды, откуда, взяв полный груз угля, направился к островам Бувэ, стараясь избежать встречи с крейсирующим в этих широтах сторожевым английским крейсером «Леди Гамильтон».

Однако, эта хитрость не удалась Илье Максимовичу и, не доходя 51-й-параллели, он увидел на горизонте дымки четырех труб военного судна, а вслед за этим приемный аппарат беспроволочного телеграфа начал выстукивать слова сигналов.

Крейсер «Леди Гамильтон» спрашивал, кто капитан судна и каково его назначение? Узнав, что судно идет на Бувэ и о. Эндерби, английский командир задал вопрос, зачем в эти пустынные области океана направляется русский пароход.

Илья Максимович, помедлив, ответил, что судно принадлежит частному владельцу и совершает научную экспедицию, желая проникнуть по возможности дальше в Южный Ледовитый океан.

— По международным морским законам, — протелеграфировал Илья Максимович, — мне никто не может препятствовать совершать любой рейс, если только он не входит в

черту военных действий какой-либо державы, чего, однако, в данном случае не наблюдается. Поэтому командир русского судна «Капитан Седельников» спрашивает командира английского крейсера «Леди Гамильтон», по какому праву он позволил себе такой допрос?

Телеграф начал уже давать сигналы ответной депеши с английского судна, когда в будку, где у аппарата находился Илья Максимович, вбежал вестовой матрос и, вытягиваясь перед командиром, доложил:

— Командира срочно просит вахтенный начальник!

— Опасность? — бросил вопрос Седельников.

— Так точно! Свистели всю команду наверх, — ответил вестовой.

Не теряя времени на расспросы, Илья Максимович быстро поднялся на мостик. Здесь стоял на вахте опытный штурман, плававший много лет между Архангельском и русскими портами в Беринговом море. Человек он был уже пожилой, всегда спокойный и сдержанный, а потому Седельников очень удивился, заметив на лице своего помощника и в его торопливых и непривычных нервных движениях сильное волнение и смущение.

— Что с тобой, Григорий Петрович? — спросил его Седельников и чуть не крикнул от удивления, увидев, что люди торопливо снимали чехлы с четырех расположенных вдоль бортов скорострельных динамитных пушек и подвозили к ним на маленьких тачках снаряды. — Да ты в уме ли? Уж не с английским ли крейсером ты намерен вступить в открытый бой?

— Это меня меньше бы пугало, чем то, что я увидел еще вчера, но сам своим глазам не поверил! — ответил, наклоняясь к самому уху командира, старый штурман. — Я не знаю, что это такое, но это — нечто страшное...

— Да говори ты толком! — вспыхнул Седельников. — Мямлит что-то, а главного не договаривает...

— Вот бинокль, — сказал Григорий Петрович, — и смотри внимательно на юго-восток!..

Седельников сел в кресло, облокотился на перила мостика и медленно осматривал море.

Близился вечер, и над морем бродили уже обманчивые сумеречные тени. Легкое волнение покрыло крупной рябью океан, и на гребнях невысоких плоских волн иногда колыхались тающие льдины, занесенный сюда ветрами и течением с юга.

И вдруг Седельников вскочил и чуть не выпустил из рук бинокль, но тотчас же овладел собой и опять стал искать чего-то на юго-востоке, среди однообразных волн и кусков ломающегося льда.

То, что он вновь увидел, глубоко поразило его.

Какое-то черное животное, ростом, вероятно, не больше среднего кита, непостижимо быстро несло в сторону английского крейсера.

Огромную, высокую волну поднимало это животное за собой и по временам вскидывало целое облако водяных брызг и белой пены.

— Как сильно ударяет хвостом это животное! — воскликнул Седельников.

— Это... не животное!.. — шепнул штурман. — Это подводное судно... Я его видел близко: оно пронеслось почти борт о борт с нами!

— Воскресший «Наутилус» под флагом капитана Немо, что ли? — засмеялся Илья Максимович. — Да ты, старик, видно, рома перелил в чай сверх меры?

Григорий Петрович раздраженно пожал плечами.

— Не время шутить, капитан! — сказал он сухим, деловым голосом. — Я вас предупреждаю, что мы находимся в непосредственном соседстве с каким-то судном, намерения которого нам совсем неизвестны. Какие меры необходимо теперь принять, — это будет зависеть от ваших распоряжений.

— Хорошо, хорошо! — ответил Седельников. — Я еще послежу за этим... судном или китом, как мне кажется.

Илья Максимович говорил это еще насмешливым тоном, но тайная тревога и непонятный страх перед неизвестным обитателем морской пучины закрались и в его сердце.

— Неужели же, — думал Седельников, — такому необыкновенному случаю, как встреча с каким-то почти сверхъес-

тественным судном, суждено будет разрушить все мои мечты и надежды на спасение любимой женщины? Это было бы чудовищным!

И, все более волнуясь, он искал среди волн столб брызг и пены, но уже наступил вечер, и в темноте лишь маячили плывшие по течению Тралверта льдины, с тихим звоном рассыпавшиеся в мелкие иглы.

Посидев еще на мостике и подождав, пока мрак совсем не поглотил горизонт и море, причем на юго-востоке слабо виднелись огни и на мачтах английского крейсера, Седельников сошел вниз и уже направился в будку, чтобы сообщить по телеграфу на «Леди Гамильтон» о наблюдениях, сделанных его вахтой, как сверху раздался испуганный крик штурмана, звавшего командира.

В голосе Григория Петровича было столько страха, что Седельников, не раздумывая, опрометью вбежал на мостик.

Перед ним на расстоянии не более трех миль, как белое привидение, неподвижно стоял английский крейсер.

Два ослепительно ярких снопа белого света озарили его от верхушек мачт до ватерлинии. Казалось, что он застыл в лучах этого света, проникающего повсюду и пробирающегося даже сквозь стальную броню крейсера.

Но вскоре вдоль борта вспыхнули красные огни, и грохот орудий густой волной докатился до русского парохода.

Почти одновременно с этим огни погасли; они теперь вспыхивали с разных сторон крейсера, а когда окончательно погасли, заработал телеграф в будке «Капитана Седельникова», и с «Леди Гамильтон» был дан сигнал об опасности и помощи.

— «Крейсер погружается! Помогите!» — дробно выстукивал аппарат. Ужас овладел Ильей Максимовичем, он едва держался на ногах от внезапно охватившей его слабости, но скоро пришел в себя, схватился за рупор телефона и командовал:

— Самый быстрый ход!

Повернувшись к штурвальным, Седельников кивнул головой в сторону еще недавно ярко горевших огней и бросил лишь одно слово:

— Туда!..

— Есть! — откликнулись рулевые, и пароход быстро повернулся на юго-восток.

— Сигнализировать с марса фонарями, что идем на помощь! — крикнул командир стоявшему внизу вестовому.— Зажечь прожектора!

— Без огней мы скорее подойдем незамеченными, — сказал старший штурман, подходя к командиру, — а так, кто знает? не бросятся ли эти подводные суда на нас? Лучше идти без огней...

Седельников не хотел спорить, хотя и не соглашался с Григорием Петровичем, не надеясь, что подводные лодки, если только были действительно они, а не какие-нибудь неизвестные еще чудовища полярных вод, — могли попасть на такую хитрость.

Однако, не желая усиливать чувство страха в команде, Илья Максимович приказал потушить даже боковые огни и сигнал на фок-мачте.

Полным ходом, содрогаясь от могучей работы машины, шел «Капитан Седельников» на помощь английскому крейсеру. В глубокой ночной тьме ярко выделялся ряд освещенных иллюминаторов левого борта.

Уже можно было различить отражение огней крейсера в воде, когда вдруг яркая полоса света прорезала тьму, на мгновение скользнула вдоль корпуса английского судна, метнулась в сторону и неподвижно легла на русском пароходе, сразу осветив его.

— Нас увидали, — шепнул Григорий Петрович и добавил: — Не послать ли канониров к орудиям?

— Людей к правобортовым пушкам! — скомандовал Седельников. — Держать на прицеле!

— Есть! — тотчас же откликнулся боцман правого борта. — Люди к правобортовым пушкам!

Прожектор, светящий откуда-то из-под воды, внезапно угас, но море вокруг крейсера озарилось сиянием. Черным, бесформенным пятном казался корабль среди сияющей воды, но длилось это одно короткое мгновение, а вслед за этим оглушительный взрыв потряс воздух. Столбы огня, дыма и

пара вскинулись под облака, в воздухе засвистели осколки железа и ударились о борт русского парохода высокая тревожная волна. На освещенной поверхности моря чернели уродливые обломки крейсера, а среди них, рассекая волны и разрушая жалкие остатки судна, носились какие-то чудовища.

Высокие, могучие гребни, как тараны, вонзались в железо исковерканного остова и резали его, как ножами. Иногда у этих гребней вспыхивали и слепили глаза смотрящим на них прожекторы.

Два или три человеческих голоса услышал Седельников с моря. Это кричали утопающие английские моряки. Призывные, полные ужаса и тревоги голоса, однако, скоро умолкли.

Поверхность моря была чиста. Она еще светилась, и на ней виднелись два чудовища. Они стояли лицом к лицу с русским пароходом..

Гребни их выставлялись метра на два из воды, и яркие глаза бросали снопы ослепляющих лучей навстречу идущему судну.

Какая-то угрожающая осторожность и полное неожиданностей спокойствие были в этих подводных чудовищах.

— Застопорить машину! — крикнул командир.

— Переложить руль направо и выходить на прежний курс! — приказал он штурвальным.

— Есть! — ответили те и усердно завертели рулевым колесом, с радостью уходя от таинственных существ, так неожиданно вынырнувших из пучины этого пустынного, студеного моря.

Когда «Капитан Седельников» окончательно вышел на прежний курс и повернулся к неизвестным судам кормой, они, как волки, двинулись за ним.

Они шли в нескольких кабельтовах от него, и видно было, как разбивались волны и льдины об их могучие гребни.

У острова Эндерби Илья Максимович бросил якорь. Здесь был сложен на берегу запас угля, оставленного экспедицией португальского ученого Грацие-дель-Кальвадос.

Погрузивши уголь в трюмы, «Капитан Седельников» тронулся к югу и к вечеру пересек уже южный полярный круг.

Обойдя остров, пароход сразу вошел в зону почти сплошных плавучих льдов, но они были изломаны, искрошены, и пароход быстро двигался к югу, не встречая серьезных препятствий.

На третьи сутки плавания от о. Эндерби полоса льдов сразу исчезла.

Море было открыто, но нигде не было заметно следов недавних страшных спутников. Они или вернулись на север, или погрузились вглубь океана.

Профессор мало интересовался судьбой «подводных разбойников», как он их называл.

— Не пустили нас ко дну, как эту бедную «Леди», и на том спасибо, — говорил он, — а теперь я о них не тоскую...

С термометром в руках он уже почти два дня не отходил от борта и все время измерял температуру воды.

Наконец, к вечеру третьего дня плавания он вошел в кают-компанию, где сидели и пили чай Седельников с журналистом, и сказал:

— Нет сомнений! Это непонятное, теплое течение с юга, которое считается заворотом бразильского течения, доходящего сюда на глубине моря, теперь легко объяснимо. Это — самостоятельный поток теплой воды, идущий с юга, от южного полюса...

— Что? — привскочил Седельников. — Теплое течение из области самых жестоких холодов, из страны вечной стужи и смерти!

— Да! — кивнул головой профессор. — Это странно и непонятно пока, но это, без сомнения, так! Чем ближе к полюсу, тем теплее становится вода этого потока.

— У меня нет готовых теорий происхождения полярного теплового течения, — продолжал профессор. — Но представьте себе такой случай, что Террор и Эребус вдруг бы прорвались, и лава из их кратеров непрерывным потоком лилась бы в море. Разве не стали бы таять льды и не создалось бы постоянное теплое течение с юга на север?

— Однако, — заметил Седельников, — как-никак, но должны были быть наблюдаемы какие-либо новые явления, а их-то и нет?

— Это не совсем так! — возразил профессор. — И я напомню вам о том же течении, происхождение которого так и осталось туманным, а затем о сияниях над горизонтом Антарктиды. Ведь они не совпадают с периодами полярных сияний и резко от них отличаются своим спектром? Но я не хочу утверждать, что на полярном материке совершается что-нибудь сверхъестественное, — мне только кажется, что напрасно так скоро сочли эту страну изученной и неинтересной...

На этом разговор прервался, так как прибежал вестовой и доложил, что на юге виднеется полоса земли.

Приближались к острову Гарвея...

Х

НА ОСТРОВЕ ГАРВЕЯ

Нельзя описать волнение Ильи Максимовича. Хотя до едва заметной на горизонте земли было не менее четырех часов плавания, Седельников сменил вахтенного начальника и сам принял команду над своим пароходом.

Он приказал дать полный ход, расцветить сигнальными флагами все реи и салютовать острову из всех пушек.

Сквозь клубы белого дыма от выстрелов, стелющегося по спокойной поверхности океана, командир все отчетливее видел приближающуюся с каждым ударом винтов землю.

Ему казалось, что он видит уже высокий столб на берегу с надписью об острове ссылки и ждал, что так же, как было тогда, когда он покидал остров, кто-то подаст ему сигнал с берега.

Но земля приближалась, столб с черной доской был уже ясно виден в бинокль, но берег оставался пустынным.

Ни людей, ни поднимающихся к небу дымков жилищ не было заметно.

— Погибли... все погибли... — застонал моряк и долго с отчаянием смотрел на безжизненный берег.

Успокоившись немного, он послал матроса за профессором.

— Там все умерли... — шепнул он, указав рукой на землю.

Залесов молчал, а потом пожал плечами и сказал:

— Трудно было предположить иное... хотя, кто знает: быть может, они ушли вглубь острова, стараясь защищаться от резкого морского ветра... Не отчаивайся, однако, прежде времени! Сначала исследуем остров..

В голосе старого друга Седельников не услышал обычной уверенности и бодрости; видно было, что он сам мало верил в возможность спасения изгнанниц.

Пароход, между тем, быстро приближался к берегу.

Командир приказал еще раз салютовать, но и на этот раз на выстрелы никто не появился на берегу.

Был уже вечер, когда пароход отдал якорь у о. Гарвея, встав против знака, поставленного командиром английско-го крейсера. Седельников хотел тотчас же съехать на берег, но профессор задержал его.

— Тогда дайте мне что-нибудь снотворное, иначе я ночью брошусь в море... — утрюмым голосом сказал Седельников.

— Мы проведем время до восхода солнца вместе! — сказал ученый. — Посмотрим, что здесь делается в ночное время и послушаем. Иногда это бывает очень поучительным.

И, действительно, когда вся команда убралась на покой и на мостике остался лишь дежурный вахтенный, две черные, закутанные в шубы фигуры мерно шагали на баке. Это были командир и старый химик.

Оба молчали, и только изредка вспыхивали огоньки их папирос. На небе горели бледные звезды и тихо мерцали. Трещал на крепнущем к ночи морозе плывший лед и звонко ударялся о цепь якоря и железную обшивку парохода.

Была полночь, когда к шагающим по палубе друзьям подошел Жуков.

Он тоже был взволнован ожиданием, тревожился за судьбу изгнанниц и жалел Седельникова, горю которого он ничем не мог помочь.

Всю ночь, полную таинственных шорохов и голосов, ходили они по палубе, и плыли мысли нерадостные, тяжелые, как волны, лижущие борта парохода.

Когда же блеснули первые лучи бледного солнца, катер уже был готов, и его грузили лыжами, палатками, легкими санями, одеждой, припасами и оружием. На другом катере доставили аэросани и запас бензина.

Сдав команду над пароходом Григорию Петровичу, Седельников приказал на случай, если первая экспедиция не вернется через две недели, послать 10 человек команды на поиски.

Был восьмой час, когда пять человек, свезенных с «Капитана Седельникова» на берег, остались у столба с англ-

лийской надписью.

Здесь были терзаемый нетерпением и тревогой Илья Максимович, спокойный и задумчивый профессор и всегда жизнерадостный, жаждущий приключений Жуков. Двое матросов, Иван Русинов и поморский рыбак Илья Нерпин, возились около саней, закладывая на них багаж и крепко-накрепко привязывая его.

Когда все было готово, Седельников подошел к аэросаням и пригласил всех занять места. Профессор и журналист сели сзади за Ильей Максимовичем, поместившимся у руля, а матросы взобрались наверх клади, сложенной на грузовых санях, прикрепленных к аэросаням прочной цепью.

Ровная снежная поверхность позволяла двигаться с значительной скоростью, и аэросани, гудя, быстро шли вперед, взметая за собой клубы снега и мелких ледяных игл.

После получасового перехода Седельников внезапно остановил машину и спрыгнул на твердый снег.

— Я больше не могу! — крикнул он. — Мы прошли около 10 верст, и я нигде не заметил даже следов пребывания человека, ни складов, ни построек — нет ничего!

— Следы успели, верно, раз десять скрыться под снегом и льдом, мой друг, и в этом я не вижу ничего удивительного, — заметил Залесов. — Гораздо важнее второе обстоятельство... Возможно, однако, допустить, что несчастные ушли далеко от берега и увезли с собой все то, что столь предупредительно выгрузила для них международная эскадра. Вперед! Вперед! Еще есть надежда!

И снова над снежной пустыней за клубилась ледяная пыль, вздымаемая скользящими вглубь острова аэросанями. Равнина поднималась в гору, и двигатель работал медленнее и громче.

Близился перевал, и по мере того, как все яснее становились пологие горы, видневшиеся на юго-западе, росли волнение и беспокойство Ильи Максимовича. Он тщетно искал глазами каких-либо признаков пребывания здесь людей и ждал окрика призывного или радостного. Девственно-белая, сверкающая в лучах раннего солнца равнина была молчалива и, казалось, ничья нога не топтала этого сне-

га и ничей голос не нарушал тишины, родившейся тогда, когда из мрака хаоса выплывали, как неясные призраки, как туманности, целые миры.

Пальцы моряка впивались в кожу обшивки рулевого колеса, а взор бежал туда, к приближающимся горам, за которыми, быть может, нашли себе приют изгнанницы, а среди них она, любимая им девушка.

Подъем сделался круче. Пассажиры аэросаней и матросы, надев лыжи, отправились дальше пешком, а Илья Максимович начал быстрее подниматься в гору.

Около полудня путники собрались на вершине перевала. Невысокий уступ закрывал теперь от них горизонт.

Седельников, оставив машину, бегом направился к голым серым камням, скользя по их обледенелым склонам.

Взобравшись на уступ, Седельников увидел внизу у подножия круто спускающихся к югу гор долину, со всех сторон окруженную горами.

На дне этой долины стоял город.

Длинные ряды больших и малых домов тянулись на пространстве двух или трех квадратных верст и были построены по радиусам большого круга с площадью в центре его.

Некоторые из домов напоминали те казармы, которые строятся на промыслах крайнего севера, где-нибудь на Камчатке или в Рок-Крипале на Аляске. Большинство же представляло собой отдельные домики, из которых часть наполовину ушла в землю.

Седельников долго смотрел на этот странный город, раскинувшийся на дне большой котловины, некогда, вероятно, представлявшей кратер вулкана, и ждал, трепетно ждал появления людей или дыма над крышами.

Он достал бинокль и приложил его к глазам.

И вдруг видевшие его снизу Залесов и Жуков заметили, как Седельников осел, словно под непосильной тяжестью, весь опустился и бесформенным, мягким комом покатился с уступа.

Когда к нему добежали, Илья Максимович лежал на снегу бледный и неподвижный, а из глубокой раны на лбу текла тонкая струнка крови.

Долго возились около Седельникова друзья его и матросы, пока не привели его в чувство!

— Там!.. там!.. они сгорели!.. — слабым голосом сказал, очнувшись, Седельников и снова закрыл глаза.

Залесов принял эти слова за бред и начал осматривать больного, пока матросы разбивали тройную палатку с печью, приспособленной для полярных экспедиций.

Журналист же, всегда любопытный и ищущий впечатлений и опасностей, направился на разведку, желая проверить вырвавшееся у моряка восклицание.

Профессор осматривал и ощупывал Илью Максимовича и вскоре убедился, что он не получил никаких серьезных повреждений и обмер, ударившись головой о камень или лед.

Когда больного принесли в палатку, раздели и уложили в постель, профессор строго-настрого воспретил Седельникову двигаться и разговаривать и дал ему сильное снотворное средство, погрузившее моряка в глубокое забытие и полное оцепенение.

Заметив это, профессор бесшумно вышел из палатки и, застегнув все полы ее, приказал матросам приготовить вторую палатку для остальных, так как слабость командира заставит их пробыть здесь, вероятно, не менее двух дней.

Пользуясь одиночеством, ученый устроился в каюте азросаней и начал приводить в порядок свои мысли и наблюдения, заноса самое важное в толстую записную книгу, с которой никогда не разлучался.

Между тем, в то же время молодой журналист уже достиг вершины уступа, венчающего перевал, и увидел город, правильными секторами раскинувшийся на дне кратероидной котловины.

Не вдаваясь в подробные наблюдения, Жуков стал быстро спускаться с довольно крутых северных склонов перевала, пока не достиг равнины, по которой он быстро подвигался на легких, подшитых тюленьей кожей лыжах.

Мороз был не сильный, градусов около 40 по Цельсию, ветер сюда не доходил, и Жуков развил большую скорость. Пригнувшись как можно ниже к земле, он весь предался

бегу и только чувствовал, как сильно ударяет ему в лицо воздух и обжигает кожу своим студеным дыханием. И только тогда, когда перед ним черными грудями замелькали первые постройки, Жуков умерил свой бег.

Он не сразу пришел в себя от быстрого движения и, передохнув, с любопытством начал оглядываться.

Кругом стояли черные, закоптелые, полуразрушенные дома и глядели пустыми глазами на белый снег и на этого одинокого человека, бесстрашно проникшего сюда.

Дома были сожжены.

Седельников не бредил.

Какой-то стихийный пожар свирепствовал в этом деревянном и картонном городе и сделал свое злое дело.

— Что случилось? — скорее с любопытством, чем с жалостью спрашивал себя Жуков. — Как могли эти женщины, полные энергии и отваги, допустить уничтожение их города? Здесь были, вероятно, какие-то внешние и могущественные причины...

Ломая голову над этими вопросами, журналист решил войти в один из домов, лучше других сохранившийся. Это было длинное одноэтажное здание с целым рядом маленьких узких окон, обшитое сверх деревянного сруба войлоком и толстым картоном. В доме выгорела лишь правая сторона, левая же случайно уцелела.

Жуков вошел в обширную переднюю, где сразу же наткнулся на лежащее тело молодой женщины. Окаменевшее лицо с открытыми неподвижными глазами сохранило выражение последнего ужаса, и он передался журналисту.

«А вдруг это любимая Седельниковым девушка? — закопошилась где-то глубоко в душе тревожная и мучительная мысль. — Какое несчастье!..»

Он тронул лежавшую за руку. Рука была твердая, как камень. Полярный мороз превратил в лед, в скалу молодое, полное жизни тело.

Войдя в первую комнату, Жуков увидел четыре кровати, на которых покоились вечным сном пожилые женщины.

Одна только, лежащая у входа в дом, видно, проснулась и хотела спастись, но смерть настигла ее, ужасом исказила

лицо и сделала последний час ее более тяжелым, чем кончина старших обитательниц дома, захваченных смертью во время сна.

Страх погнал Жукова из этого дома мертвецов, и журналист почувствовал облегчение лишь тогда, когда он очутился на улице. Дома, сторевшие и наполовину рухнувшие, обступили его со всех сторон и загадочно смотрели на него пустыми окнами, словно черепа — глубокими, безглазыми впадинами.

Чувство страха властно захватило Жукова, не раз заглядывавшего в глаза смерти и игравшего с ней. Он ясно ощущал, что таящаяся где-то близко опасность хочет броситься на него и наслаждается его страхом.

Он хотел бежать отсюда без оглядки, закрыв глаза и заткнув уши, чтобы не слышать кого-то, кто неминуемо ринется за ним в погоню.

Если бы вдруг из-за угла появилось легендарное чудовище, плод самого дерзкого воображения, Жуков встретил бы его криком радости. Ему, живому, было страшно в этом море безмолвия, в городе умерших, среди развалин, где витали бледные призраки погибших изгнанниц.

Но журналист овладел собой и решил осмотреть как можно больше, чтобы потом составить план действий и обо всем рассказать старому химику.

Жуков побежал вдоль широкой улицы, все время ускоряя бег и на ходу внимательно оглядываясь по сторонам. По мере того, как он пробегал по улицам мертвого города, у него не оставалось сомнения, что он весь подвергся разрушительной силе быстро промчавшегося пламени.

На улицах он не видел ни одного трупа, и только в одном месте, опершись о стену дома, стояла, как изваяние, старуха с развевающимися по ветру длинными седыми волосами. Очевидно, катастрофа разразилась ночью, во время сна, и население погибло в домах.

Когда улица кончилась, перед Жуковым раскинулась равнина, на которой глубоким снегом были занесены все следы, если только они были оставлены населением погибшего города.

Имея слева от себя первые постройки, стоящие на окраине города, журналист решил обежать весь город, чтобы определить, был ли он весь охвачен пожаром или же огонь пощадил хоть часть его.

Он пробежал около двух верст и в стороне от построек заметил на склоне холма ряд правильных возвышений, расположенных уступами вдоль холма.

Любопытство заставило журналиста направиться к этим странным холмикам, наводящим его на грустные предположения.

Холмики были покрыты смерзшимся снегом и узнать, что находилось под ним, было невозможным.

Жуков хотел уже отправиться назад, как вдруг заметил между двумя возвышенностями сверкнувшую на солнце желтую доску.

Он подошел и вздрогнул.

На чисто выструганной доске была сделана надпись:

«Здесь погребены жертвы ноябрьской катастрофы, числом 3000».

У Жукова не оставалось сомнений, что какие-то стихийные катастрофы навещали этот проклятый, заброшенный культурным человечеством в страну смерти и ужаса город и что пожар, опустошивший его, довершил круг бедствий, уничтоживший изгнанниц.

— О, проклятые лицемеры! — крикнул Жуков и угрозил кому-то ненавистному кулаком. — Убийцы! Изверги!..

И с этими словами он пустился назад к городу.

Он долго блуждал по мертвым улицам, заглядывая в более обширные дома, но в них, кроме трупов молодых и старых женщин, он ничего не находил.

Не было сомнений, что несчастное население города вымерло.

Жуков, не оглядываясь и чувствуя за собой погоню безумного, жестокого ужаса, побежал к лагерю своих товарищей.

Через два часа, когда солнце брызнуло кровью на снега и льды и гигантским шаром медленно утонуло в море, журналист при помощи брошенной ему веревки взобрался на

склоны старого кратера.

— Какой ужас, какой ужас! — повторял он, указывая Залесову на юг, где остался безмолвный, таящий неведомую смерть, сгоревший город.

— Не время ужасаться! — почти грубо воскликнул старый химик. — Не предаваться своим ощущениям нужно теперь, а действовать быстро и решительно...

— Что здесь случилось? — спросил журналист, хватая за руку профессора. — Как чувствует себя Седельников?

— Он, к счастью, еще спит! — сказал Залесов. — А нам надо сейчас же посоветоваться, что делать. Во время вашего отсутствия произошло важное событие. Один из матросов, обходя на лыжах местность, нашел в углублении почвы записку.

— Записку? — крикнул Жуков.

Залесов протянул ему маленький клочок бумаги с несколькими беспорядочно набросанными словами:

— «Я не знаю... Найдете ли вы нас... Мы гибнем тысячами... Они снова идут к нам... Они...»

Так писал автор заметки по-русски.

— Это она написала? — заметил шепотом Жуков.

Профессор пожал плечами и молча кивнул головой.

Журналист начал рассказывать подробно о том, что видел он в городе мертвых. Во время его разговора полы палатки откинулись, и в них показался Илья Максимович.

Он был бледен и в белой повязке на голове казался выходящим из гроба.

Он слышал рассказ Жукова, и тому ничего другого не оставалось, как докончить описание сгоревшего города и обширного кладбища за ним.

— Не видели ли вы следов каких-нибудь существ? — спросил профессор и схватился за голову.

— Нет! Я схожу с ума! — воскликнул он. — Какие могут быть здесь существа, когда даже полярные птицы и рыбы появляются здесь лишь в короткие летние месяцы. Нет! Это бред....

Волнение профессора передалось Седельникову.

Глаза его вспыхнули тревожным огнем, и задрожали

побледневшие губы.

— Ты зачем об этом спросил? Почему так волнуешься?? — бросал он вопросы. — Говори все! Я перенесу самую тяжелую весть, но я должен все знать... Все...

Профессор переглянулся с Жуковым и, найдя в его глазах ответ, вынул записку и отдал ее моряку.

Седельников долго всматривался в этот клочок с кривыми, беспорядочными строками, нахмурил брови и усиленно соображал что-то.

— Эту записку писали мне... — шепнул он. — Но кто эти «они»? Не бред ли это? Не призраки ли, являющиеся больному воображению? Почему так далеко от города была брошена записка?

Но на эти вопросы никто не мог дать ответа.

Уже совсем стемнело, когда они молча вернулись в палатку обогреться и отдохнуть перед завтрашним днем, так как было решено спуститься в долину, обследовать город и найти причину пожара и гибели города.

Когда после ужина в палатке погасили свет, вдруг затихший Седельников пронзительно крикнул:

— Скорее, скорее огня! — кричал он.

И когда вспыхнул фонарь, Залесов и Жуков увидели его встревоженное, перекошенное лицо.

— Помните? Помните? — спрашивал он, в волнении разводя руками и хватаясь за горло. — Дневник Тоультона Гренгмута? Дневник Гренгмута... Он тоже видел кого-то... он их звал... и погиб необъяснимой, загадочной смертью... Это ужасно!..

Все молчали, пораженные упоминанием об этом событии, давно уже позабытом.

XI

ПОЛЯРНОЕ СУЩЕСТВО

На другой день с утра трое друзей двинулись в путь.

Лагерь остался на прежнем месте, а матросам было приказано далеко не отлучаться и в случае какой-нибудь опасности давать сигналы выстрелами.

Через город прошли быстро, нигде не останавливаясь, на чем особенно настаивал профессор Залесов, боявшийся за Илью Максимовича, волнение которого росло с каждым часом.

Мучимый тревожными мыслями, навеванными короткой запиской с полными страха и растерянности словами, Седельников не находил минуты покоя. Его гнало все дальше и скорее, и он не знал: надежда или отчаяние принуждают его бежать к какому-то неведомому концу. Трое людей, завернутых в меха, как привидения или звери, чующие за собой погоню, безмолвно мчались по мертвому городу, оставляя за собой лишь узкий след лыж.

Профессор, однако, поспевая за своими молодыми спутниками, упорно думал о том, где начать свои поиски оставшихся в живых женщин.

— Город для нас бесполезен! — соображал Залесов. — Не в нем жили те, о которых так непонятно упоминалось в записке... «Они» пришли потом... после того, как на кладбище за городом выросли три тысячи могильных холмов... Но кто «они»?.. Люди? Звери? Призраки страшной полярной ночи?

Ответа не было. Это раздражало ученого. Его ум, привыкший к созданию гипотез и научному их разрушению, не мог найти ни одного признака, на котором можно было бы основать какое-либо предположение...

Когда город окончился, а впереди виднелось лишь кладбище, профессор крикнул бегущим перед ним товарищам, что надо остановиться и посоветоваться о дальнейших действиях.

— Нам надо разделиться! — сказал химик. — Каждый из нас должен исследовать часть равнины, идущей от города до противоположных склонов кратера. Я возьму на себя лежащий прямо передо мной участок с кладбищем. А вы исследуйте восточную и западную части. Сборный пункт — вот у того пика!

С этими словами Залесов указал палкой на остроконечный зубец, высящийся над лежащими к югу горами, окаймляющими ледяным кольцом долину с мертвым городом.

С той же поспешностью все трое принялись за рекогносцировку. Вскоре все они маленькими черными точками виднелись на снежном покрове.

Профессор Залесов, добежав до первых могил, остановился. В нем боролись два чувства: уважение к мертвым и страстное желание разрыть могилу и исследовать причину смерти, вызванной первой катастрофой, случившейся в городе изгнанниц. Он уже вытаскивал из-за пояса топор, но одумался и, затыкая его обратно, проворчал:

— Предположим, что я узнаю причину смерти, но кто... «они»? Их-то и надо отыскать!..

Ворча и по привычке рассуждая вслух, старый химик медленно взбирался вверх по пологому холму, откуда, вероятно, открывался вид на значительную часть равнины. Подъем был труден, и старик устал.

Взобравшись наверх, Залесов убедился, что спуск не будет крутым и решил отдохнуть немного.

Он опустился на снег и начал в бинокль осматривать равнину, без всяких неровностей идущую вплоть до каменной гряды на юге. Безмолвие и неподвижность властно царили здесь, и глаза быстро уставали от раскинувшейся унылой и однообразной белизны снега.

Однако, когда Залесов собрался начать спуск, ему показалось, что он слышит какое-то гудение, быстро усиливающееся и приближающееся в его сторону.

В молодости Залесов в качестве врача бывал на войне, и это характерное гудение напомнило ему приближение летящего снаряда крупного орудия.

Профессор откинул меховой капюшон и слушал.

Это не был обман чувств. Густое, усиливающееся с каждым мгновением гудение приближалось. Не прошло и двух секунд, как что-то невидимое, дико ухнув и загрохотав, промчалось вблизи, обдав ученого ледяной пылью и пахнув на него ветром. Залесов стоял, как ошеломленный.

Не было сомнения, что пролетел откуда-то пущенный снаряд. Залесов нагнулся, чтобы поднять выпавшую из рук палку, и только тогда все понял.

Гудевший предмет не летел по воздуху, а скользил по снегу и его узкий, длинный и прямой, словно проведенный по линейке, след шел по равнине, насколько хватал взгляд.

Профессор решил поделиться своими наблюдениями с товарищами и быстро направился в сторону находящегося ближе от него Седельникова.

На бегу он делал знаки и палкой и руками и, наконец, обратил на себя внимание моряка. Тот остановился, посмотрел в сторону профессора и начал быстро к нему приближаться. Встретившись, они подождали, пока из-за уходящих к югу отрогов холмистой гряды не показался Жуков, а потом начали кричать и махать руками и палками, привязав к ним шарфы.

Журналист в ответ поднял обе руки и по своей привычке, низко пригнувшись к земле, побежал к ним.

Но на полпути он замедлил бег и, описав большой круг, остановился и начал внимательно рассматривать снег.

— К нему! К нему! — крикнул старый ученый и побежал к журналисту, сильно отталкиваясь палками от твердого, как лед, крепко смерзшегося снега.

Когда профессор с Ильей Максимовичем добежали до Жукова, тот даже не взглянул на них, весь погруженный в рассматривание загадочного следа, тянувшегося через всю долину.

— Видите? — шепнул он, указав пальцем на снег.

— Я видел уже... — сказал Залесов и рассказал о случае с промчавшимся недалеко от него снарядом.

— Надо идти по следу! — крикнул Седельников. — Ведь приведет же он нас куда-нибудь!

Не расходясь и держа в карманах своих меховых курток заряженные дальнобойные магазинные револьверы, трое путешественников направились к югу, все время придерживаясь следа, ровно, как стрела, протянувшегося с юга на север.

Казалось, что какой-то гигант сделал ножом глубокий разрез по мягкой поверхности долины.

Не разговаривая друг с другом, занятые своими мыслями, бежали путешественники, горя единственным желанием увидеть конец таинственного следа.

Когда они были у подножия гор, то заметили, что след идет зигзагами, обходя неровности грунта и сползшие с гор льдины и снеговые лавины.

— Так мог идти... человек! — сказал Жуков и вдруг замахал руками и начал кричать, стараясь одновременно уменьшить быстроту своего хода.

Наконец, он остановился и сказал, указывая на кучу больших льдин:

— Там!.. Там, я видел, как что-то двигалось...

С револьверами в руках они тихо обогнули нагроможденный обвалом лед и остановились, как вкопанные.

То, что они увидели, показалось им сном, бредом. Они протирали глаза и в недоумении оглядывались, с каким-то суеверным страхом смотря перед собой.

Между льдинами лежало живое существо.

Оно походило на человека и было защищено от холода толстой, напоминающей сукно тканью.

Путешественникам казалось, что они видят перед собой уродливого старого карлика из сказок. Огромная голова, покрытая редкими седыми волосами, голова без глаз, со лбом, нависшим над крошечным сморщенным лицом, с трудом держалась на тонкой прозрачной шее. Такие же тонкие руки были прозрачны, и сквозь них виднелись просвечивающиеся кости. Казалось, что какое-то студенистое полурастение, полуживотное, по странному капризу природы, случайно приняло внешнюю форму человека.

Однако, это было высшее существо, подобное, а, может быть, и совершеннее человека.

На одной ноге, крепко привязанная к обуви, блестела металлическая коробка с целым рядом вертящихся колес, у другой же были лишь обрывки ремней. Из коробки еще выходил пар и слышались тихие взрывы.

Все поняли, что один из двигателей вырвался из-под ноги этого необыкновенного существа и умчался куда-то в пространство, оставив на снегу тот след, который завел сюда путешественников.

Безглазое существо было живо. Оно медленно дышало, по временам широко, как умирающая рыба, раскрывая беззубый рот, и старалось подняться.

Путешественники, ничего не понимая, смотрели на этого уродца и вдруг почувствовали, что эта отвратительная, безглазая голова пристально на них смотрит. Они ощущали на себе его тяжелый колючий взгляд, но ничего, кроме темных пятен под нависшим лбом, не нашли на этом безобразном лице. И вдруг урод шевельнул рукой и приложил ее ко лбу, повернув голову в сторону гор. Потом он махнул на юг рукой и снова сделал попытку встать.

Профессор приблизился к нему и помог ему подняться, но лишь только он оставил этого маленького уродца, не выше аршина ростом, тот беспомощно опустился на снег, причем на его сморщенном лице появилось выражение боли.

— Понесем его туда, — предложил Жуков тихим голосом и кивнул головой в сторону гор.

— Сейчас! — ответил Залесов. — Я только запишу все, что мы увидели, в мою книгу. Если мы пропадем, как те несчастные, пусть другие люди разгадают когда-нибудь тайну этого существа.

Когда профессор окончил свои заметки, журналист и Седельников бережно подняли карлика и, уложив его на одно из захваченных одеял, понесли.

Карлик молчал, но, когда путешественники останавливались, он нетерпеливо разводил руками и показывал на юго-восток, где гряда гор прерывалось узким и извилистым ущельем...

— Он нас ведет! — шепнул Седельников. — Он зрячий!..

Что-то властное было в движениях карлика, и утомленные большим и быстрым переходом путешественники снова шли вперед в сторону ущелья.

Углубившись в него, путешественники увидели круглую невысокую башню; при виде ее лицо карлика оживилось, и он быстро замахал руками и задвигал ртом, словно хотел сказать что-то очень важное. Башня была похожа на маяк. На южной стороне ее была дверь, открыть которую мог только карлик, знавший секрет замка.

Внутри была подъемная машина с ярко освещенной кабиной.

Толстые стекла, покрытые чуждым взору европейца и замысловатым рисунком из ломаных линий, составляли стены кабины.

Ламп не было, но светились все предметы, излучая яркий и приятный свет. Мягкая мебель, странная по форме, приспособленная скорее для лежачего положения, чем для сидения, была покрыта тонкой шелковистой материей голубоватого цвета; такой же ковер, мягкий и толстый, покрывал весь пол.

Карлика положили на диван, а он движением руки тотчас же пригласил всех войти, три раза поманив их рукой и изобразив на своем уродливом лице улыбку.

Залесов колебался войти и смотрел с тревогой на Седельникова.

Жуков не сводил беспокойных глаз с капитана, а когда тот решительным шагом вошел в кабину, счастливая улыбка озарила его лицо, и он вскочил вслед за ним, оглянувшись на Залесова. Старый ученый, записав что-то в книгу, оставил ее на снегу и спокойно уже вошел следом за товарищами.

Когда за ним захлопнулась дверь, кабина вздрогнула и, постепенно ускоряя движение, скользнула вглубь земли.

Профессор и Седельников молчали, а Жуков, подойдя к карлику, пытался заговорить с ним, но уродец только слабо качал головой и беззвучно шевелил ртом.

ХП

В ПОДЗЕМНОЙ СТРАНЕ

Когда кабина остановилась, карлик, все более и более теряющий силы, головой указал на блестящую рукоятку, находящуюся над его диваном.

Стоявший ближе других Седельников повернул рукоятку, и тотчас же послышалось скрежетание железа и чьи-то тяжелые шаги по металлическому помосту. Дверь кабины быстро распахнулась и из темноты сверкнули зелеными огнями два больших, неподвижных глаза.

Путешественники в ужасе отшатнулись и схватились за револьверы, но карлик протянул вперед руку и очертил ей в воздухе широкий круг.

Глаза сразу потускнели, и чудовище, грузно ступая, вошло в кабину.

Седельников и Залесов стояли, не двигаясь, и только Жуков, ранее товарищей овладев собой, с любопытством разглядывал чудовище..

«Кого оно мне напоминает?» — думал журналист и старался восстановить в памяти какой-то давно забытый образ. И вдруг вспомнил.

Это было давно. Тогда он сопровождал богатого сумасброда в кругосветном путешествии в качестве человека, знающего несколько иностранных языков.

Они блуждали по одному из островов Малайского архипелага, и там он видел это. На отмели лежал утонувший малаец, ловец жемчуга, а над его бронзовым телом поднялся на толстых, как стволы дерева, щупальцах гигантский спрут. Он обхватил уже человека и медленно тащил его на глубину. Появление людей привело его в бешенство. Спрут замер в напряжении своих чудовищных мышц, а наверху, над небольшим мясистым телом, злым фосфорическим огнем загорелись глаза.

Таково было и явившееся на зов карлика чудовище.

Казалось, что его тело и особенно конечности сплетены из крепчайших канатов; мускулы двигались, напрягаясь и выпячиваясь под гладкой кожей.

Грудь необъятной ширины и желудок лежали на четырех могучих основах, оканчивающихся длинными и очень подвижными пальцами.

На этой груди мускулов могучего животного едва заметно выделялась голова. Плоская, с срезанным, круто падающим назад лбом и прямым затылком, переходящим в сильную шею, она была не более кулака взрослого человека, и если бы не вспыхивающие иногда глаза, ее можно было бы не заметить.

Чудовище, тяжело ступая, подошло и, поднявшись на задние ноги, передними взяло карлика и, повернувшись, вынесло его из кабины.

И снова в темноте сверкнули зеленые глаза, и новое чудовище, еще более грузное и страшное, бережно подняло профессора и понесло куда-то в мрак.

Два других подхватили Седельникова и Жукова и, мерно раскачиваясь, направились с ними вслед за ушедшими.

Первое время всем было жутко. Чувствовалось, что достаточно небольшого усилия этих могучих рук, и под их напором погнутся и затрещат кости людей.

Но чудовища шли осторожно и бережно несли свою ношу.

Немного освоившись с своим положением, Жуков, нагнувшись к маленькому уху чудовища, начал произносить разные слова.

Животное глухо бормотало, но и в этих рокочущих и хриплых звуках можно было уловить правильное чередование различных слогов.

— А ведь с этими милыми зверьками я, кажется, разговарюсь! — весело крикнул Жуков и добродушно похлопал чудовище по плечу.

Длинный и темный тоннель заканчивался крепкой дверью. За ней перед глазами путешественников открылась обширная равнина. Конца ее не было видно, она уходила далеко, сливаясь с горизонтом, и только кое-где тянулись

кверху тонкие колонны и терялись в вышине под сводом, дом, невидимым в волнах струящегося отовсюду фиолетового света.

Недалеко с шумом и плеском бежала река; когда же путники подошли к ее берегу, — на них пахло жаром. Вода была горяча и местами даже кипела.

— Вот вам и объяснение течения с юга на север! — воскликнул изумленный профессор.

Несколько дальше река извивалась в широкую трубу и уходила под землю. По обоим берегам реки раскинулись леса.

Профессор хотел подойти ближе и познакомиться с растущими здесь, под южным полярным морем, природами, но в это время бесшумно подкатился длинный, блестящий цилиндр с окнами из толстого граненого стекла.

Чудовища открыли дверь и внесли туда карлика. За ним, повинаясь его жестам, вошли и поместились на удобных сиденьях Залесов, Илья Максимович и окончательно повеселевший журналист.

— Здесь даже существуют таксомоторы! — пошутил он.

Экипаж быстро тронулся в путь. В окнах мелькали леса, озаренные приятным для глаз фиолетовым светом, с глубокими тенями, залегшими под раскидистыми верхушками деревьев и между толстыми их стволами.

— Мне кажется, что это сигиллярии с их метелками на вершинах и напоминающие наши обыкновенные плауны — древние каламиты. Если это так, то я опасаюсь, что в этих лесах сохранились еще гиганты из мира животных.

Быстрый ход экипажа не позволял подробно рассмотреть местность.

Когда движение прекратилось, карлик, с трудом передвигаясь, подошел к каждому из путешественников и подал им маленькие пластинки с проведенными от них проводочками к такой же пластинке, укрепленной на лбу карлика. И тотчас же все они услышали тихий, приятный голос безобразного уродца, нет, не услышали, а почувствовали звуки его голоса...

Он говорил:

— Вы спасли мне жизнь! Я бы замерз на земле, так как из-под ноги у меня вырвался мотор и я сильно ушибся! Теперь вы — мои гости, и я буду рад, если вам здесь понравится.

Не успели друзья прийти в себя от изумления, как дверь экипажа открылась, и они увидели, что стоят у подножия великолепной лестницы.

Широкие ступени ее были сложены из толстых плит лунного камня и окаймлены по сторонам легкой решеткой из аквамаринов с тонкой гранью колонок.

Карлик шел впереди, поддерживаемый профессором, с любопытством озирающимся по сторонам.

На верхней террасе их встретили такие же чудовища, какие раньше на берегу кипящей реки несли их на руках.

Они упали ниц перед уродцем, а он остановился над ними, и тотчас же у него задрожали тщедушные руки и жадно начали шевелиться губы.

В огромном зале, куда ввел своих гостей карлик, был тот же фиолетовый свет, но, проходя через стены, построенные из плит разных минералов, он изменял оттенки и делал еще более фантастическим и прекрасным этот дворец.

Невиданные никогда растения, похожие на латании и кентии, но с красными листьями и гроздьями золотистых цветов, распространяющих одуряющий запах, образовали в углах живописные группы; колонны из хризобериллов, желтых топазов и аметистов, с капителями из золотых змей и ящеров, бьющихся из-за гигантских жемчужин, поддерживали легкий, из горного хрусталя свод, небольшими гранеными полуциркулями уходящий в высь, где он и терялся. Карнизы зала были сложены из пластин слюды и скованы кольцами бирюзы.

Повсюду стояли причудливые диваны и кресла и пестрели мягкие подушки, набросанные на толстые, пушистые ковры.

При помощи своих пластинок карлик просил гостей распорядиться всем домом и, сказав, что вскоре вернется, удалился.

Друзья начали совещаться. Было решено всеми доступными способами узнать, не находятся ли здесь плененные женщины, изучить, насколько возможно, загадочных обитателей полярных подземелий и их жизнь.

— Однако, сказал Жуков, — я чувствую голод...

Он подозвал к себе чудовище, стоящее у двери, и знаками показал ему на рот.

Низко поклонилось страшное существо, и только лицо его перекошилось от ужаса и сверкнули ненавистью глаза.

Чудовище быстро пошло к двери, но в это время вошел карлик. Он шел бодрым и уверенным шагом, и казалось невозможным, что его тщедушное тело выдерживает на себе огромную и тяжелую голову.

— Вы не хотите ли подкрепиться?! — спросил он, соединившись с пластинками своих гостей.

— О, очень! — сказал Жуков за всех.

— Прошу вас следовать за мной!

В большом круглом зале он пригласил их сесть в глубокие кресла и помог им надеть на лица стеклянные маски с трубками, заходящими в стену.

— Отверните краны, — сказал карлик, — и нажмите педали у кресел!

Профессор Залесов, который записал свои ощущения, так говорил:

— Я почувствовал, что в меня вступает извне новая и могучая сила. Голод и жажда исчезли. Исчезла усталость. Я чувствовал себя обновленным!

По мере того, как друзья вдыхали в себя воздух, идущий по трубкам маски, глаза их начинали блестеть и быстрее двигалась кровь.

— Что это такое? — спросил Седельников.

— Вы приняли порцию живой энергии, — пояснил карлик. — Потерянную часть своих сил вы восстановили и, таким образом, обновили организм, не заставляя его усиленно вырабатывать все те вещества, которые при таком питании представляются бессмертными и служат лишь местом для хранения нужной энергии.

— Но откуда берете вы эту живую энергию? — спросил

ученый.

— От «рамисов», — сказал карлик. — От тех существ, которые служат нам, работают для нас и питают нас. Вот, посмотрите!

С этими словами карлик открыл окно в стене, и когда Залесов заглянул в него, то увидел несколько знакомых уже чудовищ, оплетенных сетью тончайших проволок, концы которых входили в трубки масок.

Рамисы лежали на белых столах, бледные, изможденные. Их могучие мышцы ослабли, и тяжелыми веками были закрыты глаза. Они едва заметно дышали.

— Они окрепнут! — успокоил профессора карлик. — Им дадут сейчас их любимую пищу, и они снова будут готовы для питания нас...

Карлик водил гостей по дому и показывал им свои владения.

Это был великолепный дворец, построенный им из драгоценнейших минералов; сказочная окраска и блеск их увеличивались от негаснущего, тихо льющегося света.

Посреди дома находился обширный бассейн из ляпислазури, украшенный по углам золотыми группами бьющихся игуаноносов с ихтиозаврами.

— Эти чудовища живут еще в здешних водах и лесах? — спросил ученый, наклоняясь над хозяином и прикладывая разговорные пластинки к своему лбу.

— Нет! — тотчас же ответил карлик. — Они давно уже истреблены нами... Теперь остались только птицы и разные черви, но вы их увидите дальше.

Одна часть великолепного дворца была отдана под обширный сад. Здесь среди роскошной растительности, целого моря цветов и высоких трав порхали птицы. Они были меньше колибри. Пестрые комочки, яркие искорки носились среди листьев и цветов, гоняясь за мошками, которые светящимся облаком толклись над растениями или вспыхивающими точками носились по разным направлениям.

Карлик незаметно покинул своих гостей, и они вышли из дворца.

Ровными квадратами шли поля, засеянные пшеницей. Колосья ее были в несколько раз больше самых лучших пород зерновых хлебов, и когда Седельников захотел сосчитать зерна, то это ему не удалось. Досчитав до 300, он бросил колос на землю и полным нетерпения голосом воскликнул:

— Надоело! Что же мы будем делать? Так вот и станем все время ходить, а когда же действовать?

— Подожди! — ответил химик. — Дай осмотреться, дай сначала понять, как сложилась здесь жизнь, чтобы знать, в какую сторону направить наши поиски...

Они приближались к лесу. Профессор радовался, что любопытство его будет удовлетворено, и он изучит флору полярных подземелий. Но он ошибся в своих расчетах.

На самой опушке к ним подошел огромный рамис и, поднявшись, как медведь, на ноги, руками указывал путь обратно.

— Что, дружок? — спросил его Жуков и протянул ему руку.

Рамис осторожно взял ее, подержал и, повернув журналиста лицом к дому карлика, слегка толкнул его в спину.

— Нельзя? — спросил журналист, всем лицом своим и фигурой изображая вопрос.

— Огэ-э! — заворчал рамис и, скосив глаза на лес, сверкнул ими.

— Он кого-то ненавидит! — воскликнул Жуков.

— Мне кажется, что он кого-то боится... — поправил товарища Илья Максимович.

— Я думаю, что это вернее... — задумчиво произнес старый профессор.

— Попытаюсь-ка я с ним разговориться! — засмеялся журналист и, вынув из кармана кусок шоколада, часть его положил в рот, а другую протянул рамису.

Тот завертел его в руках, понюхал, а затем осторожно отправил в рот, шумно разгрызая его могучими челюстями. На его тупом лице показалась улыбка удовольствия. Он подошел, поднял Жукова и прижал его к груди, ласково ворча.

Журналист протянул ему еще один кусок и сказал:

— Кушай, милый, на здоровье!

Профессор и Седельников не могли удержаться от смеха, и на лице рамиса блуждала тупая улыбка.

Когда все направились обратно ко дворцу карлика, рамис повернулся на своих могучих четырех лапах и заковылял по тропинке, вьющейся среди полей.

Жуков остановился, посмотрел ему вслед и, незаметно отстав от товарищей, юркнул в густую пшеницу и притаился. Только тогда когда профессор и Седельников скрылись вдаль, он вышел и побежал догонять рамиса.

— Эй, ты! тс-тс!!! — кричал и свистел на бегу журналист.

Рамис неуклюже повернулся, и на его лице отразилось недоумение.

Жуков протянул ему кусок сахара и, положив ему на спину руку, сделал несколько шагов вперед.

Рамис нерешительно пошел за ним, но вскоре нерешительность его исчезла, и он радостно посматривал в лицо Жукова, неуклюже переваливаясь рядом с ним, идя по знакомой ему дороге.

«Если он заведет меня в укромное место и попытается напасть на меня, — думал журналист, — тогда я испытаю на этой груде мяса и костей мой новый револьвер. Не думаю я, чтобы это милое создание выдержало удар разрывной пули, начиненной основательной порцией динамита». И он бодро шагал рядом с рамисом, предвкушая остроту новых приключений, которых так страстно ждал этот беспокойный человек.

ХІІІ

СЛУЧАЙНОЕ ОТКРЫТИЕ

Убедившись, что Жуков отстал от них, Илья Максимович и Залесов мало беспокоились о нем, зная его смелость и находчивость в самых опасных положениях.

В зале их встретил карлик. Он, видимо, чувствовал глубокое почтение к старому химику. Длинная седая борода ученого, его высокий рост и сверкающие очки на горбатом носу внушали карлику уважение, и он заметно льнул к старику, стараясь угодить ему.

Теперь, взяв его за руку и поднимая к нему свое крошечное личико, придавленное громадой черепа, он вел его куда-то вглубь дворца, забыв о Седельникове, который в нерешительности, сжигаемый тревогой и отчаянием, стоял за группой растений у прозрачной стены и смотрел на раскинувшуюся перед домом панораму.

На полях кое-где копошились рамисы. По дальней дороге один за другим мчались знакомые уже блестящие цилиндры. Фиолетовый свет тихо струился отовсюду, и в его мягких, ленивых лучах казалась черной неподвижная стена леса.

Оставшись один, Илья Максимович начал ходить вдоль зала и ломал руки, стараясь найти какой-нибудь способ для начала действий.

Рамисы ничего не понимали, и только Жуков надеялся с ними разговаривать. Спрашивать о похищенных с поверхности земли женщинах карлика Илья Максимович боялся из опасения возбудить в нем подозрение.

Когда он терзался своими мыслями и бездельно шагал по огромному залу, он увидел, как одна из блестящих пластин, укрепленных у двери, отскочила и повисла на проволоке, а в глубине открывшегося пространства замелькали огоньки.

Илья Максимович приложил пластину к уху.

Он услышал такой же приятный голос, какой слышался в аппарате карлика..

— Двое из привезенных с земли бежали! — говорил голос. — Рамисы настигли их и обоих убили...

— А где они помещались? — спросил, весь дрожа от волнения, моряк.

— В старом доме, среди сожженного леса, — услышал он ответ. — Я приказал охранять все входы и выходы, а пленников поместить на самом верху... Их скоро закуют...

— Что хотите вы сделать с ними? — спрашивал капитан, сжимая кулаки и едва удерживая пластину около уха. — Я был в отсутствии и не знаю...

— Мы решили извлечь из них интеллектуальную энергию. Наши рамисы давно уже не обновляли своего человеческого духа и все более звереют. Они сделались дерзкими, и на них, как на зверей, иногда уже не действует внушение... Можно опасаться такого же возмущения, какое было в третьей эпохе нашей жизни, когда нам пришлось погубить их более половины и обрушить им на голову свод красного подземелья «Сияющей воды»...

Огоньки потухли и голос умолк; Седельников побежал искать профессора.

Он тщетно обежал весь дом, кричал и звал его. Только любопытные лица рамисов выглядывали из разных закоулков, и Седельников, написав на клочке бумаги: «Ждите меня здесь. Кажется, я нашел», бросил записку посреди зала и сбежал с лестницы.

Он торопился через поля добраться до леса и здесь отыскать старый дом.

Когда он очутился в тени, под навесом листьев и пушистых метелок высоких деревьев, он задумался над тем, куда ему направиться, и решил пойти наудачу.

Илья Максимович углубился в лес. Кругом в чаще громко шуршали в высокой траве какие-то убегающие существа, и Седельников был уверен, что это были змеи, так как он не слышал топота ног скрывшихся от него животных.

Тишину, царившую здесь, никто не нарушал, и Седельников схватился за револьвер, когда из глубины леса до не-

го донеслись глухие крики и грозное звериное ворчанье.

Таясь в тени деревьев и стараясь идти как можно тише, моряк добрался до небольшой поляны, ярко освещенной фиолетовым светом.

То, что он увидел, заставило его насторожиться и приготовиться к защите. На поляне происходил бой, жестокий, без надежды на спасение и пощаду бой.

Рослый, могучий рамис схватил руками поперек тела другое чудовище. Оно было покрыто желтым волосом и обладало длинными руками и большой головой.

Разглядеть яснее это существо моряк не мог, так как оно быстро двигалось и прятало свою голову под грудь рамиса, стараясь схватить его за шею.

Наконец, рамис рванулся и уже широко поднял для удара руку, но его противник неожиданно прыгнул вперед и впился обеими руками в его горло.

Седельников побежал на помощь рамису, уже задыхающемуся и беспомощно бьющемуся в цепких объятиях своего врага.

Появление человека поразило чудовище, душившее рамиса; оно уже готовилось бежать, но потом, сделав над собой страшное усилие, повернулось к подходящему человеку лицом.

Моряк увидел широкое скуластое лицо с выдвинутой вперед челюстью и приплюснутым носом. Под покатым и узким лбом горели умные, человеческие глаза. Губы вздрагивали и слегка открывали крупные зубы. На рыжей взлохмаченной бороде виднелись комья пены.

Седельников не сомневался, что перед ним был человек, первобытный, без изменений переживший века и целые расы людей. Моряк опустил револьвер; глаза двух людей встретились, и рыжий, волосатый человек понял все.

Седельников хотел уже уйти, но в это время человек с удвоенной силой бросился на рамиса и в одно мгновение поднял его на воздух и с размаха ударил о камень.

Он несколько мгновений стоял на своих кривых ногах и, согнувшись, зорко следил за Седельниковым; потом медленно повернулся и, оглядываясь, скрылся в лесу.

Когда же Илья Максимович пошел дальше, то он слышал, как по лесу идет рыжий человек и неотступно следит за ним. Когда моряк зажег спичку, закуривая папиросу, в лесу раздались треск и топот быстро убегающих ног.

Седельников пробирался сквозь чащу леса и, хотя путь был очень тяжелый, так как путник шел по целику, не найдя тропинки, он не чувствовал ни усталости, ни голода и жажды.

И он случайно вспомнил о том, что на земле теперь уже ночь и, взглянув на часы, увидел, что стрелка указывает на три часа пополудни. Часа два шел еще Седельников, пока не наткнулся на первые обожженные деревья. Листья их давно уже опали и оставались только почерневшие, поломанные стволы с обуглившейся, чешуйчатой корой и обгорелыми ветвями.

Моряк долго еще блуждал по лесу, пока не вышел на поляну или большую просеку. Здесь стоял полуразвалившийся дом с высокой круглой башней.

Несколько рамисов оберегали вход. Заметив Седельникова, они поднялись с угрожающим бормотанием.

Подойти близко не было возможности, а потому моряк начал громко кричать по-русски и по-английски. Долго не было ответа на призыв человека, и только рамисы злоеще ворчали вдали.

Уже капитан хотел повернуться и начать поиски другого дома, где были заключены люди, как вдруг до него донесся слабый окрик, заглушенный пространством и толстыми стенами.

Был ли это русский или английский язык — Илья Максимович не мог определить. Слишком слаб и короток был этот человеческий окрик.

Никто теперь не мог бы удержать Седельникова. С револьвером в руках он бросился на рамисов. Те сгрудились и, поднявшись во весь рост, протянули вперед свои могучие руки. Один из рамисов схватил Седельникова за плечо и отшвырнул его в сторону, но капитан спустил курок, и чудовище, пораженное пулей между глаз, билось на земле, постепенно затихая.

С ревом и завыванием бросились на человека рамисы, но Седельников, уже разгоряченный боем, был настороже. Один за другим гремели выстрелы, и новые и новые тела корчились на земле, царапая камни и вырывая траву и мох.

Казалось, что победа склоняется на сторону человека. Оставались лишь двое рамисов, но когда он их взял на прицел, они с воем начали убегать к дому и, торопливо вбежав в него, заперли дверь.

Илья Максимович не знал, что ему предпринять. Штурмовать дом в одиночку, не зная, скольких врагов он в нем найдет, не казалось ему разумным. Он решил вернуться в дом спасенного им карлика и посоветоваться с Залесовым и, вероятно, успевшим уже вернуться Жуковым.

Перед уходом, однако, он крикнул еще несколько слов, обещая скоро вернуться и ободряя заключенных надеждой на освобождение.

Лишь только Седельников вошел в лес, он услышал за собой крики и увидел, что толпа рамисов, предводительствуемая карликом, мчащимся на прикрепленных к ногам моторах, гонится за ним.

Моряк побежал, таясь за деревьями и припадая к густой траве. На ходу он вложил в магазин револьвера свежую обойму с двенадцатью разрывными пулями.

Погоня не достигла еще чащи, а потому Седельников, заметив густой, раскидистый куст, забрался в него и приготавливался к защите.

Рамисы, подхватив карлика, бежали по лесу. В руках у них были дубины и камни, и чудовища, не разбирая дороги, бессмысленно мчались по лесу, дико крича хриплыми голосами.

Не успели они добежать до куста, в котором притаился моряк, как с разных сторон на рамисов кинулись волосатые люди.

Быстро заработали толстые, сучковатые дубины, усаженные толстыми кремнями, заскрежетали зубы и раздались крики бьющихся грудь о грудь врагов.

Один из людей, пробегая, опустил свою палицу на карлика, стоявшего в стороне. Жалко свернулось, как раздавленная улитка, маленькое тщедушное тело уродца и замерло, не вздрогнув.

Бой был ожесточенный, так как силы противников были равны. Уже несколько убитых и раненых лежали в траве, и общая свалка превратилась в отдельные поединки, где человек сшибался с рамисом, поражая, грызя и царапая врага.

Седельников решил, что настала пора действовать, и он открыл огонь по рамисам. Сначала бьющиеся обратились в паническое бегство, но постепенно люди поняли, что неизвестная им сила поражает лишь их врагов-рамисов и начали избивать убегающих.

За людьми побежал и Седельников. В пылу погони он опередил преследующих чудовищ людей и без жалости поразил рамисов, стерегших в старом доме захваченных с поверхности земли людей, а среди них, быть может, и любимую Седельниковым девушку, добровольно подвергшую себя ужасам полярного материка.

Волосатые люди с торжествующим боевым кличем бежали за ним и добивали остатки отряда рамисов. Бой завязался с новой силой и ожесточением, когда на помощь избиваемым бросились работающие в полях рамисы; но это задержало ожесточенных людей лишь на несколько минут.

Вскоре за Седельниковым мчались около полусотни рослых, могучих мужчин с увесистыми палицами в дюжих руках, и все взоры были обращены на стоящий на холме дом карлика.

Под ударами палиц отлетали от лестницы и пола куски драгоценного камня, и алая кровь рамисов-прислужников лужами стояла на мягких коврах и стекала с террасы по широким ступеням.

Седельников привычным повелительным голосом крикнул:

— Стой!

Он только теперь услышал свой окрик, пришел в себя и, оглянувшись на разбивающих все на своем пути людей, под-

нял вверх обе руки.

Рыжеволосые воины опустили свои дубины и сбились в тесную кучу, как укрощенные звери.

Седельников, сделав ряд выразительных движений, поясняющих его приказание оставаться на месте, отправился искать товарищей.

XIV

ВЫХОДЦЫ С ДАЛЕКОЙ ПЛАНЕТЫ

Пока капитан переживал такие острые ощущения и неожиданно нашел союзников в лице первобытных людей, старый профессор служил предметом самых предупредительных забот уродца с необъятной головой мыслителя и телом жалкого слизняка.

Он привел его в комнату, обитую толстой и мягкой тканью, чтобы ни один звук не проникал сюда, и установленную различными, никогда не виданными ученым приборами.

Собеседники соединились друг с другом аппаратом, читающим мысли, и начали разговор:

— Я знаю, — сказал карлик, — что вас, вероятно, волнует вопрос, кого вы видите перед собой? История человечества мне известна. У нас бывали люди в разные эпохи...

— А где они теперь? — поспешил спросить профессор.

— Они превратились в энергию, слились с общим океаном ее... — без заминки ответил уродец,

Профессор печально поник головой и подумал, что смерть, как ее громко ни называть, остается все-таки смертью, но уродец приветливо улыбнулся и заметил:

— Это только люди считают смерть концом своих личных ощущений и ошибаются... После смерти жизнь каждого из живых существ продолжается...

Помолчав немного, карлик вновь заговорил:

— Я удовлетворю ваше любопытство и покажу, откуда взялись мы — кампарты!

— Кампарты... кампарты? — переспросил профессор. — Какое знакомое имя...

— В средние века так у вас на земле называлась самая северная звезда «Южного Креста». Но вот, наденьте на голову эту сетку и смотрите!

Перед глазами ученого была безграничная междупланетная пустота. Чувствовались даже ее безмолвие, стужа и мертвый покой. Но из этой пустоты выступал темно-красный диск, разбрызгивающий во все стороны потоки быстро мчащихся частиц. Они пронизывали, как ядра орудий, пространство и падали, воспламеняя и воспламеняясь, на другой диск.

— Это лучи энергии! — шепнул изумленный химик.

— Да! — ответил карлик. — Но в своем неиссякаемом течении они несут захваченные частицы вещества. И вот однажды эти лучи подхватили зародыши живших на Кампарте существ и бросили их сюда тогда, когда земля еще была горяча. Потом земля остыла, и в нашу страну пришли люди и гнали нас дальше и дальше, уча бороться с собой. Много погибло нас, пока с Кампарты наши родичи не дали нам знать, то освещая, то гася какие-то огни на южной поверхности своей планеты, как надо жить и как быть бессмертными. Тогда мы победили людей, загнали их в подземелья, принудили работать для нас, ушли от холода в эти прекрасные места и теперь гибнем лишь при катастрофах.

— А сколько осталось кампартов? — задал вопрос ученый.

Уродец вздохнул и ответил:

— Мало! Нас осталось всего четверо... Зато, — продолжал он, — наше существование — наслаждение. Мы видим чудесной красоты картины, открывающиеся нашим чувствам при свете темных лучей или при излучении наэлектризованных тел. Согласные, не нарушаемые ничем, колебания мельчайших составных частей вещества, колебания с миллионами правильных движений в секунду — это наша музыка! Весь мир — это великий океан чудесных зрелищ и волшебных звуков, прекрасных и величаво грозных, и только изредка врываются в них резкий, неожиданный шум и гром. Это рушатся отдельные миры или сразу, со смертью многих живых существ, бурно врывается в океан сил поток освобожденной энергии... Жалкие, глухие люди! Вам не дано слышать этих чудных мотивов, этого гимна ве-

ликой природы... Мы же услаждаем свой слух и зрение электризуемыми металлами, нагреваемыми минералами и медленно разлагаемым веществом... Мы достигли полного развития всей нервной системы... И только одна мысль гложет наши сердца, отравляет наш покой богов...

Профессор с любопытством повернулся к собеседнику.

Тот продолжал:

— Наша мечта — вернуться на нашу далекую планету...

Карлик вздохнул и замолчал.

— Я видел, — сказал ученый, — в море ваши подводные лодки. Они доказывают, что для вас почти нет невозможного...

— На земле — нет, но вне ее, к сожалению, многое сильнее нас! Земля вошла в последнюю фазу существования. Она умирает... Что-то произошло такое, что на одно мгновение нарушило связь между частицами, составляющими основу некоторого вещества, и силами, их связывающими. Вы его называете радием... мы — территом, потому что он залегает в центре земли. Это движение разложения перешло к родственным территу веществам, и от них, как тление, оно бежит дальше и дальше. От земли тянется теперь длинный хвост частиц вещества и лучей уходящей энергии, и этот поток сил и вещества относит к юго-востоку все наши суда и наших смельчаков. Они не попали на Кампарту и в своих снарядах, лишённые живой энергии, давно уже обессилели и погибли... Вот почему нам суждено оставаться здесь...

— На острове, — сказал профессор, — был город и он сгорел, а население его исчезло... Что сделали вы с ним?

И профессор, взяв кампарту за руку, рассказал ему историю города и картину разрушения его.

Карлик в недоумении пожал плечами.

— Понимаю!.. — ответил он после продолжительного молчания. — Наши астры-рабы добыли для согревания подземелий и реки большую глыбу террита. Часть его мы применили в дело, а другую вывезли на поверхность земли... Вероятно, лучи террита, разложив воздух и лед, сначала погубили людей, а потом сожгли город... Впрочем, недав-

но сюда доставили нескольких людей... Видно, не все там погибли... Они нужны для интеллектуального питания рамисов и атров... На них случайно дважды натыкались на поверхности земли рамисы, посланные на поиски одного кампарта, отправившегося туда для каких-то опытов...

— Где же они, эти схваченные рамисами жители города? Живы они? Умерщвлены? — бросал торопливые вопросы Залесов, не выпуская прозрачных рук уroda.

Тот опять пожал плечами и ответил.

— Нет! Они все живы! Только они пытались бежать и нападали на охранявших их рамисов, а потому их поместили в старом доме давно погибшего кампарта в западном лесу...

Какие-то крики, звон и оглушительный треск, отголоски тяжелых шагов донеслись сюда, и кампарт болезненно и брезгливо поморщился.

Дверь стремительно распахнулась, и Седельников, с развевающимися волосами и возбужденным лицом, вбежал и крикнул:

— Скорее! Скорее! Я, кажется, нашел пленных...

— Они в старом доме, в сожженном лесу, — сказал Залесов.

С торжествующим криком радости и счастья, забывая, что, быть может, любимой девушки нет среди пленных, капитан бросился из комнаты, сбежал по лестнице в сад и через поля, гонимый надеждой и жаждой встречи, мчался, как привидение, а за ним, воя и потрясая палицами, неслась ватага рыжеволосых, пьяных от крови и боя великанов...

Эта толпа людей, руководимых различными чувствами, в сумраке леса казалась вереницей злых духов и оглашала чащу дикими, нечеловеческими криками, завыванием и рычанием.

В то же время карлик со старым профессором вошли в зал и увидели следы разрушения и убийства.

Кампарт остановился и на его лице появилась гримаса страдания.

Он приложил обе руки к груди и дал знать профессору, чтобы тот соединился с ним прибором для разговора.

— Мы, — сказал он, — так тонко организованы, что незначительные температурные и химические изменения мозга, происходящие при появлении мысли или внешнего впечатления, нам заменяют звук голоса... А здесь я чувствую, как вся атмосфера напоена токами возбуждения и жажды крови. Мне больно... мне тяжело...

Подойдя к дивану, он беспомощно упал на него и тяжело дышал, хватаясь тщедушными руками за грудь и горло.

Успокоившись, он подошел к аппарату, висящему на стене, и вдруг отскочил от него и в волнении начал оглядываться.

— Что случилось? — мысленно спросил профессор, подходя к кампарту.

— Я хотел приказать рамисам убрать убитых и послать за безумцами погоню... но аппарат не действует! Кто-то испортил батарею термо-аккумуляторов в рабочих подземельях...

На лице кампарты и в его движениях было совершенное отчаяние. Он опять бросился на диван.

Профессор молча начал ходить по залу, на мгновение вышел на террасу, но, увидев и здесь лужи крови и трупы убитых рамисов, вернулся обратно.

Чуждой казалась картина кровавого, жестокого убийства в этом сказочном доме с его тихим, мерцающим светом и преломляющими его лучи в своих замысловатых гранях драгоценными камнями стен, свода и колонн.

Чтобы развлечь карлика, старый химик начал рассказывать ему об успехах человеческого знания, и когда кампарт внимательно слушал его, он будто случайно спросил:

— Зачем вам, жителям подземелий, нужны подводные лодки?

Кампарт спокойно ответил:

— Мы их посылаем из большого Соляного озера горячих подземелий в океан. Наши лодки добывают пленных для интеллектуального питания рамисов и атров, потомков прежних людей. Морские экспедиции, впрочем, случаются

редко, лет через 25... При этом неизбежно гибнут ваши суда... Вы, вероятно, помните, что почти у тропика Козерога погиб большой французский купеческий пароход «Генриэтта»... После этой катастрофы у нас жили 20 человек команды... но они умерли, и нам пришлось...

— Я видел, как погибла «Леди Гамильтон»... — с печалью подумал химик.

— Да, жаль, очень жаль! — покачал головой карлик. — Это была бесполезная жестокость, так как в это же время мы взяли с поверхности нашего материка много пленных...

Карлик вдруг насторожился и, поднявшись, долго слушал.

— Кто-то бежит сюда!.. — сказал он. — Я боюсь!..

По лестнице, действительно, кто-то быстро поднимался.

Профессор, ощутив в кармане револьвер, повернулся к двери, готовясь защищать кампарт.

Но в зал, едва держась на ногах, вошел и почти упал на пол Седелников, едва успев опереться о стену.

— Ее опять увели и где-то спрятали! — крикнул он в исступлении и, подбежав к кампарту, поднял над ним кулак. — Проклятый урод, гнусная тварь!

Залесов удержал его кулак, готовый раздробить голову маленькому, беспомощному уродцу.

— Оставь! — сказал старик строгим голосом. — Он ни в чем не повинен... Расскажи лучше все толком и успокойся!

Капитан начал быстро ходить по залу, тяжело дыша и по привычке щелкая пальцами.

— Я прибежал в старый дом и с этими дикарями перерыл его снизу доверху! — воскликнул он наконец. — Там не осталось ни одной несломанной двери, ни одной запертой комнаты, но я ни живой души там не нашел!

Моряк закрыл лицо руками и разразился тяжелыми рыданиями.

— Дикари нашли следы целой толпы людей и глубокую колею острых колес автомобиля, но след этот вел на дорогу и здесь все следы путались. Что мне делать? Что мне делать? Скажи!..

Схватив за руку старого друга, Илья Максимович смотрел на него полными слез глазами и ждал ответа.

— Надо сначала найти Жукова! — сказал наконец химик. — Мы возьмем карлика и вчетвером отправимся на поиски. Ступай и ищи его!

Но не успел моряк дойти до террасы, когда струящийся повсюду свет начал меркнуть и, вспыхнув, погас.

Глубокая тьма залегла кругом. Бесформенной черной грудой навалилась она и, казалось, придавила своей тяжестью.

— Несчастье! — крикнул в аппарат Залесова кампарт. — Мы разъединены с главными электрическими машинами... Если кто-нибудь из нас — кампартов, видящих при лучах теплоты, будет принужден опуститься в машинные подземелья, — тот погибнет. Атры ненавидят нас... Они усмирены, но не примирены, как рамисы...

— Что же делать теперь? — спросил химик.

Залесов, не дождавшись ответа, протянул руку к кампарту, но карлика уже не было.

Незамеченный в темноте, неслышно ступая, он выскользнул из зала.

Друзья, подавленные случившимся, сидели молча и выжидали событий.

XV

В ПОДЗЕМЕЛЬЯХ РАБОВ

Веселый, жизнерадостный журналист, подружившись с рамисом, решил не отпускать его от себя и по возможности подробно изучить жизнь в подземельях, предоставив карликов Залесову и Седельникову и интересуясь этими могучими и покорными микроцефалами.

Журналист даже не подозревал, что капитану придется во главе целого отряда первобытных людей участвовать в кровопролитном бою и, поглаживая рамиса и угощая его сахаром и шоколадом, он шел вместе с ним через поля, в сторону небольшого озера, видневшегося на западе.

В высоком, каменистом берегу озера была пещера, откуда шла глубокая шахта в нижние подземелья.

Просторная кабина доставила Жукова и его спутника, а также других подошедших рамисов в небольшое подземелье. Оно было ярко освещено, и несколько чудовищ копошились в разных местах.

Одни из них чистили цилиндрические экипажи, наполняли их резервуары какой-то густой, маслянистой жидкостью, починяли машинные части или собирали новые.

Здесь ворчали точильные станки, визжали напилки и остря, сверлящие сталь и медь, и стучали молоты.

На другой стороне подземелий, за крепкими решетками из толстых железных полос, были заключены самые могущественные чудовища. Они глухо ухали и тяжело, отрывисто, словно досадуя, дышали и иногда злобно шипели и свистели.

Это были машины. Сверкающие гиганты с быстро движущимися частями своего стального тела представляли собой многоэтажные сооружения со сложными системами колес, толстыми, напоминающими стволы многовековых деревьев валами, могучими шатунами и шкивами и быстро носящимися взад и вперед коленчатыми рычагами.

Из-под земли к этим машинам тянулись толстые про-

вода и такие же черные змеи из сплетенных проволок уходили вверх.

Из-за решетки с удивлением смотрели на пришельца лица рамисов.

Спутник Жукова дал знать, и его впустили за решетку, куда скользнул и журналист. Он с любопытством осматривал машины, так как, не видя парового котла, не понимал, что служит источником движения этих гигантов.

Рамисы, обслуживающие машину, поняли его недоумение и, подойдя, заставили его нагнуться и взглянуть в помещенное под машиной окно. Жуков увидел два толстых стержня, выступающих из земли. Вид металла обоих стержней был незнаком Жукову. Между двумя концами этих стержней тянулась сплошная полоса искр. В полосе ходило колесо, которое уносило на своих глубоких зубах, как в черпаках, трещащие и вспыхивающие огоньки, передавая их дальше, другим частям могучего механизма.

На стене висел план машины и, хотя Жуков не был инженером, он, однако, сразу понял, откуда берется такое большое количество электричества. Стержни шли в глубь земли. И на глубине многих верст, — там, где уже начиналась область расплавленных пород, на концах двух спаянных разнородных металлов, при действии 8000° жары, рождались неисчерпаемые запасы электрической энергии. Приводя в движение очень мощную динамо-машину, электричество собиралось в аккумуляторах, наполняющих огромный зал в северной части машинного подземелья.

Тут же стояли и быстро, словно торопясь куда-то, работали, мерно посвистывая, различные мелкие механизмы, точно пригнанные, бесшумные и красивые.

Рамис, подружившийся с Жуковым, остался работать около машин, и журналист побрел один по подземелью, отыскивая новые машины, которые, однако, очень скоро ему наскучили.

«Будто на выставке, в машинном павильоне! — бормотал он. — Внушительно и страшно, но совсем непонятно».

Он очень обрадовался, когда увидел будку нового лифта.

Вместе с несколькими рамисами он опустился в следующее подземелье. Здесь в отдельных пещерах помещались различные производства.

Жуков видел, как кривоногие, согбенные существа с еще менее заметными, чем у рамисов, головами и злыми, не перестающими сверкать глазами брели под тяжестью ноши. Они несли тюки разных тканей, железные и медные листы и круги проволоки, сосуды с разными жидкостями и складывали свой груз в большую подъемную машину, уносящую его в первое подземелье.

Отважный до дерзости человек опустился еще ниже и попал в полумрак. В низких подземных пещерах с нависшим каменным сводом ели и спали кривоногие, злобные существа. Сухой, захлебывающийся кашель, тихие стоны слышались отовсюду. Тяжелый, знойный и спертый воздух вызывал головокружение и тошноту.

Жуков с трудом преодолел почти обморочное состояние и с ужасом увидел, что широкая дорога круто падает еще ниже.

«Если уж начал, — надо кончить!» — подумал журналист и смело пошел вперед.

Он прошел, вероятно, около полуверсты и очутился в большом круглом подземелье с целой сетью железных балок, среди которых, глухо грохоча, ходили тяжело нагруженные подземные клетки.

Из узких нор, виднеющихся в стенах подземелья, выползали, как черви, люди и тащили за собой куски отбитой от земной коры породы.

Запаздывающих или провинившихся жестоко хлестали железными прутьями рамисы-надсмотрщики, бросали на землю и топтали своими могучими ногами этих хилых, кривоногих существ.

Только впоследствии журналист узнал, что это были астры, бессловесные и бесправные рабы, всю жизнь тяжело работающие в мрачных и зловонных закоулках и галереях нижних подземелий. Здесь они рождались, жили, размножались и умирали от непосильного труда, все более и более теряя облик разумного существа, пока кампарты не на-

ходили нужным дать им интеллектуальное питание.

Жуков пробрался в узкие входы, проделанные в глубоких накаленных слоях земли. В каждом сидели по несколько атров. Они царапали, резали и отбивали камень, обливаясь потом и кровью под свист железных прутьев рамисов.

Словно огромные черви, точили жители подземной страны земную кору, строили каменные соты и длинные, извилистые ходы для кого-то могущественного и злого, кто за труд и усталость дарил мучение.

Глухое бормотание рамисов, стоны и крики избиваемых, гул взрывов, дробящих скалы, звон и лязг железа, грохот рушащихся обломков скал создавали водоворот звуковых волн, мятущихся в сумрачном и горячем воздухе.

Жуков решил бежать отсюда и начал подниматься, пока не достиг последнего этажа. По дороге сюда он встретился с рамисом, который обратил на себя внимание журналиста. Подозрение внезапно шевельнулось в мозгу Жукова.

Рамис вез с собой цепи. Они были снабжены кольцами для ног и рук. В этом был уверен Жуков, и ему очень хотелось расспросить чудовище, для кого предназначались оковы.

Но рамис издавал лишь глухие, односложные восклицания, и от него нельзя было ничего добиться. Тогда Жуков решил проследить за тем, куда понесет рамис цепи.

Выйдя из кабины и сгибаясь под тяжестью ноши, чудовище направилось к автомобилям.

Сложив в экипаж цепи, оно уже намеревалось тронуться в путь, когда подошел Жуков и прикоснулся к его плечу.

Головой журналист указал на сиденье и сделал вид, что хочет войти.

Рамис с удивлением оглядел незнакомца и грубо оттолкнул его в сторону. Жуков не знал, что ему делать. Потерять рамиса он не мог. Какое-то тайное чувство подсказывало ему, что кандалы предназначались не для рамисов, которые одним слабым усилием разорвали бы их.

И вдруг Жуков вспомнил первое движение карлика, когда из мрака за дверью кабины блеснули глаза рамисов.

Он протянул вперед руку и сделал несколько плавных движений в воздухе. Рамис сразу пригнулся до самой земли и, покорно войдя за журналистом в автомобиль, пустил в ход машину. Он быстро окружил машинные отделения и въехал в слабо освещенный тоннель, по которому мчался так быстро, что лишь воздух свистел и захватывал дыхание.

Из тоннеля они выехали в долину, и Жуков сразу узнал эти места. Недалеко отсюда должна была уходить под поверхность верхнего подземелья согревающая его кипящая река. По довольно тряской дороге автомобиль въехал в лес и остановился на поляне с возвышающимся посреди нее полуразрушенным домом.

Рамис, взвалив на спину пук цепей, понес его к дому. Следом за ним двинулся и Жуков. У входа они увидели труп рамиса с пробитой пулей головой. Когда они вошли в дом и рамис издал глухой призывный вой, — никто не ответил ему. Тогда крикнул и человек и тотчас же сверху раздались радостные, возбужденные голоса. Жуков стремительно побежал наверх, и в большой комнате с окнами, защищенными толстыми решетками, к нему бросились люди — десять женщин и двое мужчин.

Одна из женщин подошла к Жукову и спросила его:

— Вы — русский?

Родная речь привела журналиста в бурный восторг. Он кричал от радости и рассказывал, волнуясь и перебегая от одного человека к другому, о всех приключениях Седельникова за последнее время.

— А он здесь? — спросила подошедшая к нему молодая, бледная девушка.

— Кто «он»? — спросил журналист и вдруг все понял.

— Вы — Разина? Да! Да! Какое счастье! Как будет счастлив Илья Максимович! — кричал он.

Он с трудом успокоился и начал что-то обдумывать, быстро ходя по комнате.

Потом подошел к пленникам и сказал:

— Выходите!

Он вывел их на поляну, усадил в автомобиль и приказал рамису ехать. Когда они добрались до главной дороги, он знаком показал чудовищу, что хочет ехать вдоль реки и, достигнув тоннеля, пустил рамиса вперед, а сам со своими спутниками шел за ним. Он усадил всех в кабину и, приказав ждать, вместе с покорным рамисом возвратился к автомобилю.

Надо было во что бы то ни стало отыскать и доставить сюда Седельникова и Залесова, и журналист решил ехать к дому карлика.

Он сделал несколько повелительных движений перед лицом испуганного рамиса и грозно топнул ногой.

Автомобиль быстро мчался по дороге, но, въехав в ту часть ее, где по сторонам начинались уже поля, Жуков услышал в разных местах долины громкий треск, напоминающий выстрелы. Со стороны озера раздавался тревожный вой рамисов, и целые толпы их бежали через поле, потрясая руками и тяжелыми железными палками.

Жуков понял, что треск был сигналом тревоги и что рамисы бежали кому-то на помощь.

Мгновенное решение созрело в голове журналиста.

Бой с чудовищами неизбежно должен был кончиться поражением людей в тот миг, когда был бы выпущен последний заряд.

Боя нужно было избежать, и Жукову казалось, что он нашел для этого способ.

Он направил автомобиль к озеру и, остановившись у входа в подземелье, внимательно осматривал местность.

Недалеко от отверстия шахты он увидел могучий пилеястр, а из его вершины тянулись к своду толстые змеи проводов.

На это и надеялся журналист. Он быстро подбежал к колонне, увидел в ней дверцы, быстро открыл их и начал отвинчивать провода от металлической пластины, соединенной с подземными кабелями.

Когда он отвинтил последний провод, сзади раздался вой безумного ужаса. Жуков оглянулся, но ничего уже не мог увидеть. Кругом была непроницаемая, слепая темнота.

Он быстро вынул карманный фонарь и, отыскав рамиса, пустившегося было убежать, сел в автомобиль и направился к дому своего недавнего гостеприимного хозяина-карлика.

Остановившись у лестницы, он громко свистнул.

XVI

БЕГСТВО

Илья Максимович и старый химик услышали свист товарища и бросились на террасу.

— Скорее! Скорее! — крикнул им Жуков и направил на них свет фонаря.

Не теряя времени на расспросы, они быстро сбежали с лестницы и уселись в автомобиле. Жуков поместился на прежнем своем месте рядом с рамисом и был готов пустить ему пулю в голову при первой попытке бегства или неповиновения. Но бедное чудовище, напуганное его повелительными движениями, было покорно и гнало машину полным ходом.

Иногда из-под колес автомобиля неслись стоны и вой рамисов, в темноте не видящих мчащегося экипажа, а он прыгал по их телам и вздрагивал, качаясь на мягких рессорах, и мчался дальше, как жестокий, кровавый призрак.

Когда автомобиль мчался вдоль реки, Жуков поднялся и, перегнувшись через сиденье, крикнул Илье Максимовичу:

— Она жива!

В темноте никто не видел, как побледнел и задрожал всем телом моряк и как он, сдавливая себе горло, старался не разрыдаться или не кричать громко и радостно, чтобы весь мир услышал о его счастье, об исполнении так долго и мучительно лелеянной мечты.

Автомобиль остановился у входа в тоннель, и путешественники вместе с рамисом быстро добежали до кабины.

Пока капитан, взволнованный и счастливый, расспрашивал о прожитом времени и говорил девушке простые, но сильные и понятливые слова о своем чувстве и тревоге, в кабине при свете карманного фонаря люди знакомились и делились впечатлениями и печальными воспоминаниями.

— Почему же мы не поднимаемся на землю? — спохва-

тился вдруг профессор и взял за руку Жукова.

— А где же энергия? — засмеялся он. — Ведь я же вам уже сказал, что я разъединил верхнее подземелье с отделом машин.

— Значит, они нас найдут! — сказал ученый, с тревогой взглянув в веселое, беззаботное лицо журналиста.

— Я думаю, что нет, так как они скоро починят испорченные мною провода и осветят свои подземелья! — ответил со смехом Жуков.

— Тем легче они нас найдут тогда... — шепнул Залесов.

— Нет, ведь как только энергия побежит по проводам, — тронемся в путь и мы!

С этими словами он глазами указал на рамиса, который возился в углу кабины около различных кнопок, блестящих рычажков и рукояток.

Вскоре кабина плавно двинулась в путь, а в подземельях уже по-прежнему мерцал таинственный мягкий свет.

* * *

На поверхности земли их ожидал целый отряд матросов с «Капитана Седельникова» под предводительством одного из офицеров.

Русинов и Нерпин, не дождавшись возвращения командира, по следу лыж добрались до входа в шахту и, найдя записную книгу профессора, спешно вернулись на берег и вызвали подкрепление.

С судна даже свезли одну пушку и взяли ее с собой на всякий случай, а матросы были вооружены.

Появление путешественников из шахты было встречено радостными криками команды.

Жуков, проделав свои магические движения перед лицом рамиса, дал ему большой кусок шоколада и приказал опускаться.

Одев спасенных в запасные меха, оставшиеся в лагере на перевале, все вернулись на пароход, последний раз ки-

нув взгляд на проклятую долину, где нашли себе могилу почти все сосланные на о. Гарвея женщины и где под толстым покровом снега и льда покоилась не выдержавшая суровой полярной зимы мать Ольги Константиновны.

«Капитан Седельников», опасаясь погони подводных лодок кампартов, взял курс не на о. Эндерби, но на северо-восток, к земле Деликсанта и, только пройдя этот гористый берег, приказал переложить руль на левый борт.

Через четыре года после описанных событий в газетах всех стран появилось сообщение, что срок ссылки суффражисток окончился.

Соединенная эскадра под командой английского адмирала отправилась за сосланными, но, проблуждав пять дней южнее о. Эндерби, нигде не нашла земли и принуждена была возвратиться к мысу Доброй Надежды.

О. Гарвея исчез.

Он погрузился в пучину полярного океана вместе с пришедшими на землю с иного мира кампартами, с поработочными ими рамисами и истязуемыми атрами, источившими землю, скованную вечными льдами.

На месте твердой земли мороз нагромоздил ледяные поля и горы, и на них по-прежнему царила смерть, бледным призраком блуждая по мертвенно-молчаливой полярной пустыне, таящей в недрах своих могил тех, кто, отбросив грезы о справедливости, с мукой шел навстречу преступлению и бесстрашно — на страдание и гибель.

ГРЯДУЩАЯ БОРЬБА

Завтрашняя повесть

I

Два инженера

Это случилось давно.

Лет через сто после казни последней суфражистки.

Ее тогда возили по всем городам мира и для позора выставляли в прозрачном ящике для всеобщего обозрения на площадях. Это жуткое предсмертное путешествие было окончено в Париже, на площади Согласия, и, казалось, вековая борьба за права женщины-человека и гражданина завершилась не в пользу женщины.

Была ночь, темная и безлунная.

На высоком помосте, украшенном цветами, дорогими коврами и пестрыми материями, был водружен стеклянный ящик, к которому стеклись толпы праздного и жестокого народа. Люди усеяли своими хищными телами решетку Тюльери, пьедесталы угловых статуй, старые каштаны и клены Елисейских полей в ожидании казни.

По сигналу невидимого распорядителя на площади погасли все фонари, и только стеклянный ящик был освещен розоватым светом, ласковые лучи которого озаряли бледное лицо и исхудавшую фигуру пожилой женщины со строгими серыми глазами и крепко сжатыми губами.

Подали газ.

В страшных корчах начало извиваться это измученное и затравленное тело, а через мгновение стало исчезать так же бесследно, как исчезает утренний туман с поверхности озера, когда на горизонте медленно начинает вставать солнце.

От того позорного дня прошло сто лет, и за это время европейские народы исполнили свою высокую историческую задачу. Они уничтожили все народы Азии, мечтавшие о владычестве над миром.

Какой-то ученый подал совет заразить территорию Азии зародышами гигантского плесневого грибка. В течение очень короткого времени плесень покрыла весь материк толс-

тым слоем беловато-желтой слизи и пушистых, ползущих все дальше и дальше ростков. Ядовитая плесень уничтожала леса и селения, всасывала в себя реки и озера, убивала людей, въедаясь в их кожу и обвиваясь ядовитыми ростками вокруг сердца.

Уже через пять лет Азия представляла собой пустыню, перерезанную горными хребтами, и в этой жуткой пустыне умирал раскинувшийся на необозримом пространстве слизистый паразит, заражая ядовитым зловонием воздух и пропитывая гниющими соками почву.

Именно в это время и произошли роковые события.

Было лето.

В этот период на Земле ничего не изменилось. Только пустыли дворцы промышленных королей, управлявших планетой. Откуда они взялись, никто не знал, и никто не думал сопротивляться им. Они были могущественны, а стеклянные ящики — место казни для недовольных и протестующих — высились на площадях больших городов.

Недалеко от Петрограда, на одном из озер, с утра наблюдалось большое оживление.

Вокруг построенного на одинокой скале великолепного замка из гранита и розового мрамора сновали парусные яхты и моторки, нагруженные цветами и гирляндами из зеленых ветвей.

Солнце поднялось уже достаточно высоко, когда из-за горизонта выплыло большое воздушное судно. Оно казалось ослепительно белым в лучах яркого солнца и быстро приближалось. Через несколько минут с громким воем сирены судно скользнуло на желоб помоста, высящийся над замком.

Из аппарата вышел совсем еще молодой, невысокого роста, коренастый красивый человек.

Некоторое время он стоял рядом со своим судном и смотрел мрачными и холодными глазами вниз, на озеро, откуда с лодок и яхт ему махали шляпами и цветами, что-то воодушевленно и громко кричали, широко разевая рты.

— Это английский инженер Джеймс Брайтон! — громко кричал штурман большой моторной лодки. — Он изобрел конденсаторы для человеческой энергии, а теперь проекти-

рует постройку тоннеля через центр Земли. Это гений, друзья! Настоящий гений!

Эти слова, сказанные слишком громко и с такой гордостью, что она казалась неестественной, предназначались для сидящего на корме человека, одетого в серый костюм туриста, фамилия которого была Греммин.

— Джемс Брайтон? — повторил он и поднял к глазам бинокль. — Да, я его таким себе и представлял.

— Что ты говоришь? — спросил штурман, которого звали Морис Брабант.

— Нет, ничего! Я разговаривал со своей спутницей, — ответил Греммин. — Послушай, Нина, тебе не надоела здешняя публика?

— Нисколько, — ответила молодая девушка. — Я в восторге! Ничего подобного я не предполагала встретить.

И действительно, зрелище было пестрое и интересное.

Все судно было переполнено женщинами. Это были мотыльки, блестящие, переливающиеся всеми цветами радуги птицы, сказочные восхитительные цветы, то пленительно нежные, то вызывающе дерзкие, благоуханные и яркие. Драгоценные шелковые манто, вышитые золотом и драгоценностями, платья из легких, напоминающих паутину материй; перья невиданных птиц, туфли, усеянные драгоценностями, бесценные ожерелья, броши и серьги — все это сверкало и переливалось, споря блеском и разнообразием оттенков с огнем прелестных, хотя и подведенных, глаз и свежестью капризных ротиков и нежной кожи, слегка тронутой румянами.

Они весело щебетали и говорили пустяки, пересыпая слова стихами и музыкальными фразами, произносимыми нараспев. А Морис Брабант снял шляпу и приветствовал их небрежным движением руки.

— Что делают эти нарядные дамы? — спросил, обращаясь к штурману, Греммин.

— Они прибыли в замок английского инженера за три дня до его приезда, и теперь будут украшать обеды и рауты и развлекать гостей веселыми разговорами, танцами, пением и музыкой.

Моторная лодка подошла к пристани замка. Нарядные женщины выпорхнули на устланный коврами и украшенный цветами помост, не переставая щебетать, и в это время появился владелец замка.

Его бледное, утомленное лицо было холодно, а глаза с разочарованным и презрительным взглядом скользили по прическам и платьям, не останавливаясь ни на минуту.

Вдруг он выпрямился и с удивлением поднял голову. Еще через мгновение он слегка улыбнулся и почтительно поднял шляпу, подойдя к самым сходням и глядя на девушку, оставшуюся в лодке.

— Сударыня, а вы? Разве представители всемирных трестов не удостоятся чести видеть вас в числе своих друзей?

— Простите, сударь, но я туристка! — ответила девушка, с удивлением и смущением глядя на Брайтона.

— Туристка? — протянул с оттенком удивления англичанин.

— Да! Я путешествую вместе с инженером Греминым.

Джемс Брайтон вздрогнул. Его мрачные глаза вспыхнули, и он остановил их на инженере.

— Простите! — сказал он. — Я должен был знать, что такой выдающийся человек находится вблизи моего замка. Я очень рад и поздравляю вас с большим счастьем: быть спутником такой прелестной дамы!

Говоря это, он поклонился и сразу умолк.

— Цель моего приезда сюда, — сказал, вставая, Гремин, — встретить здесь вас всех...

— Уж не готовите ли вы покушение на нас? — улыбнулся англичанин.

— Вы сами не верите тому, что говорите, — ответил Гремин. — Я прибыл сюда со сравнительно мирными намерениями, поскольку, конечно, вы захотите этого. Мне надо говорить с вами, господа.

— Быть может, вы предпочтете переговорить сначала со мной? — спросил, вскидывая на собеседника мрачные глаза, Джемс.

— Если вам угодно, то я к вашим услугам, — сказал Гремин. — Где и когда?

— Когда? — протянул англичанин, обдумывая что-то. — Хотя бы завтра утром, только вот где? Это труднее решить, так как вы, вероятно, будете опасаться посетить мой замок.

— Нет, почему же? — улыбнулся Гремин. — Я буду у вас в вашем замке. Мне это безразлично, лишь бы скорее, так как я тороплюсь.

— Вы храбры! — сухо засмеялся англичанин и взглянул на девушку.

— К тому же я отлично вооружен, — также со смехом ответил Гремин.

— Итак, до завтра?

Брайтон поднял шляпу и молча провожал глазами Нину, изредка встречаясь с нею взглядом.

Лодка поворачивала и шла к другому берегу, поднимая за кормою высокую волну.

Выйдя на набережную, Гремин взял Нину под руку, и они пошли в гору, к гостинице, где у входа их встретил седой величественный старик с яркими детскими глазами.

— Ты видел его, Павел? — спросил он негромко, трогая инженера за плечо. — Ты видел Джемса Брайтона?

— Видел и говорил, — ответил Гремин. — Завтра у меня с ним встреча, а потом с ними...

— Ступай! — прошептал старик, когда они пришли в гостиницу. — Скажи им в глаза, что конец их близок.

— Отец! — тихо проговорила девушка. — Павла могут убить... Я боюсь за него...

— Его защищает знание, — прежним горячим шепотом произнес старик.

— Но если ему даже суждено погибнуть, пусть идет... пусть идет...

Девушка больше не возражала. Изредка она вскидывала глаза на Гремина, а когда он вышел на веранду, она догнала его.

— Это опасно? — спросила она, кивнув на видневшийся вдаль замок.

— Не знаю, — ответил он. — Но вот что, Нина. Мне показалось, что ты смутилась, встретившись с Брайтоном, да и на его лице я видел странную улыбку удивления, так не

идущую к его мрачным глазам.

— Я сама не знаю! — сказала она, медленно произнося слова. — Мне кажется, что я встречала его. Когда я в Балтиморе оканчивала медицинскую школу, в клинику принесли юношу с раздробленным плечом и сломанной рукой. Это был молодой ученый, производивший исследования новых взрывчатых веществ. Лицо Джемса Брайтона напомнило мне о том случае...

— Значит, я не ошибся, — заметил инженер, и они вернулись к старику.

Когда пробило девять часов вечера, Греммин поднялся и пошел в свою комнату.

II

Призрак смерти

Греммин быстро вошел к себе и открыл небольшой черный футляр, стоявший на окне.

Он достал из него аппарат, напоминающий телефонный прибор с помещенным впереди матовым стеклом.

Греммин сел к столу и, приложив трубку к уху, нажал кнопку.

Внутри аппарата раздался еле слышный треск и легкое шипение; потом все смолкло, а на доске появилось изображение.

Огромная зала с колоннами из белого мрамора и с лепным потолком освещалась люстрой из длинных кристаллов горного хрусталя, аметистов, бериллов и аквамаринов... Посредине бил фонтан, разбрызгивающий струю на растущие вокруг растения. Под гигантскими пальмами, широко раскинувшими перистые листья, стояли длинный стол из красной яшмы и семь кресел, крытых мягкой серебристой кожей.

В зале было лишь два человека.

Джемс Брайтон, поддерживая под локоть пожилого, толстого человека с красным лоснящимся лицом, ходил по зале. Оба молчали.

Наконец, толстый человек заговорил. Голос у него был хриплый и злой.

— Зачем и здесь ты хочешь совещаться о делах?

— Молчи, Ганс, — ответил англичанин. — Произошло важное событие... Скажу больше, нам, кажется, угрожает опасность.

— Нам грозит опасность? — переспросил Ганс. — Разве может она нам угрожать?

— Да! — нетерпеливо прервал его Джемс. — Но об этом тогда, когда соберутся все.

Они ходили молча, занятые каждый своими мыслями,

пока в зале не собрались все гости Джемса Брайтона.

Когда они уселись, спокойно, но пытливо глядя на хозяйна, англичанин встал и обвел присутствующих мрачным взглядом.

— Мне приходится начать с извинений, — начал он. — Я пригласил вас провести у меня летние месяцы, отдохнуть от дел и зноя, но обстоятельства требуют от нас глубокого раздумья и почти немедленного решения.

— Что случилось? — слышались сухие и деловитые голоса.

— Поблизости находится русский инженер Гремин, ученик таинственного ученого Русанова, человек, который уже не раз доставил нам немалые хлопоты и огорчения, — произнес, отчеканивая каждое слово, англичанин. — Он хочет говорить с нами.

— Между нами война! — ударяя кулаком по столу, воскликнул молодой бледный Анри Массакрэ, глава хлебного треста. — Нам не о чем говорить с ним, пока мы не победили!

— Чтобы победить, нужно найти их логовище и взять их, — произнес, разглаживая бороду, создатель всемирного мясного синдиката Шублер. — Почему не послушать?

— Нет! — крикнул, вскакивая с места, Ганс. — Зачем переговоры? Эти негодяи достойны смерти!

— Какое средство рекомендует собрание для борьбы с Греминым? — спросил спокойным голосом Брайтон. — Я могу задать этот вопрос, потому что предполагаю решительные требования и выступления русского инженера.

Все молчали. Только Ганс подскочил в кресле и бросил:

— Даю десять миллионов золотом на розыски и арест обоих русских! Десять миллионов!

Брайтон презрительно поморщился и твердым голосом произнес:

— Я не считаю эту меру разумной, потому что не знаю, нет ли, кроме Гремина и Русанова, еще десятков или сотен таких же, как они, людей. Я предложил бы себя в качестве посредника между представителями мировых трестов и синдикатов и русскими изобретателями. Я приложу все уси-

лия к тому, чтобы они перешли на нашу сторону. Прошу вашего решения, господа, так как завтра утром у меня встреча с инженером Греминым.

Воцарилось глубокое молчание.

Слышался только плеск фонтана и шелест капель воды, падающих на листья пальм.

Все присутствующие так ушли в свои мысли, что не замечали появившихся на мраморной стене неясных отблесков, быстро скользящих и сливающихся в одно световое пятно.

Наконец, все, кроме Брайтона, наклонились над столом и, вынув банковские книжки, написали чеки. Чеки легли перед англичанином.

— Десять миллионов... пять миллионов... пятнадцать миллионов... — читал вслух Брайтон. — Это на подкуп русского инженера, господа?

Но представители трестов поднялись и, уже спокойно глядя на Брайтона, произнесли:

— На уничтожение Гремина и старого ученого!

Англичанин встал и поднял глаза вверх.

Одно мгновение всем казалось, что Брайтон вдруг что-то вспомнил, но взгляд его оставался неподвижным, и взоры всех направились в ту сторону, куда инженер смотрел.

Шепот изумления пронесся по залу.

На белой стене ярко мерцали зеленовато-голубые буквы:

«Я принимаю ваш вызов и, хотя в настоящую минуту мог бы скинуть на ваши головы крышу всего здания, я предпочитаю дожидаться дня последнего боя. Мои предложения таковы: вы должны уничтожить систему искусственного подбора людей и отказаться от захвата в свои руки жизни человечества. Я жду ответа. Гремин».

Буквы погасли, и в зале стало темнее. Казалось, что жуть повисла в воздухе, и призрак смерти притаился за мраморной колонной. Брайтон оглядывал изумленных гостей, но они молчали, не решаясь произнести приговора, может быть даже, самим себе.

«Я жду ответа!» — загорелась вновь надпись и погасла, а вслед за нею неожиданно рухнула угловая колонна, прев-

ратилась в туман и вспыхнула ослепительным огнем, обдав присутствующих нестерпимым жаром.

— Нужны переговоры... — хриплым голосом произнес Масакрэ, потирая холодные руки.

Остальные молчали.

— Итак, вы уполномочиваете меня, господа? — спросил Брайтон.

Все кивнули головами и поспешно покинули залу.

Англичанин остался один, подошел к месту, где была колонна, но не найдя там ни следа от камня, пожал плечами и в глубоком раздумье долго ходил по зале, морща лоб и хмурия брови.

Уже начал алеть восток, когда Брайтон вышел из залы и пошел в спальню, сопровождаемый слугами и дворецким, ждущими от него приказаний.

— На завтра парадный обед и большую воздушную яхту к вечеру! — бросил он на ходу, и глаза его уже по-прежнему мрачно и сосредоточенно смотрели перед собой.

III

Борьба начинается

Ровно в восемь часов утра Джеймс Брайтон был в кабинете.

Большая, обитая черной кожей комната с мягкой и такой же черной мебелью и огромными книжными шкафами была увешана таблицами, картами и чертежами.

Инженер ходил из угла в угол и изредка поглядывал на циферблат часов, висящих над дверью.

Вошел слуга и подал визитную карточку Гремина.

Брайтон кивнул головой и остановился посередине кабинета, повернувшись лицом к выходу.

Когда Гремин вошел, англичанин с любезной улыбкой встретил его и указал рукой на удобное кресло.

— Простите, — прервал молчание гость. — У вас, кажется, была сломана рука?

Брайтон засмеялся, и его глаза радостно блеснули.

— У меня взрывом раздробило левую руку и плечо, но все это уже давно прошло, — сказал он.

Гремин потупился и, помолчав, продолжил:

— Итак, вы уже знаете мои условия, а руководители трестов согласились вести переговоры с нами. На какие же уступки согласны вы идти?

Джеймс молчал. По его лицу бродила неопределенная улыбка.

— Я вас слушаю, — сказал Гремин.

— Мне кажется, что вы совершенно не знаете нашего общественного строя в областях производств, на концессиях трестов? — тихим голосом спросил англичанин.

— Я его не знаю, — согласился Гремин. — Но я знаю, что вы разделили человечество на наслаждающихся и на работающих всю свою нерадостную жизнь в первом, втором или третьем ярусах подземелий!

— Вы забыли еще об одном классе современных людей: о мыслителях, работающих всю свою нерадостную жизнь, — негромко сказал Джемс. — Эти люди — мы!

— Мне нет дела до вас! — нетерпеливо прервал его Гремин. — Вы пережитки давно умерших безумцев, вся жизнь которых ушла на накопление золота и богатств. Что же нужно вам? Ведь вы владеете сокровищами всего мира?

Англичанин задумчиво покачал головой.

— Мы хотим создать счастливое человечество, — сказал он.

— Счастливое человечество? — воскликнул Гремин. — Вы заботитесь о человечности, загнав его в подземелья, на глубину семи верст.

— Да, — сказал Брайтон. — Мы хотим регулировать количество населения Земли, хотим создать такой вид промышленности, который бы позволил всем людям пользоваться благами жизни.

Гремин встал. Он был бледен и дрожал от негодования.

— Вы, руководители трестов, так думаете? — спросил он, сжимая кулаки. — Вы издеваетесь надо мной?

— Так думаю я! — сказал с ударением Брайтон. — Что же касается иных, то ими тайно руководят другие, например... я.

— Мы уже давно с Русановым знаем эти способы предоставления всем людям счастливой жизни, — сказал Гремин, — но пока ничего не говорим. Мы боимся, что вы захватите наши изобретения и превратите их в орудия против людей!

Он засмеялся и тяжело опустился в кресло.

— Если мы потомки безумных богачей, то вы, вероятно, потомки революционеров? — улыбнулся Брайтон.

— Нет! Я только всегда думаю, что человечество уже около пяти веков напрасно бьется из-за хлеба и крова. Все это уже давно дало знание! Только наука могла освободить человечество, и она это сделала! Но люди не признавали и не признают этого!

Англичанин молчал и внимательно слушал инженера. Когда тот закончил, Брайтон долго ходил по кабинету и что-то обдумывал.

— Вот что я предложу вам, — сказал он, подходя к Гремину. — Вчера вы были на озере с девушкой. Я ее немного знаю. Быть может, она не откажется совершить с нами путешествие по нашим концессиям? Это путешествие позволит нам выяснить многое и обсудить те уступки, которые могут сделать тресты.

— При чем же здесь девушка? — насторожился Гремин.

— Я бы очень вас об этом просил, — тихо сказал Джемс.

— Хорошо, — пожал плечами инженер. — Перед нами слишком важная задача, чтобы стоило спорить из-за вашей прихоти, если только, конечно, моя вчерашняя спутница захочет исполнить вашу просьбу.

— Отлично! — сказал англичанин. — Я провожу вас до гостиницы.

Перед дворцом уже был Ганс.

Он быстро шел им навстречу и был сильно возбужден.

— Это кто с тобой? — грозно крикнул он, поравнявшись с Брайтоном.

— Это мой гость! — ответил англичанин. — И ты это должен помнить, мой друг!

Но Ганс крикнул:

— Это Гремин, проклятый безумец!

Он выхватил из кармана револьвер и, почти прижав его к груди Гремина, сделал три выстрела.

Инженер даже не пошевелился, а пули, рассыпаясь в прах, вспыхивали у его ног, не коснувшись тела.

В следующий миг Джемс двумя сильными ударами свалил на землю Ганса и зашипел прерывающимся от бешенства голосом:

— Глупое животное! Убийца! Трус!

Гремин успокоил Брайтона.

— Мне ничего не угрожает, — сказал он. — Я окружен атмосферой лучей, которые, лишь только коснутся какого-то вещества, уничтожают его. Оно распадается сразу и выделяет всю ту энергию, что когда-то пошла на создание вещества.

— Следовательно, вы можете уничтожить все наши здания? — спросил Брайтон.

— Я вас об этом предупредил еще вчера вечером... — ответил Гремин.

Они молча переехали озеро и уже подходили к гостинице, когда Гремин остановился и дотронулся до руки англичанина.

— Я бы просил вас не называть своего имени, — сказал он.

— Почему? Девушка, которая вчера была с вами на озере, слышала мое имя? — спросил, с удивлением пожимая плечами, Джеймс Брайтон.

— Да. Но вы встретите здесь старика, который не должен пока знать вашего имени, — уклончиво ответил инженер.

Брайтон молча приподнял плечи.

Их встретила Нина. Увидев Гремина в обществе англичанина, она очень удивилась.

— Позвольте вас познакомить! — сказал, выразительно взглянув на девушку, инженер Гремин, — наш гость, доктор Смайлз, а это моя молочная сестра, Нина!

Когда происходило это знакомство, на веранду вышел старик Русанов.

Его горящие глаза остановились на Брайтоне и, казалось, заглянули в душу англичанина, но, услышав неизвестную фамилию, он успокоился и пригласил всех в гостиницу.

IV

В аду

Через несколько часов, в разгар шумного обеда в замке Брайтона, его воздушная яхта «Орел» легко скользнула с помоста и с тихим гудением, описав огромную дугу, быстро пошла на запад.

Отсутствие хозяина заметили, но на все вопросы никто не мог дать ответа.

Руководители трестов загадочно улыбались. Они знали, что Джемс не теряет времени и исчез куда-то, чтобы действовать и бороться с таинственным врагом.

А в это время воздушное судно уже приближалось к той части Европы, где некогда была Германия.

У окна боковой каюты стояла группа пассажиров. Здесь были Брайтон, Гремин, Нина и Русанов. Внизу мелькали города, соединенные линиями железных дорог, которые служили лишь для перевозки грузов. Иногда судно попадало в сноп света, бросаемого прожектором, и тогда шло, как белое видение, неуловимое и призрачное, унося людей в сторону моря.

На другое утро судно опустилось в местности, покрытой какими-то вышками и целой сетью железных дорог.

— Это главные фабрики железного и стального треста, — сказал Брайтон. — Здесь же расположены каменноугольные копи и фабрики нефти.

Англичанина с большим почетом встречали директора треста.

— Мы хотим спуститься в третий ярус, — приказал Брайтон, когда все они уже находились в кабине подъемной машины.

— Это невозможно, — ответил сопровождающий их директор. — В третьем ярусе бунт литейщиков.

— В третий ярус, сударь! — быстро повернулся к нему англичанин. — Я, кажется, довольно ясно передал вам наше же-

лание?

Кабина начала быстро опускаться. Сквозь стеклянные стены кабины виднелись широкие галереи, расходящиеся в разные стороны.

Они были ярко освещены.

Когда машина остановилась, перед путешественниками открылась короткая галерея, в конце которой виднелось широкое пространство, освещенное желтым светом.

— Как глубоко находимся мы под землей? — спросил Греммин.

— Пять верст, — ответил директор, — но подземелье понижается и достигает глубины семи верст. Вас, вероятно, удивляет, что здесь сравнительно не ярко и не душно? Это объясняется тем, что по стенам галерей рабочих и жилых помещений проходят охлаждающие трубы с жидкой углекислотой, и сжатый воздух вгоняется особыми насосами в галереи.

— Сейчас, — продолжал директор, — мы увидим чугуноплавильные печи!

На большой круглой площади виднелся ряд кровокрасных окон, сквозь которые лился зловеющий свет от расплавленного чугуна. Около массивных железных дверей копошились люди. Они, как черные тени, мелькали в разных местах, подвозя тачки с углем и рудой, забрасывая их в печи, прочищая решетки топок, с лязгом и грохотом опуская тяжелые двери и выливая ослепительно белый металл в каналы, ведущие к фабрикам стали.

Через ровные промежутки времени из отверстий в печах брызгал расплавленный металл или прорывалась тонкая струя пара и почти касалась обнаженных тел рабочих. Иногда из стен печей, как жала огромных змей, быстро и беззвучно выскальзывали острые ножи и мелькали в воздухе, проходя рядом с грудью только что шагнувшего вперед кочегара или литейщика.

— Что это? — в ужасе воскликнул Русанов.

— Это система рациональной работы, — с легкой усмешкой произнес Брайтон. — Рабочие, благодаря этой системе, привыкают лишь к необходимым движениям и совершают

их с точностью и быстротой машины.

— Что же делают те, которые не способны к такому труду? — так же пылко спросил старик.

— Они погибают, — подсказал директор.

И, как бы отвечая на эти простые и жестокие слова, у крайней печи раздался короткий крик, звучавший смертельным ужасом и сразу же оборвавшийся.

Все бросились туда. У самой почти дверцы открытой печи лежал человек. Это был кочегар с загорелым лицом и красными воспаленными глазами. Он умирал. Раскаленный чугун попал ему на грудь; она дымилась, а из-под огненно-красного, въевшегося в тело комка чугуна виднелась обугленная кожа и окровавленное мясо.

— Он опоздал, — хладнокровно заявил директор треста, — и из контрольного отверстия на него попала струя чугуна.

— Ведь это убийство! — воскликнул Гремин, и в это время из боковой галереи со свистом, криком и завыванием ворвалась толпа рабочих. Среди них были женщины и подростки. Они кричали:

— Трест еще ускоряет ход работ! Сегодня погибло в округе пятьсот человек! Мы не машины!

Увидев директора, который пытался спрятаться за Брайтона, толпа двинулась на него.

— Ты убийца! — крикнул один рабочий и, размахнувшись, пустил в него камень.

Директор отскочил в сторону, и камень глухо ударился в грудь Джемса. Тот пошатнулся, лицо его побледнело, и он упал навзничь.

Нина и Гремин начали помогать ему. С трудом им удалось привести в чувство англичанина, но все-таки усилия их увенчались успехом: Джемс поднялся. Он еще шатался и неуверенно двигал ногами, однако довел всех до подъемной машины и приказал поднимать.

— Я прикажу заманить бунтовщиков в секретную камеру, — сказал, снимая перед Брайтоном шляпу, директор треста. — Эти дерзкие звери задохнутся там.

Он уже схватил в руки трубку телефона, но англичанин одним прыжком очутился около него и оттолкнул от аппа-

рата.

— Если хоть одному из литейщиков будет назначено наказание, вы, сударь, будете иметь дело со мной. Понимаете?

И, не дожидаясь ответа от изумленного директора, он подошел к окну, не глядя ни на кого и чувствуя на себе взгляд ярких глаз старика.

— Я вас не понимаю, — начал вновь директор. — Распоряжением Генерального Совета Директоров на всякое проявление протеста наложены строгие наказания. Я не имею права им не подчиняться!

— Заявите вашему Генеральному Совету, сударь, что я приказал не подвергать этих рабочих никаким наказаниям. Если же вас спросят эти господа, почему я отдал такое распоряжение, заявите им, что вы видели людей, которые могли бы уничтожить все и всех, но не сделали этого из чувства жалости. Эти люди — инженер Гремин и его учитель Русанов...

С этими словами Брайтон лукаво улыбнулся и протянул руку старику, не обращая внимания на перепуганное и растерянное лицо директора.

Гремину не понравилась пронизательность англичанина, узнавшего Русанова, и он был настороже, ожидая засады. Однако открытый взгляд Джемса и его приветливость к Русанову скоро рассеяли опасения инженера.

На уровне первого яруса внимание Гремина было привлечено фиолетовым светом.

— Это искусственное освещение, содействующее быстрому росту овощей, фруктовых деревьев и цветов. Здесь под влиянием этих лучей мы получаем до десяти урожаев в год.

— Скажите, у вас и здесь имеется... контрольная система? — спросил с мрачным любопытством Русанов.

— Конечно, и с этой точки зрения она еще более жестока, — ответил Брайтон. — Но не стоит об этом говорить. Это — печальная необходимость. Нам надо очень много разных продуктов, а пока наши инженеры не придумали еще таких автоматов, которые могли бы совсем заменить физический труд человека.

— Зачем? Вы сделали все возможное для того, чтобы население уменьшилось, — сказал Греммин.

— Это правда, — согласился англичанин. — Но, с одной стороны, земная кора настолько охладела, что на ней могут созревать лишь злаки и расти деревья. Нам пришлось уйти под землю со значительной частью сельского хозяйства. Подземелья же наши несравненно меньше, чем земная поверхность, вот почему нам так надо торопиться. Кроме того, при той лихорадочной работе, какую вы наблюдали и которая кипит у нас повсюду, мы усиленно питаем наших рабочих. Немало нужно пищи и разных продуктов для «свободных»...

— Это для вас, директоров и главарей трестов? — спросил Русанов.

— Нет! — возразил Брайтон. — «Свободные» — это освобожденные от работы. Освобождаются же они таким образом: заработавший определенное количество золота в третьем ярусе переводится во второй, если он сумеет заработать новое количество золота и там, он переходит в первый ярус и, наконец, на поверхность Земли, где через три года работы переходит в число «свободных». Вот почему рабочие редко ропщут и по целым годам не покидают подземелий, работают, борясь за счастье попасть в класс «свободных», а их у нас около пяти миллионов. Жизнь «свободных» — это отдых, лень, наслаждение, праздник, — называйте это, как хотите, но все-таки я утверждаю, что их жизнь куда лучше нашей...

Он замолчал, провел рукой по лицу и с утомленным видом закрыл глаза.

— Вы опять, Нина, — сказал он, когда девушка подошла к нему, — помогли мне в несчастье, и я не знаю, как благодарить вас.

— Я же врач, — ответила девушка, — я обязана помогать всем, даже врагам.

— Всем... даже врагам... — повторил Брайтон. — Что же? Я знаю, что вы меня считаете врагом...

— Нет! — просто ответила девушка. — Я не знаю этого. Порой мне даже кажется, что вы совсем не враг. Я только

многого не понимаю пока...

Брайтон улыбнулся и приказал дать самый быстрый ход подъемной машине.

— Вы это поймете у меня в замке на Арте! — загадочно шепнул он.

Выйдя из кабины, Брайтон пригласил спутников на воздушную яхту и приказал пилоту:

— В замок Арты!

И «Орел», распластав свои белые крылья, понес их на юг.

V

Бой в воздухе

На другое утро, когда все собрались в столовой судна, откуда открывался вид на три стороны, Нина подошла к окну и любовалась земными долинами, по которым бежали реки, кажущиеся голубыми лентами.

— Как прекрасен мир! — воскликнула она с восторгом, глядя на раскинувшиеся внизу леса и поля, кое-где перерезанные дорогами; вокруг них тонули в тенистых парках роскошные замки и дома «свободных». — Какой ужас охватывает меня при воспоминании о тех несчастных, которые бьются там в подземельях!

Джемс молчал.

К нему подошел Русанов и положил ему руку на плечо.

— Зачем, — шепнул он страстно и горячо, — зачем за спиной этих рабов вы поставили страшного надсмотрщика — Смерть? Вы этим превратили их жизнь в пытку!

— Это ввели до меня, — ответил англичанин. — Но теперь уже поздно возвращаться. Машина пущена, и остановить ее нельзя...

— Разве нельзя изменить ее движение? — спросил Греммин.

— Нет! Вся культура, все знание находится в руках двух или трех десятков людей. Если они погибнут — исчезнет все то, что люди завоевали вековой борьбой, и человечество вернется в первобытное состояние.

— Это лучше, чем рабство! — воскликнул Греммин.

— Это правда! — согласился Брайтон. — Но вы забываете, что условия изменились. Земля охладилась, недра ее опустошены, и новому первобытному человеку, вооруженному лишь желанием жизни, вторично не победить природу.

Все замолкли, а Брайтон продолжал:

— Вы говорите, что мы захватили свободу и жизнь людей? Это пустяки! Мы отняли у них душу, наследственное дос-

тояние их предков, добытое жизнью и кровью тысяч поколений. Они нищие, и мы их кормим. Если же мы погибнем — они в доме, наполненном богатством и пищей, не найдут ничего для жизни — так хорошо мы это утаили.

Англичанин сухо рассмеялся и начал ходить по каюте.

— Меня считают революционером и мечтателем, — сказал он. — И все только потому, что я уверен в гибели всех нас и не хочу остаться в памяти людей ни безумным скупцом, ни просто неизвестным, владевшим в свое время половиной мира. Я оставлю человечеству великолепное завещание! Мною изобретены конденсаторы человеческой энергии. Если в то время, когда мы, руководители трестов и строители современной жизни, исчезнем, люди приведут в действие мои конденсаторы, в их мозгу возникнут все те идеи, которые теперь так хорошо известны и использованы нами. Подобно тому, как граммофон передает людям лучшие образцы литературы и музыки, проекционный фонарь — живопись и скульптуру, так мой конденсатор возбуждает в людях идеи и пути их выполнения. Таково мое духовное завещание.

— Я не ошиблась... — сказала Нина, протягивая Джемсу руку. — Я недаром невольно доверяю вам.

Брайтон поцеловал руку девушки и сказал:

— Я потомок великого поэта и драматурга, — и, вероятно, поэтому я думаю, что единственное счастье на Земле — любовь. Пусть же она озарит мое имя хотя бы после смерти!

Резкий звонок прервал его слова. Джемс взял телефонную трубку и спросил:

— Что случилось?

Ответил дежурный пилот.

— Сударь, с юго-востока я вижу стаю гарпий!

Англичанин, не сказав ни слова, бросился к лестнице, ведущей в стеклянную башенку, расположенную над судном. Отсюда при помощи бинокля он отыскивал вереницу черных точек, напоминающих косяк летящих осенью журавлей.

Но это были не птицы, и Брайтон насторожился.

Наперерез его воздушной яхте шло большое боевое судно, окруженное гарпиями. Это были маленькие быстроходные аэропланы, построенные из стали и несущие на своих острых носах летучие мины.

Джемс спустился в каюту и, пройдясь несколько раз вдоль всего помещения, отдал по телефону приказание:

— Вся команда по местам! Приготовить большие прожекторы!

Затем он обратился к присутствующим:

— Господа! Я не могу от вас скрыть, что за нами гонится боевая воздушная эскадра треста. Нет сомнения, что <они> узнали о вашем пребывании на «Орле» и хотят вас арестовать.

— Вы предатель! — сказал мрачным голосом Гремин. — Но знайте, что вы погибнете вместе с нами...

— Не время спорить и угрожать! — сухо ответил Брайтон. — Надо действовать! Желаете ли вы помочь мне?

— Я готов! — сказал Гремин.

— Пусть всякий возьмет на себя защиту одной стороны нашего судна, — сказал Джемс. — Это нелегкое дело, конечно, так как «Орел» — яхта, а на нас идут быстроходные боевые суда, вооруженные артиллерией и минами.

— Я возьму на себя защиту носовой части! — сказал Брайтон. — А вы, Нина, если доверяете мне, оставайтесь здесь!

— Я остаюсь! — ответила девушка.

Англичанин с благодарностью взглянул на нее и быстро вышел.

На мостике, расположенном почти на носу «Орла», копошились пилоты и устанавливали прожекторы, соединенные толстыми проводами с черными стальными ящиками. Большое военное судно остановилось на значительном расстоянии. На нем заколыхались сигнальные флаги, а вслед за этим заработал беспроволочный телеграф, вызывая «Орел».

— Что вам угодно? — спросил англичанин. — Я Джемс Брайтон!

— Генеральный Совет всемирных трестов предлагает вам немедленно сдать судно!

— Судно принадлежит лично мне, и никто не имеет права препятствовать мне лететь, куда я хочу.

— Я получил предписание арестовать вас!

— Попробуйте! — протелеграфировал Брайтон.

— Если вы не повинуетесь, — пришел ответ, — я отдаю приказ о нападении!

Англичанин прекратил переговоры и приказал что-то дежурному пилоту. «Орел» сразу же начал описывать большой круг, медленно поднимаясь все выше и выше.

Одновременно со всех сторон судна загорелись прожекторы. Их ослепительный след спорил с лучами солнца, и казалось непонятным, зачем Брайтон зажег огни на «Орле». Англичанин обошел всех людей, стоящих у прожекторов, и что-то объяснил Гремину и Русанову, взявших на себя оборону бортов.

Но в это время грянул первый выстрел.

Брайтон бросился на нос яхты.

Военное судно несколько удалилось. Оно еще было окутано легким дымом, но сквозь дым были видны красные флаги, выброшенные на боковых галереях.

— Бой начался! — крикнул Джемс. — Внимание!

Две гарпии выделились из строя и быстро пошли на встречу «Орлу», а третья, описав дугу, начала подходить сбоку.

Яхта англичанина, не останавливаясь, поднималась вверх. Работали лишь верхний и нижний пропеллеры. Джемс вдруг быстро повернул судно и полным ходом пошел на нападающих.

С каждым мгновением гарпии становились ближе. Уже можно было различить глазом людей, копошившихся у мин, как вдруг носовые прожекторы на миг осветили бледными лучами темные тела гарпий, и тотчас же свет сделался розовым, а затем багровым. Казалось, что он въедается во мчащихся к яхте врагов. Оглушительные взрывы раздались на гарпиях, и исковерканные обломки стальных листов, куски дерева и обрывки человеческих тел начали со стремительной быстротой падать вниз.

Третья гарпия успела выпустить мину, но смущение, которое овладело ее командой, не позволило взять правильный прицел, и снаряд, гудя и оставляя за собой длинную полосу дыма, пронесся дальше.

«Орел» ловким маневром догнал убегавшее судно и, встав над ним, сбросил снаряд. Опять черные обломки понеслись к земле и, ударившись об нее, превратились в песок, мелкие осколки и бесформенные куски окровавленного мяса и мозга.

Заговорили орудия военного судна, но снаряды не долетали до «Орла». Он забирался все выше и выше.

Два раза гарпии шли в атаку, но отступали, едва падали на них багровые лучи прожекторов.

— Нам бы продержаться так до ночи, а там мы им покажем один фокус! — весело крикнул Брайтон появившемуся из боковой галереи Гремину.

Но, словно отвечая ему, гарпии поднялись выше и начали наступление. Заработали прожекторы. Несколько судов взорвалось, другие загорелись и начали быстро опускаться на землю. Однако перевес был на стороне нападающих. Уже несколько мин взорвались возле самого судна и снесли один прожектор.

Англичанин понял, что ему надо отступить и пытаться сдерживать врага на расстоянии, сосредоточив на нем лучи всех прожекторов.

Он уже хотел сделать распоряжение о новом маневре, как вдруг увидел, что две гарпии внезапно исчезли, а на их месте вспыхнули красноватые огоньки.

— Мой аппарат! — крикнул Гремин. — Я совсем о нем забыл!

Он бросился в кормовую каюту, а за ним поспешил и Брайтон.

Они остановились в изумлении.

Нина поместила прибор на столе и, следя в бинокль за гарпиями, наводила на появляющиеся за кормой суда потоки невидимых лучей.

— Вы нас спасли! — восхищенно глядя на девушку, воскликнул Брайтон. — Теперь мы посмотрим!

Когда аппарат был перенесен на нос и очутился в опытных руках Гремина, гарпии одна за другой начали бесследно исчезать, словно таять в воздухе, а военное судно, не дожидаясь конца боя, быстро удалялось к северу, изредка стреляя из кормовых пушек.

Бой был окончен, и «Орел» продолжил свой путь.

К стоящему на боковой галерее Джемсу подошел Гремин.

— Жаркий день был сегодня... — проговорил он.

— Да!.. — неохотно и резко ответил англичанин.

— Завтра, вероятно, новая эскадра будет нас преследовать? — продолжал русский инженер.

— И завтра вы опять скажете, что я предатель! — мрачно произнес Брайтон.

— Нет! — ответил Гремин. — Я прошу у вас прощения и сознаюсь, что оскорбил вас своими подозрениями. Что бы ни случилось, я всегда буду считать вас благородным человеком!

Брайтон сделал быстрое движение, будто хотел броситься к Гремину, но удержался и вновь потупился, сдвинув густые брови.

— Вам недолго считать меня предателем или благородным человеком, — произнес он. — Моя песенка спета... Я очень скоро должен погибнуть.

Гремин молчал, так как знал, что Брайтон говорит правду, сознавая, что ему не под силу одному вести борьбу со всемогущим Генеральным Советом трестов.

Мучительное и тяжелое молчание длилось долго; его прервал голос Нины.

— Я не думаю, что ваша судьба уже решена, — сказала она, обращаясь к Джемсу. — Почему бы вам не примкнуть к нам? Мы также хотим счастья человечеству, и мы добьемся этого!

Джемс вспыхнул, но тотчас же справился с собой и сказал:

— Я не могу жить без доверия к себе, а вы не можете мне доверять. Ведь я Джемс Брайтон!

И он горько рассмеялся.

— Нет, мы доверяем вам! — воскликнул Греммин.

— Ваш приход к нам — начало нашей победы! — торжественным голосом произнес Русанов, входя на галерею. Его глаза горели огнем вдохновения, и рука протянулась над головой англичанина.

Брайтон окинул всех взволнованным и радостным взглядом и молча решительно кивнул головой.

Потом, подойдя к Нине, он прижал ее руку к губам и шепнул:

— Вы в одном ошиблись! Моя судьба решена!

Вечером они увидели верховья Арты, и около полуночи Джемс, радостный и возбужденный, вошел в кормовую каюту и сказал:

— Сейчас я вам покажу свой дом, где я не Джемс Брайтон, а человек!

Он хотел уже протянуть руку и подошел к окну, но тотчас же со стоном отскочил.

Все кинулись к окнам.

Внизу ярко пылало пламя. Видно было, как вскидывалось злое пламя и металось, пожирая все, что попадалось ему на пути.

Брайтон тяжело опустился в кресло:

— Они сожгли все, что я ценил в жизни...

Он закрыл лицо руками и глухо зарыдал.

VI

«Земля Побеждающей Мысли»

Спустя несколько дней большое воздушное судно с зажженными боковыми огнями мчалось глубокой ночью над необозримой пустыней Азии.

Широкоплечий человек, закутанный в плащ, стоял на мостике. Глаза его блестели, а ноздри жадно втягивали свежий морской ветер, дувший навстречу судну.

Появилась еще одна фигура. Шорох ее платья услышал стоящий на мостике и быстро обернулся.

— Я ждал тебя! — сказал он. — Я так счастлив, но мне нужно всегда видеть тебя, Нина, рядом с собой. Сам того не сознавая, я любил тебя с первой нашей встречи в Балтиморе! Я невольно вспоминал о тебе, и ты являлась иногда мне во сне. Тогда я смеялся над собой, но теперь я понял все. Я тебя люблю, и мы должны были встретиться...

Нина молчала. Она только подошла ближе к Брайтону и подала ему руку. Они долго стояли и дышали полной грудью, чувствуя, как горит в их сердце любовь и постигая красоту и величие мира. Бледный свет луны охватил их, прижавшихся друг к другу с доверчивой и теплой лаской, а внизу кипел океан и, казалось, хотел доплеснуть до судна пенные гребни волн.

— Тихий океан! — крикнула Нина. — Сейчас будет наш остров, наши друзья и новая жизнь!

Отвечая ей, снизу поднялась к облакам широкая полоса ослепительного света, побежала, сразу нашла яхту и залила ее потоком ярких лучей.

Русанов, выйдя из каюты, встал на самом открытом месте судна и снял шляпу.

Внизу вспыхнули разноцветные огни, и тотчас же ярко осветилась большая площадь.

«Орел», медленно кружась, опускался.

Толпа мужчин, женщин и подростков окружила яхту.

Все пожимали руки Русанову, Гремину и Нине.

Когда крики и приветствия улеглись, старый ученый встал и крикнул:

— Привет Джемсу Брайтону на острове свободных людей!

— Привет! Привет! — подхватила толпа и старалась увидеть английского изобретателя, имя которого было окружено зловещим ореолом.

— Он наш друг и союзник! — крикнул опять Русанов.

— Ура! — пронеслось над толпой.

Всю ночь не расходились люди и не отпускали прибывших.

— Скоро ли начнем последнюю войну? — спрашивали наиболее нетерпеливые.

— Теперь скоро! Очень скоро! — успокаивал их Гремин.

Солнце еще не поднялось к зениту, а Гремин уже показывал Брайтону все то, чего достигли жители острова, бежавшие сюда от промышленных королей.

Англичанин осматривал все заводы и их изделия с глубоким вниманием, делаясь своими впечатлениями с инженером.

Его ум, изодранный в жестокой борьбе трестов с десятками миллионов поработанных людей, в каждом изобретении видел особые стороны, делающие его опасным для врагов. Когда Гремин указал ему на это, Брайтон энергично махнул рукой и сказал:

— Конечно! Сначала победим одних, а потом уж облагодетельствуем других!

И он что-то подсчитывал, соображал и отмечал в записной книге.

Брайтон неожиданно оживился, когда Гремин привел его в огромное здание с высокой башней и быстрым потоком воды, мчащейся куда-то с шумом и грохотом.

— Это фабрика золота, — сказал Гремин, заметив вопросительный взгляд англичанина. — Смотрите.

Сквозь стекла башни можно было увидеть, как в падающем сверху водопаде мелькали сотни сеток, быстро прячущихся в углублении стен и вновь рассекающих воду.

— Эти сетки сделаны из особого сплава, поглощающего золото, — сказал, стараясь перекрыть шум воды, Греммин. — Они улавливают те сотни миллионов пудов золота, которые растворены в воде морей.

Лишенная золота вода с плеском и глухим грохотом исчезала в конце здания в глубоком колодце, где в падении она приводила в движение динамо-машины, превращаясь в силу, свет и тепло.

— Это душа вашего острова! — улыбнулся Брайтон.

Инженер кивнул ему, и они начали спускаться в подвал, расположенный под зданием фабрики золота.

Здесь все содрогалось от мчащейся в каменном русле воды, которая буквально оглушала своим ревом.

Высокие штабеля больших и малых слитков золота, целые горы драгоценного металла были сложены здесь. Всю землю можно было купить за эти сокровища.

— Скорей, скорей к Русанову, — вдруг крикнул Брайтон и почти бегом бросился из подвала.

— Вы не хотите кровопролития? — сказал он, остановившись перед стариком. — Хорошо! У вас есть способ незаметно и быстро победить всемирные тресты. Вы знаете, что у нас на поверхность земли попадают те, которые представят нужное количество золота. Мы снабдим им население подземелий и будем увеличивать число «свободных». Остановятся фабрики и опустеют поля и плантации. Произойдут непредвиденные осложнения, а изменение законов вызовет бунты и гибель трестов.

С того дня все население острова было занято постройкой судов. Вскоре они шли в сопровождении большого корабля, который в пути снабжал их энергией, передаваемой по воздуху. Около Марселя глубокой ночью суда выгружали слитки золота, и ночью же их уносили выходящие из подземелий по естественным расщелинам и пещерам люди вглубь земли, где с каждым днем ярче занималась заря скорого освобождения.

Через несколько лет, когда в Европе после жестоких междоусобных войн, убийств и казней начались голод и поварьные болезни, с острова прибыл «Орел».

Генеральному Совету всемирных трестов, с трудом удерживающему еще в своих руках власть, были посланы требования о немедленном отказе от управления человечеством и о подчинении решениям острова.

Весть об этом разнеслась среди населения, свободного, но полуголодного и начинающего уже вымирать. Одичавшие и отчаявшиеся люди несколько дней окружали здание Генерального Совета и грозными криками требовали согласия на условия освободителей. Когда же Совет слишком долго не мог прийти к окончательному решению, толпа ворвалась в золотую залу дворца, и когда с завываниями и проклятиями она выбежала оттуда, то на залитом кровью полу, среди обломков столов и кресел, лежало несколько трупов.

Через два часа после этого на острове происходил такой разговор между Греминым и Брайтоном, гулявшими в саду и наслаждавшимися тихим летним вечером.

— Довольно! — засмеялся англичанин. — Теперь ваш черед. Я должен признаться, что не особенно спешу увидеть миллионную толпу озверевших людей. Они едва ли лучше тех шести безумцев, которые владели ими. Идите вы с Русановым. Вы — мечтатели и пророки, приведите этих людей к сознанию труда для общего блага, а потом зовите меня, человека дела!

— По какому поводу так волнуется «человек дела»? — спросила с легкой насмешкой Нина, идя им навстречу.

— Джемс Брайтон ужасно разлеился, — ответил Гремин, — он хочет отдохнуть, а там теперь такая работа, там обновление человечества, новая разумная и свободная жизнь!

Инженер обвел рукой широкий круг в воздухе.

— Я тебя и не удерживаю! — засмеялся Брайтон и лукавые огоньки загорелись в его глазах.

— Но и я тебя не удерживаю, Джемс! — ласково глядя его по руке, сказала Нина.

Брайтон весело расхохотался и, взяв за руки жену и Гремину, сказал:

— Пойдем к старику. На острове нам уже осталось жить так недолго. Завтра — туда! Назовем же этот остров «Землей Побеждающей Мысли»!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Николай Ашешов

Осип Дымов, Бегущие креста. Роман. Изд. «Наши дни». Москва. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к. К. А. Оссендовский*. Женщины, восставшие и побежденные. Роман. Изд. «Наши дни». Москва. 1915 г. Цена 1 руб.

В Москве народилось новое издательство «Наши дни». Пародируя известные стихи, можно сказать: дай Бог поболее издательств, плодят читателей они, да плодят и книги. К сожалению, первые выпуски нового издательства вызывают чувство недоумения. Оно дает книги положительно без всякого разбора. Тут и Игорь Северянин, и гр. Алексей Толстой, и О. Дымов; но есть и А. Оссендовский, и Н. Архипов. Но это полбеда. Настоящая же беда в том, что неразборчивость соединяется с весьма странной литературной этикой.

Почитатели таланта О. Дымова, вероятно, с чувством удовольствия узнали из газетных объявлений и заголовка его книги, что писатель дал новый роман «Бегущие креста». Ни на обложке, ни в газетных объявлениях, ни в перечне изданий «Наших дней», имеющих в каждом выпуске этого издательства, не указано, что этот роман отнюдь не новый: ново лишь заглавие для старого романа О. Дымова, вышедшего три года тому назад под названием «Томление духа». Читатель вправе сказать, что его издательство обманывает. Конечно, для О. Дымова, мы думаем, будет большим сюрпризом такое маклачское отношение к нему со стороны издательства...

Роман г. Оссендовского носит громкое название «Женщины, восставшие и побежденные». Но представляет он собой самую настоящую чепуху, написанную с заранее обдуманым намерением подурочить над читателем.

* Так в тексте (*Прим. сост.*).

Роман фантастический, это — один из самых трудных видов творчества. И большие таланты спотыкались на этой форме. Но г. Оссендовский смел безгранично, и без таланта, как без руля и ветрил, плавает беззаботно по литературному морю.

Чего только нет в этом «романе»?! Суфражистки всего мира взбунтовались и принялись жечь города при помощи изобретенного одной из них, по фамилии Разина (очевидно, потомок Стеньки Разина) зажигательного шарика. Все государства решили избавиться от суфражисток и сослать их сообща на дикий остров Гарвея. Дочь Разиной, Ольга, просит капитана русского парохода, который должен доставить русских суфражисток на остров, Седельникова, разрешить ей ехать вместе с матерью. Капитан разрешает. И, конечно, влюбляется в Ольгу, которая не преминула ответить тем же. Но она ставит условием, что Седельников приедет за ней на остров Гарвея только через год, так как она решила остаться с матерью. Седельников через год приезжает. Случай помог ему разбогатеть: он ковырял ножом землю и нашел три ценнейших бриллианта!..

На о. Гарвея жили какие-то карлики, большеголовые и безглазые, которые приручили... спрутов! Эти спруты, между прочим, доставляли жизненную энергию карликам при помощи особых электрических машин. Оказывается, что г. Оссендовский, — вероятно, чтобы утрашить суфражисток, — обрек их на полную гибель: они попали во власть карликов, спрутов и каких-то человекоподобных существ обезьяньего типа. В конце концов, все суфражистки погибли, кроме, конечно, Ольги Разиной, которую Седельников нашел после целого ряда глупых до неприличия приключений и неприличных до глупости походов. А затем сам остров бесследно исчез.

Конечно, г. Оссендовский может весьма отрицательно относиться к суфражизму просто потому, что в нем он ничего не понимает, и искренне желать провалиться всем борющимся женщинам в тартарары. Издательство «Наших дней» может, конечно, считать г. Оссендовского равным Жюль-Верну и Уэллсу. Остается, однако, читатель. Чтобы

спасти его от искушения узнать, какие женщины бывают «восставшими и побежденными», мы и предупреждаем его относительно низкопробности развязной литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все произведения публикуются по первоизданиям, откуда взяты и иллюстрации. Орфография и пунктуация текстов приближены к современным нормам; безоговорочно исправлены несомненные опечатки. Имена, географические названия и термины, как правило, оставлены без изменений.

В оформлении обложки использован рисунок обложки первого русского издания книги А. Оссендовского *Звери, люди и боги* (Рига: изд. Г. Л. Биркган, 1925).

—

Бриг «Ужас»

Впервые: *Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива»*. 1913. Т. 11, ноябрь.

Описанный в повести «пласмодий <...> простейшее существо, от которого путем дальнейшего развития появились и другие организмы, близко напоминает хищную первобытную «слизь» из рассказа *Тайна трех смертей*, в то время как своеобразная «дуэль» двух кораблей была описана Оссендовским в рассказе *Клад атмана Очерета* (см. эти произведения в т. I). Не стоит и упоминать, что капитан зловещего брига «Ужас» Силин смоделирован по образу и подобию капитана Немо Ж. Верна.

Женщины, восставшие и побежденные

Впервые как отдельное изд.: М.: Наши дни, 1915.

Из двух подзаголовков («Роман» на обложке и «Фантастическая повесть» на титульном листе) предпочтение было отдано второму. В заглавии гл. VI (в оригинале «Гибель парусника “Ван Гаган”») название парусника не соответствует фамилии гол-

ландского инженера и представляет собой явную опечатку, а потому было исправлено на «Ван Гааген» (как парусник и называется далее в исходном тексте на с. 47). Еще одна явная опечатка содержится в заглавии гл. XIV – «Выходы с далекой планеты» вместо «Выходцы...» На с. 152 исходного издания матрос Русинов назван Русиним; фамилия исправлена в соответствии с первым упоминанием.

Повесть служит своего рода «предисловием» или «приквелом» к повести *Грядущая борьба* (см. ниже), начинающейся с описания казни «последней суфражистки». Одновременно *Женщины, восставшие и побежденные* предвосхищают знаменитые *Хребты безумия* Г. Ф. Лавкрафта (хотя мы, конечно, далеки от попытки сравнения Оссендовского с блистательным американским мастером «сверъестественного ужаса»).

Грядущая борьба

Впервые: *Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива»*. 1914. Т. 10, октябрь.

Н. Ашешов. <Рецензия>

Впервые: *Современный мир*. 1915. № 3, под псевд. «Ал. Ож.».

Н. П. Ашешов (1886-1923) — журналист, беллетрист. Юрист по образованию, в нач. карьеры помощник присяжного поверенного. После высылки из Москвы (по политич. причинам) редактировал в 1893-94 гг. газ. *Самарский листок*, в 1895-97 гг. был фактическим редактором *Нижегородского листка*. Публиковался в многочисленных периодич. изданиях как публицист и литературный критик.

Оглавление

Бриг «Ужас»	7
Женщины, восставшие и побежденные: Фантастическая повесть	54
Грядущая борьба: Завтрашняя повесть	157
<i>Приложение</i>	
Н. Апешов. <Рецензия>	191
Примечания	194

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.